

Леон Дегрелль

ЭСЭСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА

Откровения с петлей на шее

ЭСЭСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА

Откровения с петлей на шее

Леон Дегрелль

Леон Дегрель

**ЭССОВСКИЙ
ЛЕГИОН
ГИТЛЕРА**

ОТКРОВЕНИЯ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2012

УДК 355/359
ББК 68
Д 26

Оформление серии П. Волкова

Печатается по изданию: Leon Degrelle. La campagne de Russie: 1941–1945. Paris: Le Cheval Aile, 1949. Vol. I

Дегрелль Л.

Д 26 Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее / Леон Дегрелль. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 288 с. — (Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0366-8

За годы Второй Мировой автор этих мемуаров сделал феноменальную карьеру — от рядового добровольца до штандартенфюрера, командира **28.SS-Freiwilligen-Panzergrenadier-Division «Wallonien»** (28-й добровольческой дивизии СС «Валлония»). Награждая его Рыцарским крестом с дубовыми листьями, Гитлер заявил: **«Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на Вас!»** А в родной Бельгии военного преступника Дегрелля приговорили к повешению, и до конца жизни он скрывался в Испании под чужой фамилией.

Эта книга, прослеживающая боевой путь бельгийских добровольцев фюрера от создания Валлонского легиона в августе 1941 года до его преобразования в штурмовую бригаду СС «Валлония», — лучшее противоядие от фашизма. Эти мемуары полезно почитать для прочищения мозгов всем доморощенным нацистам, верящим сказкам «о добром Гитлере», который-де пришел освободить Русь от «жыдов и комиссаров». В отличие от простых солдат Вермахта, поражавшихся несоответствию «арийской внешности» русского народа геббельсовской лжи о «недочеловеках», фанатичный гитлеровец Дегрелль видит на Восточном фронте только «азиатские орды» — одних лишь «татар», «киргизов» и «монголов» (!), — еще раз доказывая, что для европейских фашистов русской нации не существует вовсе!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0366-8

© А. Больных, пер. с фр., 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2012

ГЛАВА 3

Битва за Харьков

Бой за Громовую Балку стал последним крупным усилием большевиков в боях на Донце зимой 1941—1942 годов. Наш легион, расположенный в Благодати, находился в резерве, но готовый двинуться на помощь при первых признаках опасности. Но на фронте пока не возникало серьезных проблем.

Ночью можно было слышать частую стрельбу из пулеметов. Буквально с крыльца нашего жилища мы могли видеть вспышки выстрелов и струи трассирующих пуль, летящие над степью.

Удар, нанесенный красным 28 февраля, оказался решающим. Их наступление было остановлено, и они были отброшены назад.

Благодать по-прежнему утопала в высоких сугробах. Снегопады сменились сильными метелями. Кажется, зима будет тянуться бесконечно. Мы провели в этой белизне шесть месяцев. Она нас просто достала: белая степь, белая крыша, белое небо, которое летело над головами.

* * *

Деревня, опустошенная боями, была исключительно бедной. Мы спали на досках или соломе, иногда даже на земляном полу наших жилищ. Хныканье бледных

детей терзало наши уши. Эти бедные люди питались только картошкой, которую они жрали сырьем, только посыпая ее солью. Все коровы были перебиты. Крестьяне волокли своих мертвых лошадей, а также тела пятисот советских солдат, свалив их в большой каменоломне — внушающий ужас могильник, из которого торчали лошадиные копыта и человеческие головы.

Мы брали воду из деревенского колодца. Однажды ведро упало туда и осталось на дне. Мы послали человека, вооружив его прочной веревкой с привязанным крюком, чтобы выудить ведро. Крюк вскоре что-то зацепил, и мы решили, что это ведро. Однако оно оказалось невероятно тяжелым, потребовались крепкие руки и спины нескольких мужчин, чтобы вытащить это. Но вот наконец наша добыча показалась на свет: огромный ужасный монгол, наполовину разложившийся — его пояс зацепился за крюк. И эту воду мы пили несколько недель!

Избы были не более чем пристанищем для вшей. В наших жилищах лежали запасы зерна для посева, которое постоянно шуршало, так много мышей там обитали.

Большинство из нас страдало от «волынской лихорадки», или сыпного тифа, разновидностью малярии, от которой человек впадает в тяжелую апатию. Вечером температура у нас подскакивала до 39 градусов. Зато утром она падала до 35 градусов. Мы едва могли есть и становились все слабее и слабее. Избы и степь кружились вокруг нас. Мы не могли работать и даже выйти наружу.

Кризис, даже в самой острой стадии, наступал через три или четыре недели. После этого мы с огром-

ным трудом, но все-таки могли подняться на ноги, а наши головы тряслись как у бедных старых лошадей.

Выздоровление редко шло гладко. Время от времени тиф возвращался, как и малярия. Против эпидемии на Восточном фронте наши врачи не имели лекарства, исключая вездесущий аспирин — универсальное лекарство всех армий в мире.

* * *

Мы пытались вернуть обычные привычки и нормальную гигиену.

В одном из домов мы временно конфисковали корыто — нечто вроде плоского каноэ, вырубленного топором из целого ствола. Растолкли в нем огромную глыбу промерзшего снега, а потом садились в эту смешную лодку. При первом же слишком энергичном движении ты вываливался наружу.

Русские не мылись в течение всей зимы. Они изобрели самые чудные способы очищать свои лица. Набрав воды в рот, они брызгали четыре или пять раз себе на ладони, а затем терли щеки. Точно так же они вытирали лица своим хнычущим детям.

Церемония охоты на вшей становилась почти ритуалом.

Сначала требовалось вызвать соседскую женщину. Склонившись до самой земли, она распускала волосы и клала их на колени своей родственницы, которая проводила час или два, вычесывая мириады маленьких насекомых большим деревянным гребнем. Затем уже она садилась на землю, а первая, не прекращая болтать, в свою очередь принималась за вычесывание.

Летом эта операция проводилась на пороге избы. Это было ужасающе прекрасно: они убивали вшей друг у друга — весьма наглядный пример коммунизма.

Как только наши легкораненные оправились, мы перестроили свои роты, хотя их численность составляла только половину первоначальной.

В начале контрнаступления я был капралом, но стал унтер-офицером в разгар битвы за Громовую Балку. Я следил за исправностью пулеметов и качеством супа с таким рвением, словно собирал 50 тысяч политических последователей. Мне нравилась солдатская жизнь, простая и свободная от мировых проблем, амбиций и интересов.

Прошли несколько месяцев с тех пор, как я получил последние известия о драках на Форуме. Гадючья стая прожорливых чиновников, искушения и подлости политической арены заставляли меня страдать. Я предпочел вшивую избу министерскому кабинету, поношенный солдатский мундир душному комфорту ничтожного среднего класса. Я мог прямо смотреть в глаза моим солдатам, очистившись самопожертвованием, я чувствовал, как шаг за шагом приближаюсь к их идеалам. И я ощущал, что в свою очередь отдаю им весь жар своего сердца.

* * *

Нас довольно часто посещали наши немецкие товарищи. Мы даже могли забежать к ним, чтобы провести вечер у них в блиндажах. Долгие часы мы обсуждали проблемы послевоенного мира.

Что же там еще будет, кроме смерти?

Вопросы о границах и материальном благополучии нас не слишком волновали. Мы постоянно жили лицом к лицу со смертью, а потому пришли к пониманию исключительной важности духовных сил. Фронт держался только потому, что здесь находились души, которые верили, что горят пылом страсти, который излучает силу. Наши победы достигались не только силой оружия, но и силой помыслов.

Проблемы послевоенного мира будут такими же. Экономических побед будет недостаточно. Политической перестройки будет недостаточно. Потребуется огромное моральное возрождение, которое унесет с собой все грехи нашего времени, восстановит наши души, привнесет свежую атмосферу терпения и безоговорочной преданности.

Национальная революция? Да. Социальная революция? Да. Европейская революция? Да. Но прежде всего и превыше всего духовная революция, которая в тысячу раз нужнее, чем видимый порядок, чем видимая справедливость, чем братство только на словах.

Слова, родившиеся из смертей и ненависти войны, требуются прежде всего чистым сердцам, верящим в свою миссию, исполнению которой они посвятили себя целиком.

Наши споры полыхали подобно пламени. Маленькая тусклая керосинка выхватывала из темноты наши лица. Эти лица светились. Этой зимой мы переносили телесные страдания ради очищения душ. Никогда мы не чувствовали такой силы в сердцах, такой ясности, такой радости.

Фронт заставил нас хлебнуть лишений, ведь мы по-

теряли все привычные мелкие жизненные удобства. Но мы очистились от ненависти и всяческих ничтожных желаний. Мы умерщвляли наши тела, гасили свои амбиции, очищались и приносили себя в жертву. Сама смерть больше нас не пугала.

Снег продолжал устилать поля.

На Великий четверг он повалил снова, огромные хлопья сыпались несколько часов. Затем воздух очистился. Мы смотрели на белую степь, над которой поднимались высокие черные стебли подсолнухов. В конце зимы холмы приобрели странный серый оттенок. Снова показалось солнце.

Воробьи весело чирикали в соломе. Каждый день солнце прогревало равнину. Талая вода бежала ручейками. Крестьяне своими топорами, долотами и кирками кололи лед толщиной 30 или 40 сантиметров, который окружал наши дома. Через несколько дней селение превратилось в огромную выгребную яму. Поля были похожи на море липкой патоки. С одного конца деревни до другого мы могли добраться только верхом, делая большой крюк по возвышенностям.

Впрочем, самые смелые из нас рискнули заняться серфингом. Они катались вокруг Благодати в плавательных костюмах следом за упряжкой мулов. Между избами мы соорудили мостки, так как грязь имела глубину не меньше полуметра. Потоки шириной до 50 метров, образовавшиеся из тысяч ручейков, неслись вниз по склонам с силой настоящей реки, образуя kloчущие водовороты. Первую крестьянскую телегу, которая осмелилась пересечь такой поток, просто унесло прочь. Женщина, которая ей правила, едва не утонула, она долго плыла и ныряла, захлебываясь.

* * *

После двух недель солнечной погоды мы сумели вернуться к стогам на вершине гряды, где бывали прошлой осенью. Там мы валялись на солнышке, сбросив куртки, подставляя торсы живительному весеннему теплу.

Место, где находились деревенские пруды, изменилось совершенно. Большие мороженые карпы плавали сотнями возле решетчатых запруд.

Однажды я поскакал верхом на запад. Река петляла. Я заметил вдали небольшой лесок. Он уже начал зеленеть, мягкие желто-зеленые тона. Я поднялся на стременах и вдохнул полной грудью воздух, напоенный весенними ароматами. Просто чудесно!

Солнце победило зиму!

Дороги просохли. Ветряная мельница махала крыльями в прозрачном голубом небе.

Наступил май. 10 мая мы получили секретный приказ. Мы должны были сменить сектор, выступив этой же ночью. Надвигались великие события. Радостные и шумливые, мы покинули избы, распевая веселые песни, и отправились навстречу новым приключениям и славе, и весеннее тепло грело наши сердца.

Крик кукушки

Ни разу во время ужасной зимы 1941—1942 годов даже тень сомнения не омрачила дух немецких солдат и их европейских союзников. Их страдания были неописуемы, однако они знали, что только удары беспощадной зимы, лед и температура минус 42 градуса да нехватка техники были причиной неудач. Сталин не

контролировал ситуацию. Теперь железные дороги возобновили нормальную работу, мосты были восстановлены, письма приходили довольно быстро. Раздавалась теплая одежда, объемистые женские меховые душегрейки из прекрасных баварских шкурок. Мы получили их, когда оттепель была в разгаре. У нас хватило духа посмеяться над запоздалым подарком и вернуть его.

Весной у нас не возникало серьезных проблем. Америка, которая официально вступила в мировую войну в декабре 1941 года, всю зиму терпела сплошные поражения. Англичане, которые к этому времени стали несомненными чемпионами мира по эвакуациям морем, оставили Гонконг и Сингапур и драпали со скоростью призовых гепардов, пантер и других кошек по джунглям Бирмы. Армии на Восточном фронте твердо верили, что англичане и американцы глубоко увязли в Азии и больше не представляют угрозы для Рейха. Пока они продолжают отступать по просторам Тихого океана, Германия спокойно нанесет решающий удар Советскому Союзу.

Да, было понятно, что Сталин продолжает отбиваться, он даже отвоевал зимой какую-то территорию. Но теперь армии Рейха отбросят осторожность, проявленную прошлой осенью. Некоторые участки фронта немцы продолжали твердо удерживать, хотя это казалось невозможным. Конечно, еще возникали опасные моменты, но, несмотря на прерывистый фронт, несмотря на морозы, несмотря на бардак, наше положение снова стало совершенно надежным.

Русские в 1941 году понесли колоссальные потери. Их зимнее наступление провалилось, провалилось полностью.

Наступал последний раунд борьбы. По крайней мере, мы так думали, совершенно уверенные, что близится исход великой битвы.

* * *

Никогда еще немецкие армии не были столь мощными.

Рейх предпринял необычайные усилия, чтобы восполнить потери, понесенные зимой, и довести численность соединений до штатной. Полки снова имели полный состав. Дивизии даже были усилены, получив по запасному батальону численностью 1500 человек для восполнения потерь, которые будут после начала нового наступления в бескрайних степях.

Каждое подразделение получило новую технику и новое вооружение в отличном состоянии. Было приятно видеть эти дивизии численностью от 15 000 до 17 000 великолепных, жизнерадостных молодых людей, прямых и сильных, как молодые дубки, под командованием опытных офицеров и унтер-офицеров. Таких солдат не имела ни одна армия в мире.

Зима была забыта. Если мы теперь и вспоминали ее, то со смехом. Вспоминая перенесенные страдания, мы лишь радовались тому, что видим сейчас. Человек, отмороживший себе нос, вынужденный спать в избе, кишасей вшами, которые были настоящими людоедами, вынужденный питаться гнилыми сухарями, теперь думал об этом с некоторым изумлением. Судя по разговорам, люди стали совершенно негибемыми.

Внезапно произошел сенсационный поворот в ходе войны, который позволил немецкому командованию

еще раз продемонстрировать свое исключительное мастерство.

Высшее немецкое командование обладало совершенно непревзойденным хладнокровием и спокойствием. Немецкие генералы сидели в своих штабах за картами, как шахматные чемпионы за доской, склонившись над фигурами. Они все тщательно продумывали и делали только далеко рассчитанные ходы.

10 и 11 мая 1942 года германское командование привело в движение свои войска на Донце, чтобы начать наступление на восток. Но пока эти войска выдвигались на исходные позиции, советский маршал Тимошенко нанес чудовищный удар, начав наступление в самом северном секторе нашего участка фронта. Он прорвал оборону ниже Харькова и бросил несколько сот тысяч человек на Полтаву и Днепр.

Войска Тимошенко глубоко вклинились на занятую немцами территорию. Московское радио и Би-би-си объявили о неизбежном выходе русских на Днепр. Драпавшие войска добежали аж до нашего расположения, распространяя мрачные слухи.

Германское Верховное командование было полностью переиграно русскими. Однако немцы спокойно восприняли свой провал, не поддавшись панике. Гораздо более важным было то, что немцы так и не отказались полностью от своего плана наступления. Приготовления продолжали идти согласно плану. Верховное командование позволило русским наступать целых пять дней, в результате чего возник огромный выступ с центром в Полтаве. Все это время немецкие батальоны спокойно выходили на указанные им позиции. Ни один маневр не был ускорен ни на час.

* * *

Наш легион еще не получил новобранцев в качестве пополнения. Однако ему выделили широкий участок как раз в горловине фронта на Донце.

Наши окопы и траншеи находились в отличном состоянии. Они шли вдоль гребня цепи высоких холмов, склоны которых круто спускались к речной долине и к деревне Яблонская. Яблонская господствовала над проходом, и красные превратили ее в мощный узел обороны. Их артиллерия простреливала всю долину. Снаряды сыпались на наши позиции, словно кто-то закидывал их шариками для пинг-понга.

Ночью наши добровольцы бесшумно ползли подобно ласкам между минами, густо усеявшими наш сектор, чтобы проверить оборону русских. Они должны были укрыться среди вражеских позиций и провести день, наблюдая за врагом. Они тщательно изучали все коммуникации красных, расположение пулеметных гнезд и артиллерии.

На рассвете мы рассматривали холмы, занятые красными, в бинокли. С вершины стога сена наблюдатели должны были на мгновение поднять руку и помахать носовым платком. Наши солдаты отлично умели маскироваться. Наши пулеметы должны были прочесать окружающий район очередями, чтобы прикрыть сорвиголов, если русские их заметят.

Некоторые взводы отваживались на подобные рейды каждую ночь, отправляя по два человека. На следующую ночь мы слышали тихое шуршание в назначенном месте и ползли к краю минных полей, чтобы встретить возвращающихся товарищей. Они всегда возвращались в полном порядке, принося детальную информацию и захватывающие истории.

* * *

Вечером 16 мая был получен приказ начать наступление.

Мы не имели понятия, куда именно заведет нас атака. Как уже не раз случалось, каждый день назначались новые цели. В армии нет нужды бессмысленно напрягать мозги и заглядывать далее, чем в завтра. Для нас 16 мая 1942 года это был проход в Яблонской.

Наступление началось в 02.55. На нашем левом фланге на северо-восточном берегу реки немецкие танки нанесли массированный удар, обошли Яблонскую, а потом повернули к небольшой долине.

Мы бросили в бой только часть добровольцев. Их задачей было вышибить русских из Яблонской, атаковав ее с фронта. Но наша атака была бы только уловкой. Пока советские войска отвлекутся на нас, танки должны были нанести главный удар с северо-востока. Остальные наши силы пока удерживали позиции на гребне холмов, ожидая развития событий.

* * *

Ночью с 16 на 17 мая время тянулось мучительно медленно.

В 02.30 впервые горизонт стал серым — приближался рассвет. Тысячи людей, готовых к атаке, затаили дыхание. Ни один звук не нарушал тишину нарождающегося дня.

Зеленые и серебряные лучи медленно ползли по склонам долины. Внезапно раздался совершенно неожиданный звук, громкий и радостный: «Ку-ку! Ку-ку!»

Это запела кукушка! И это в долине, где вот-вот заговорят пушки и выглянет мрачное лицо смерти!

«Ку-ку!»

Но затем птица умолкла. Грохот танковых гусениц заполнил воздух. 17 мая 1942 года. Началось наступление на Харьков.

Яблонская

Начало наступления повергло тысячи людей в секундный ступор, словно на них обрушился ураган.

Утром 17 мая в 03.00 советские войска на Донце явно не ожидали ничего. Они все были в восторге от успешного наступления на Харьков — Полтаву и не могли даже подумать, что, чем дальше на запад заходят их дивизии, тем быстрее все они будут уничтожены!

Из деревни Яблонская в конце долины какое-то время не раздавалось ни одного выстрела. Ночь как ночь, много таких уже прошло.

Вскоре после того, как грохот немецких танков стал громче, мы увидели, как над брустверами траншеи замелькали маленькие круглые каски.

Могучий рев танковых моторов эхом отдавался в полях на плато. Примерно десять минут еще звучал грозный лязг танковых гусениц, а потом рассвет взорвался оранжевыми и зелеными сполохами. Артиллерия открыла огонь, и загрохотали одновременно сотни орудий.

Со своих позиций на склонах холмов мы с удивлением следили за тем, куда падают снаряды. Советская деревня была разнесена на куски, перевернута вверх

дном, перемолота в щепки, словно огромный великан изрубил его чудовищным топором.

А потом наши солдаты начали бегом спускаться в небольшую долину.

* * *

Склоны были совершенно голыми и крутыми. На дне текла река, ближе к вражеским позициям, и скошенные поля были усеяны старыми, заброшенными скирдами. Фронт атаки сначала сузился, но потом снова расширился, так как начались поля, подходящие вплотную к первым домам Яблонской.

Согласно плану наши добровольцы должны были только отвлечь противника и связать его боем, пока танки зачищают плато. Но наши парни были неустойчивы. Скатившись в долину, они не стали останавливаться, укрывшись в оврагах и беспокоя русских издали, а бросились вперед. Единым порывом они преодолели километр, отделявший их от деревни.

Мы восхищались их отвагой, но, зная о силе вражеских позиций, предчувствовали неминуемую катастрофу.

Так вскоре и произошло. Маленькую равнину, по которой бежали наши товарищи, накрыли сотни снарядов. Несчастные парни даже не успели замедлить бег, как налетели на ряды колючей проволоки. Однако они не остановились и продолжали мчаться к Яблонской. Как ни странно, но несколько человек добежали до первых домов.

Затем новые разрывы совершенно скрыли их из виду. Повсюду взлетали высокие столбы дыма и пыли.

Наши люди побежали назад в полном беспорядке. Мы думали, что все они перебиты. Почти все лежали на земле и не шевелились. Лишь несколько раненых кое-как ползли. Мы видели их в наши бинокли, они пытались укрыться в крошечных складках местности и перевязать свои раны.

Однако помочь им было совершенно невозможно. Все подходы были перекрыты огневой завесой, настолько плотной, что попытка прорвать ее была бы форменным безумием.

* * *

Наши солдаты должны были спастись самостоятельно, но без бросков и беготни. Прошло некоторое время, прежде чем до нас дошел этот основной принцип.

Наши бинокли поворачивались от одной скирды к другой, обшаривая мелкую долинку. Мы были совершенно уверены, что эти скирды поменяли место. Мы решили проследить за одной из них в течение нескольких минут. Она двигалась, никаких сомнений! Почти незаметно, но двигалась.

Некоторые наши солдаты под шквальным огнем укрылись позади этих кучек соломы и заползли под них. А теперь, подобно черепахам, они потихоньку двигались в сторону противника.

Это было зрелище в равной степени смешное и волнующее. Русские не могли обстреливать долину из пулеметов непрерывно. Но при каждой передышке скирды передвигались на несколько метров вперед. Движения были настолько осторожными, что уло-

вить их можно было, только отметив себе реперные точки.

Наши солдаты-черепахи наверняка потихоньку звали своих товарищей, которые лежали посреди равнины. Некоторые из них уже час как лежали неподвижно, словно камни. Но когда скирда приближалась, предполагаемый покойник оживал и скрывался под ворохом сена, присоединяясь к своим товарищам!

Этих кучек сена было очень много. Почти невозможно было обнаружить, какие из них стоят на месте, а какие движутся, русские и не обнаружили. Прошло два часа, но наша уловка так и не была раскрыта. Большинство наших солдат под прикрытием новоизобретенной маскировки подползли вплотную к небольшим холмикам всего в сотне метров от врага. Их пулеметы начали обстреливать позиции красных.

Все утро наши солдаты исполняли свой долг, проявляя отвагу сверх ожидаемой. Они непрерывно обстреливали русских, вынуждая их сосредоточить все силы напротив долины, в то время как наши танки, укрываясь за холмами, обошли противника на несколько километров.

Немецкая пехота следовала за танками. Мы видели, как немецкие солдаты скользят вдоль возвышенности на северо-востоке, проявляя свою обычную осторожность. Это настолько отличалось от порывистости наших валлонов, несдержанных, как все дети. После нескольких часов тонкая зеленая линия вермахта протянулась в район, который удерживали русские. Положение русских в Яблонской стало отчаянным.

* * *

Но защитники тоже продемонстрировали незаурядную отвагу. Наши пулеметы обстреливали их позиции. Германская артиллерия обрушила на них сотни снарядов, с непостижимой меткостью накрывая русские блиндажи. Мы видели, как взрываются укрытия и рушатся избы. Русские постоянно возвращались, окапываясь среди развалин, и восстанавливали позиции. Советская батарея двинулась вперед из деревни, расположенной в трех километрах от линии фронта. Немецкие орудия нащупали дистанцию и начали обстрел дороги. Несмотря на это препятствие, русские подкрепления подходили постоянно.

Вмешались немецкие пикировщики.

Во время зимних боев немецкая авиация поддерживала нас крайне редко. Она появлялась только в самых крайних случаях, причем прилетала лишь горстка самолетов.

Зато теперь в сверкающем небе прямо над нами кружили более 60 «Штук»! Если говорить точно — 64 штуки. И только в нашем секторе. Это было фантастически. Все небо заполнило пение их моторов. Самолеты скользили один за другим, а затем устремлялись вниз, включив сирены. Они выходили из пике в последнее мгновение, в воздух взлетал огромный столб земли, человеческих тел, разломанных крыш. Затем самолеты взмывали вверх в идеальном порядке, величественно разворачивались и снова начинали пикировать.

Русские проявили поистине героическое упорство и снова возвращались, когда «Штуки» отворачивали в сторону. Прижатые к земле, они спешно рыли новые окопы и снова открывали огонь.

* * *

Но это невероятное упорство закончилось примерно к 15.00.

Танки, за которыми следовала пехота, спустились по склону позади деревни Яблонская. Наши солдаты выпрыгивали из-под своих стожков, совсем не желая уступать кому-либо честь первыми войти в деревню. Они быстро форсировали реку и бросились на русских.

В это же самое время одна из наших рот выскочила из окопов и захватила деревню напротив Яблонской, на другой стороне речки.

Долина была открыта.

Было совершенно необходимо не давать противнику передышки.

Судьба Яблонской могла посеять панику в тылу русских. Немецкое командование намеревалось использовать все выгоды ситуации. В 20.00 начался второй этап наступления.

Большие пылающие стога освещали холмы, пока мы пробирались через русские минные поля. Тысячи солдат двигались вперед ползком, так как яркий огонь делал из них слишком хорошие мишени. Время от времени солдат натыкался на мину, и его подбрасывало в воздух, разорванного на куски. В долине также подорвались несколько артиллерийских расчетов вместе со своими лошадьми и пушками. Однако необходимо было наступать, чтобы занять еще до рассвета новую гряду холмов в 8 километрах к востоку.

В 04.00 мы вышли на назначенный рубеж, и мерцающий рассвет приветствовал нас. Прошлой ночью температура внезапно подскочила до 40 градусов выше нуля, буквально за одну ночь расцвели тысячи

вишневых деревьев в долине. Она превратилась в кипящее белое море душистых цветов, по которому мы плыли по направлению к врагу.

Пятьдесят градусов

Бой за Яблонскую стал одним из эпизодов битвы за Харьков. По всему котлу на Донце мы выбивали советские войска из укрытий, громили и уничтожали точно так же, как это происходило в нашем секторе. Повсюду фронт, стабилизировавшийся в начале марта, был разорван танками и «Штуками». Укрепления красных, одно за другим, захватывались нашими войсками. Где и как русские сумеют восполнить свои потери?

В конце концов они обратились в бегство по всему фронту на Донце. 18 мая 1942 года, в то самое утро, когда мы прорвались через долину, мы столкнулись только с арьергардом и отставшими от своих частей. Мы преследовали противника по пятам и мчались вперед со всей скоростью, какую только можно было развить в пыльной степи.

Адское солнце поднялось в зенит, и температура повысилась еще больше.

Маршируя в облаке пыли высотой три или четыре метра, мы проходили мимо беженцев — сотни женщин и детей, крестьянки в синих и красных платках, босонogie пацаны, коровы с маленькими телятами, которые не могли убежать. Все они тащили с собой свои скудные пожитки на маленьких тележках: одну или две корзины зерна, деревянную кадуюшку, жалкие тряпки, ведро из колодца. Мы поглядывали на красивых девушек. Из этого толпа сделала вывод, что мы не людоеды, и остановилась. Мы отправили всех их в противо-

положном направлении, к брошенным деревьям. Маленькие телята так забавно чихали, тащась за хвостом матери!

Мы прошли около 20 километров с максимальной быстротой, покрывшись густой пылью. Наши губы пересохли, а лица стали черно-багровыми.

И тут над дорогой поднялась туча пыли, еще более густая, чем наша. Это была кавалерия, словно вынырнувшая из прошлого! Одна из великолепных советских казачьих дивизий удирала во все лопатки, а теперь мимо нас пролетела германская кавалерия, преследуя беглецов.

Мы останавливались в деревьях, напоенных ароматами цветения, заполнившими все вокруг в эти весенние дни. Мы располагались под вишневыми деревьями, глядя, как солнечные лучи играют на нежных цветочных лепестках. Температура поднялась до 55 градусов. В феврале в этой же самой местности на нас обрушился мороз 42 градуса ниже нуля, то есть перепады температуры составляли 100 градусов! А форма у нас была только одна...

Хутора стояли в тени деревьев, сверкая разными красками: серая и желтая солома, ставни синие, зеленые или красные, расписанные голубями и подсолнухами. Свины, розовые и черные, копошились во дворах. Глаза женщин сияли от радости, что больше нет причин бояться, и от того, что они видели столько молодых, крепких мужчин.

После прибытия мы разделись до трусов и подставили свои бледные тела солнцу. Река все еще была холоднющей, но мы все-таки бросились в нее, хотя потом щелкали зубами. Мы победили зиму и теперь воспрянули к жизни! Подставив спины жаркому солнцу,

впитывая его тепло, мы загорали и наполняли тела новой энергией. Раздетые до трусов, мы прыгали на лошадей и неслись галопом, наслаждаясь скоростью, своей силой и молодостью, наши глаза горели, и мы чувствовали себя подлинными хозяевами степи!

В тенистых оврагах, отходящих от маленьких долин, все еще лежал снег, но небо было голубым, крылья ветряных мельниц вращались, и мы жевали лепестки цветов вишни. Противник бежал.

Мы подошли к лесам.

Вдоль тропинок гнили многочисленные трупы. На окраине леса разыгралась жестокая битва, противник упорно оборонял его. Трупы монголов и татар валялись повсюду, наполовину разложившиеся, демонстрируя желтые внутренности. Мы поспешили дальше и остановились в брошенном советском лагере.

Лагерь, тщательно замаскированный под деревьями, состоял из конических хижин, подобных лапландским. Вход в эти жилища был очень низким. Внутри красные спали под грудями палых листьев. Вероятно, для них зима была не столь жестокой, как для нас в наших дырявых избах с окнами, разбитыми близкими разрывами. Стойла для лошадей были такими же примитивными. В общем, это было всего лишь стойбище дикого сибирского племени, которое лучше нас знало, как пережить ужасную зиму.

Война в России была сражением между цивилизацией и дикостью. Варвары могли спать где угодно и есть что угодно. Цивилизованный человек был связан своими привычками, своей любовью к комфорту. Кучи листьев достаточно для татарина, самоеда или монгола. Но мы были другими, мы не могли обойтись без

зубной щетки, но чтобы доставить ее, требовались два месяца.

Переусложненные обычаи и лишний багаж цивилизации неизбежно становились жертвами. А человек в куче листьев, проделав путь в тысячу километров, переиграл с помощью жестокости утонченного человека и завершил свой победный марш под победной колесницей на Унтер ден Линден.

* * *

Мы поставили свои маленькие зеленые палатки в лесу, где не так много трупов.

Погода снова стала холодной и дождливой. Мы тряслись под промокшим брезентом.

Война превратила лес в настоящие джунгли. Множество лошадей, сбежавших от опасностей битвы, вернулись к дикой жизни. Они сбежали от людей и стойл в густые тени леса.

Мы караулили их на берегах черных прудов. Наши люди превратились в ковбоев и начали тренироваться в метании лассо. А спустя некоторое время они вернулись, волоча за собой на арканах лошадей.

Иногда удавалось поймать кобылу. Из своих палаток мы могли видеть трепетание листвы. Это был прелестный жеребенок, может быть, всего восьми дней от роду, который искал свою мать, хотя еще не слишком уверенно стоял на тонких ножках.

Мы приютили нескольких лошадей. Мы их никогда не привязывали. Они бегали и прыгали вдоль нашей колонны, весело мотая головами и радостно фыркая. Когда мы останавливались, жеребята подбегали к матерям, совали голову под брюхо и жадно сосали, за-

тем беззаботно оглядывались, облизывались, как бы говоря: «Это чертовски вкусно!»

Но работа ковбоя была опасной. Наш лес все еще кишел советскими солдатами, прятавшимися в чаще. Они видели наши верховые упражнения и устраивали засады возле прудов. Несколько человек были убиты и ранены, и мы были вынуждены отказаться от этого развлечения — приручения диких лошадей.

* * *

Нашей работой было приручение русских.

Однажды ночью начался очередной марш по меловой дороге, пустынной и пыльной. Зло подбиралось все ближе. Большевистские дивизии, загнанные в Полтаву, начали отходить на восток, огрызаясь. Они впустую бились о железную стену, поставленную вермахтом.

Германское командование опасалось попытки отчаянного прорыва на Изюм и приказало нам занять позицию поперек предполагаемого пути отхода русских. Нам передали грузовики, чтобы мы могли побыстрее добраться до указанного места.

Однако советские войска находились в прочном кольце. Отдельные солдаты пытались выскользнуть из него и гибли. Дивизии маршала Тимошенко исчезали одна за другой.

Против нас находились две казачьи дивизии. Казаки любили своих верховых лошадей, с горячими глазами, наполовину диких, с тревожно раздувающимися ноздрями, которые ловили степные запахи. Казаки не хотели, чтобы их лошади стали добычей завоевателей, поэтому они загнали их в маленькую долину и

убивали там тысячами. Потом мы насчитали более 12 000 лошадиных трупов, лежащих один на другом.

Казачи вернулись одни.

Вонь 12 000 гниющих трупов была столь ужасной, что нам пришлось обходить это место по большой дуге.

* * *

Битва закончилась.

Крестьяне вернулись на поля, прекрасные черные теплые поля. Они сеяли кукурузу, укладывая в землю каждое зернышко руками. Иногда они останавливались и хором затягивали протяжные, печальные песни.

Этой весной мы оценили все убожество России.

Мы согнали последних русских беженцев из их гнезд, а потом однажды вечером в сильную грозу вышли на лесистые берега Донца.

Берега Донца

Русские грозы просто чудовищны.

В мае и июне стояла страшная жара. Вся страна изнывала от зноя. Но через три дня небеса разверзлись, хлынул ливень, и буквально за четверть часа поля и дороги превратились в черное месиво.

Большое наступление нельзя начинать в такое время. В июле, августе и сентябре грозы случаются реже, примерно один раз в три недели. В это время можно наступать, хотя имеется риск, что придется остановиться, чтобы переждать ливень.

Битва за Харьков в мае 1942 года была скоротеч-

ной. Противник был отброшен назад в долину Донца, от Харькова до Изюма. Новая линия фронта простояла до сухих месяцев.

Мы выдвинулись к реке в конце мая. Там мы провели ночь, чистясь от дорожной грязи, и готовились переправиться на холмы на правом берегу реки. Наша часть стояла в залитом водой лесу. Ни одна повозка с боеприпасами не могла к нам пробиться, копыта животных оказались замурованы в подсыхшей грязи.

Примерно в 01.00 мы выбрались на вершину холмов. Отсюда нам предстояло вернуться обратно на берега Донца. Чтобы выйти на свои позиции, каждой роте предстояло пройти через лес по тропинке, которая вилась и петляла три километра. Никто ничего не видел. Мы шли вдоль протянутого телефонного провода, так сказать, нити Ариадны, за которую следовало держаться, если ты дорожишь жизнью.

* * *

Наши позиции шли на семь километров вниз по реке от города Изюм, мы видели, как его золоченые купола сверкают у подножия высоких белых утесов.

Левый фланг наших позиций был замаскирован на поросших лесом очень крутых холмах, которые пересекали просеки шириной 50 метров. Днем пересечь эти открытые пространства, которые красные простреливали вдоль и поперек, было невозможно.

Наши «лисьи норы» спускались к серо-зеленой реке, которая беспечно струилась между песчаными берегами. Рощи, берега и тропинки были усеяны перевернутыми телегами, пропагандистскими листовками и мешками с почтой.

Письма, свернутые треугольниками, написанные карандашом корявым почерком, почти все заканчивались призывами к милости божьей.

Солдатские письма показали нам — как и все в Европейской России, — что, если крестьяне и страдали от коммунизма, он так и не сумел окончательно повлиять на их веру. Эти простые и примитивные фермеры писали точно такие письма, как и во времена патриархов и царей, благословляя свои семьи, расспрашивая о своих деревнях и своих избах. Ни в одном письме нельзя было найти имени Сталина.

Эти несчастные, согнанные своими политруками в стадо, даже не знали, за что они сражаются, и мечтали только о возвращении домой. Только беспощадный режим московской секретной полиции и зверский террор тайных агентов на фронте удерживал мужиков в окопах. Миллионы людей пригнали сюда умирать неизвестно за что.

Тем не менее в 1942 году русские крестьяне все еще оставались крестьянами 1812 года.

* * *

Песок на берегу реки был усеян телами людей и лошадей, которые разлагались на солнце. Лошади лежали на боку, ребра торчали наружу из разложившихся туш. Повсюду кишели крысы, пожиравшие и лошадей, и людей. Почерневшие тела иногда двигались, словно они все еще были живы. Всю ночь крысы плясали безумный танец.

Русские лежали и ждали на другой стороне реки, буквально на расстоянии вытянутой руки от нас.

Левый берег Донца был плоским, но порос густым лесом. Головы русских появлялись и исчезали. Беспечность, кто бы ее ни проявил — они или мы, могла стоить жизни. Вспышка огня среди зеленой листвы, и человек падает лицом вниз. Товарищи поспешно расстегивали гимнастерку, чтобы унять струящуюся кровь, но поздно — он был мертв.

Река величественно и спокойно текла под свешивающимися с берегов ветвями деревьев. Вода сверкала и искрилась, создавая впечатление чего-то светлого и чистого.

Лес буквально кишел ненасытными насекомыми. Хотя мы получили маленькие зеленые москитные сетки, с помощью которых прикрывали лицо, однако жуки жалили нас, несмотря на все попытки защититься. Каждое утро мы находили на своем теле следы сотни зудящих укусов.

Миллионы прелестных белых цветочков дикой земляники цвели в подлеске. На высоких растениях просек дремали бесчисленные голубые бабочки, их крылышки имели приятный мягкий оттенок. Весна демонстрировала все свое очарование и поэтичность, в то время как у нас под ногами стаи прожорливых полевых мышей пожирали сгнившие останки советских солдат.

У нас были довольно шумные соседи — румыны. Иногда их офицеры приходили к нам в гости, следует отметить, что их фуражки больше всего походили на фруктовое пирожное. Почти все они болтали и пели по-французски.

Их солдаты производили поистине адский грохот. У нас на левом фланге находились около 20 000 ру-

мын. Они постоянно из чего-нибудь стреляли. При этом их никто не атаковал! Мы проклинали эту бесконечную, бессмысленную стрельбу. Они просто провоцировали русских, вызывая совершенно ненужные ответные действия. Однажды ночью румыны сделали столько же выстрелов, сколько весь наш остальной сектор за две недели. Это была не война. Это был бессмысленный ночной фарс.

Европейские легионы могли состоять только из добровольцев. Туда входили норвежцы, шведы, датчане, голландцы, швейцарцы, валлоны, фламандцы, французы и испанцы. Они мужественно сражались до самого последнего дня, и наоборот, принудительная вербовка давала катастрофические результаты.

Тысячи румынских солдат были разложены коммунистической пропагандой. Это было ясно видно во время трагедии под Сталинградом. Именно на их дивизии, а также на итальянцев, которые также сражались без всякого энтузиазма, Сталин обрушил свой главный удар в ноябре 1942 года. Эти дивизии были опрокинуты так легко, словно они состояли из игрушечных солдатиков.

Конечно, румынские солдаты с июня 1941 года совершили много славных дел. Они освободили Бессарабию и захватили Одессу. Они отважно сражались в Крыму и на Донце. Однако они были слишком жестокими и убивали своих пленных, таким образом просто напрашиваясь на возмездие, которое потом и получили.

Эти убийства были не только жестокими, но и глупыми.

Многие русские сдавались в плен, полностью раз-

очаровавшись в коммунистах, деморализованные годом сплошных поражений. Ночью со своих маленьких караульных постов мы могли слышать, как они отодвигают в сторону ветки на своей стороне Донца. Затаив дыхание, мы прислушивались, как человек спускается в воду. Когда он подплывал поближе, мы шептали: «Suda! Suda!» Почти совсем раздетый русский выходил из воды. Мы уводили его в тыл, чтобы он мог согреться. Одна сигарета — и глаза у него становились счастливыми, как у сытого теленка. Через час он уже детально рассказывал нам, что происходит на другой стороне реки. Его могли увести в тыл с колонной снабжения, но человек был в полном восторге, потому что считал, что для него закончились и большевизм и война!

Однажды ночью мы выудили молодого мужчину, который, чтобы быстрее добраться до нас, сохранил только трусы. Он держал в зубах одну из листовок-пропусков, которые немецкие самолеты тысячами разбрасывали над позициями красных. Эти маленькие пропуска гарантировали дезертиру жизнь, мужики не могли выдержать соблазна и тысячами бежали к нам.

У этого беглеца было живое лицо и сверкающие глаза, но мы никак не могли понять его. Каждый из нас использовал все четыре слова, которые мы знали по-русски. Бесполезно. Наконец, один из наших солдат в сердцах брякнул: «Merde!», то есть «Дерьмо!»

«А, теперь понятно, вы французы, не так ли?» — воскликнул русский с явным парижским акцентом.

Оказалось, он был переводчиком Интуриста. Он прожил на Монмартре несколько лет. Грубое «Merde!» неожиданно преисполнило его самых теплых чувств. Его восторг был безграничным. Наконец-то он сбежал

от советской нищеты! Он передал нам массу совершенно бесценных сведений о наших противниках. Мы дали ему брюки и пару крепких башмаков. Предоставленный сам себе, он охотно уволок пустые кухонные котлы в тыл.

* * *

К несчастью, румыны, несмотря на все наши просьбы, продолжали убивать русских, которые переходили на нашу сторону. Бедные парни шлепали по мелководью с поднятыми руками, но их расстреливали прежде, чем они успевали подняться на берег. Если им удавалось уйти от пуль, румыны расстреливали их на рассвете, громко хохоча. Дунайские убийцы сбрасывали изрешеченные пулями тела обратно в Донец, и они плыли вниз по течению.

Русские, прятавшиеся в зарослях на своем берегу, могли видеть это зверство. Через несколько дней они потеряли всякую охоту переправляться через реку. Они разозлились и жаждали мести. А нам предстояли несколько весьма занятых недель.

Кровь и ловушки

Позиции в лесу, которые мы занимали в июле 1942 года, были относительно хорошо замаскированы. Имелась возможность незаметно передвигаться под прикрытием деревьев, если ты соблюдал осторожность. Тем не менее изредка вокруг свистали пули, ударяясь о стволы дубов, и при случайном рикошете они вполне могли поразить неудачника, который на секунду выглянул из своего убежища.

С другой стороны, чем ближе находились позиции к городу Изюм, тем реже становилась растительность. В конце концов, наш фронт протянулся на целый километр через болото, и мы оказались прямо на палящем солнце. Лишь несколько жалких пучков грязного камыша оживляли эти унылые низменности.

Наш взвод саперов расположился посреди этой болотистой лужи, построив несколько дотов. Пулеметы, расположенные там, господствовали над течением Донца. Эти парни, перемазанные тиной, обожженные солнцем, стали черными, как негры. Вдобавок их пожирала полчища комаров.

Днем подойти к маленьким фортам было просто невозможно. Однажды мне это все-таки удалось, но пришлось бежать галопом под дулами русских винтовок. Приходилось поручать все это посыльным. Однако огонь русских был настолько сильным, что никто из них не решался идти. Мы могли поддерживать связь только после наступления темноты. Тогда несколько добровольцев, нагруженные рюкзаками с хлебом, отваживались проползти к позициям на болоте, которые подвергались постоянному обстрелу из пулеметов и освещались ракетами.

Людям приходилось сгибаться в три погибели. И слишком часто хлеб оказывался смоченным кровью посыльного, которого приходилось волочить назад, наскоро перевязав.

На юге от цепи болот и жидких рощиц находились участки целины, за которыми шли возделанные поля и деревня.

Ночью наши разведчики нашли дорогу от окраины деревни к реке. Им следовало вернуться до рассвета. Это было просто необходимо, иначе в течение 15 часов пришлось бы изображать мертвых. Перебежка в 20 метров от одной избы до другой могла стоить жизни.

Разведчики добрались до населенного пункта, преодолев длинный подъем, совершенно обнаженный.

Несмотря на бои, крестьянки продолжали обрабатывать поля. Между Донцом и маленьким селом, которое располагалось между нами и противником, тянулись две сотни метров богатых полей, чрезвычайно плодородных. Украинцы не желали терять свой урожай. Мы позволяли им ходить в поле и возвращаться домой. Русские, как и мы, терпели сельскохозяйственные работы.

Между двумя траншеями, утыканными пулеметами, около 50 женщин трудились на черных полях. Они были соблазном для солдат. Красивая молодая девушка, сгибающаяся и выпрямляющаяся, всегда представляла собой волнующее зрелище. Мы с волнением следили за их бедрами, слушали их пение, непроизвольно радуясь, но наши пальцы лежали на курках.

Вечером темнота наступала около 21.00. Нам было необходимо укрываться, чтобы закат не обрисовал наши силуэты на склоне холма. В 22.00 наши парни отправлялись на передовые посты на берег реки. Траншеи, ведущие к ним, проходили под некоторыми сараями и змеились зигзагом по полю. Но в конце пути несколько десятков метров приходилось ползти попластунски.

Русские использовали разные средства, чтобы ос-

ветить прифронтовую полосу. Они запускали в небо ракеты, сверкавшие, точно фейерверк. Так как невозможно было пускать ракеты каждые полминуты по всему сектору, они приняли более простую систему. Они выпускали две или три зажигательные пули в избу, пока та не загоралась. После этого деревня пылала до самого утра.

Эти факелы освещали теплые, приятные ночи. Чтобы передвигаться, нам приходилось медленно ползти вдоль изгородей, делая долгие остановки, пока пули свистели над головой или шлепались в грязь прямо у тебя под носом.

Наши солдаты дежурили на берегу Донца группами по два-три человека, примерно в сотне метров от горящих хат. Они постоянно подвергались угрозе внезапной атаки и временами были отрезаны от своих. Тогда я отправлялся от одного окопа к другому, чтобы приободрить их. Скользя по самому урезу воды, я внимательно вслушивался в звуки с другого берега. Часто я слышал тихие разговоры русских, находившихся буквально в 20 метрах от меня, но не подозревавших, что кто-то, распластавшись на песке, караулит их.

* * *

Однажды вечером на наш командный пункт прибыл капеллан, чтобы отслужить вечернюю мессу.

Это было прекрасно. Телефонисты, повара и посыльные пришли в восторг. Однако среди них не было никого, кто особо нуждался в утешении. Поэтому я предложил преподобному отцу проследовать за мной на передовую.

Он провел целую ночь, ползая на брюхе по вспа-

ханным полям. Пули, которые свистели вокруг нас, действовали на него просто ужасно. Он пытался закопаться в землю. Мне пришлось подползти к нему сзади:

«Капеллан, вы верите или не верите в небеса?»

«Да...»

«Тогда почему вы так беспокоитесь о возможности оказаться там?»

Прекрасный человек был вынужден подтвердить свою веру в райские кущи, но после этого он полз позади меня.

Ракеты танцевали у нас над головами. Пули поднимали фонтанчики грязи. Наконец мы прибыли в маленький окопчик наблюдателей. Я встал за пулемет, освободив товарищей, которые начали исповедоваться, собравшись кружком позади меня. Я попытался ничего не слышать, когда начались признания в смертных грехах. Затем мы отправились в другой окоп, где очередные невымытые головы воспарили ввысь, накрытые белой эпитрахилью, хотя в этот момент находились всего в паре десятков метров от безбожных большевиков.

Несчастный священник больше не мог ползти от усталости и нервного перевозбуждения. Мы уже посетили десять окопов. Примерно в 02.00 я потащил его обратно вверх по склону. Погода была прекрасной, и уже начала занимать утренняя заря. Священник почистился, а потом вознес благодарность небесам: «Слава богу! Слава богу!» — повторял он усталым голосом.

Святые, которые дежурили в эту ночь, вероятно, мягко улыбались на небесах, глядя на наших просветленных часовых.

* * *

Дважды группы добровольцев покидали наши окопы ночью, пересекали Донец, нагруженные взрывчаткой, заходили в тыл к русским на несколько километров, чтобы заминировать железную дорогу, по которой снабжался фронт.

Мы предполагали, что и русские совершают аналогичные вылазки в наш тыл.

Наши посты бдили, не расслабляясь ни на секунду. Однако их разделяли слишком большие промежутки, и враг мог проскользнуть между ними. Однажды ночью я получил доказательство этому.

Я стал адъютантом и потому должен был поддерживать связь между подразделениями. Это случилось однажды утром. Я попробовал вместе с одним из моих солдат добраться до самого южного фланга нашего сектора. Нам предстояло пройти примерно два километра просеки и холмы, разделенные маленькой долиной и маленькой рощей. Красные пускали ракету за ракетой. Когда догорела очередная, я сказал своему товарищу: «Подождем здесь. Я намерен добежать до деревьев. Если я сделаю это, следуй за мной как можно быстрее».

Выпрыгнув из укрытия, я помчался к деревьям со скоростью ветра.

Как только я оказался под деревьями, то непроизвольно заорал. Затем я бросился на землю и поспешно пополз на другую сторону холма. Я почувствовал присутствие людей в тени деревьев. Каждая моя клеточка, каждый нерв говорили, уверяли, убеждали, что я находился в считанных дюймах от врага.

Кружным путем я присоединился к своему товари-

щу. Хотя я доложил об инциденте в штабе, мне не поверили. Однако я настаивал. Я видел этих шпионов своим шестым чувством даже более верно, чем если бы потрогал их. Но через два дня трагические события доказали, что я был прав.

Этой ночью патруль в составе четырех человек из 1-й роты точно так же обнаружил русских, хотя с другого направления. Наши люди должны были пройти через рощу. Как раз в тот момент, когда патруль подошел к деревьям, около десятка красных обстреляли их из засады. Один из наших солдат, которого русский схватил за волосы, сумел вырваться, однако его держали с такой силой, что солдат скальпировал сам себя. Он бежал, как сумасшедший, пока не рухнул перед одним из наших постов, где лежал недвижимо, его голова была залита кровью. Другие, попавшие в ловушку, напрасно отбивались. Красные потащили их к Донцу.

Мы слышали их крики, когда они боролись и плыли. Однако большевиков было в три или четыре раза больше, и они утащили бедняг на противоположный берег реки.

Мы слышали, как наши несчастные товарищи продолжали кричать за рекой. Вероятно, их зверски избивали, и они призывали на помощь.

Постепенно голоса становились все тише и, наконец, умолкли.

Маленькая трагедия, одна среди множества других, всего лишь одна фронтовая ночь. Вскоре молчаливый Донец устремил свои искрящиеся волны вдаль, снова тихий и спокойный.

Преддверие Азии

В мае 1942 года на Донце и возле Харькова кипели бои, которые завершились уничтожением армий маршала Тимошенко.

В июне немцы нанесли второй тяжелый удар, который расколол фронт русских надвое. Немецкие армии ринулись к Воронежу, захватили его и форсировали Дон, создав плацдарм на левом берегу реки.

Ближе к нам немцы форсировали Донец и заняли Крупянск. Наш фронт продвигался по другому берегу реки. Изюм был окружен через два дня после начала наступления. Были заняты исходные позиции для большого осеннего наступления.

Дивизии, которые наступали по степи, были отправлены обратно в тыл, чтобы немного отдохнуть (единственная неделя отдыха, которую мы получили за все время пребывания на Восточном фронте). Недолгий марш привел нас к месту отдыха в деревню в 30 километрах от Славянска.

* * *

Мы отдохнули очень хорошо. Была устроена торжественная церемония награждения Железными Крестами героев битвы на Донце. Генерал Рупп лично прибыл, чтобы вручить награды. Он командовал прославленной 97-й егерской дивизией, сформированной в Тироле. Среди этих солдат мы провели несколько незабываемых месяцев.

Мы получили все, о чем только могли мечтать. Дивизионный оркестр развлекал нас по утрам концертами, а вечером автобусы отвозили нас в кино.

Деревня была чистой, крестьяне мирными, небо

золотым. Степь была украшена яркими цветами. Воздух гудел от песни миллионов трудолюбивых пчел. А высоко в небе звонко пели жаворонки.

Вдохновленные мыслями о предстоящем наступлении, мы носились верхом по степи, словно дикие казаки, вдыхая напоенный ароматами воздух. Лично я получил огромного пегого коричнево-белого коня, к которому было страшно подойти. Совершенно уверенный в будущем, я назвал его Кавказ. Он будет сопровождать меня, отважный зверь, и умрет там, пробитый двадцатью пулями в жарком бою.

Новости с фронтов вдохновляли.

Маршал Роммель загнал в ловушку и захватил 25 000 англичан в Тобруке. Его танки очистили побережье Ливии и прорвались к Эль-Аламейну. Мы ждали, столпившись вокруг полевой рации, бюллетеня, в котором будет объявлено о захвате Александрии.

Недалеко от нас немцы все туже стягивали кольцо вокруг Севастополя. Последний советский порт в Крыму был сильно укреплен, но его форты уничтожались один за другим авиацией и тяжелой артиллерией немцев.

Наконец город пал. В тот же вечер небо осветилось сотнями огней и все вокруг задрожало от рева моторов. Прославленная воздушная эскадра вернулась из-под Севастополя в наш сектор.

Прибыли пикировщики Геринга. Наступление было неизбежно.

* * *

Наш командир получил секретный приказ о том, что наступление начнется 9 июля.

Нам не пришлось ждать так долго, потому что слу-

чай ускорил операцию. В ночь с 6 на 7 июля немецкий патруль в секторе Славянска, проводивший поиск за линией фронта, был удивлен полным отсутствием активности противника. Они рискнули продвинуться подалее. Тишина казалась очень подозрительной. Один человек заглянул в блиндаж: он был пуст. Весь сектор был пуст. Русские исчезли, потихоньку снявшись с позиций.

Красных следовало догнать, поймать, навязать им бой и разгромить любой ценой. Иначе они подготовят нам ловушку.

Приказ двинуться дальше и атаковать был немедленно отдан всем дивизиям. Вечером 7 июля 1942 года валлонский легион двинулся вместе с целой армией юго-восточного фронта. Он остановится на пороге Азии у подножия Эльбруса.

ГЛАВА 4

На Кавказ пешком

Месяцы летнего наступления 1942 года были самым восхитительным временем во всей войне против Советского Союза.

Юг! Его потрясающие фрукты, его субтропическая растительность, его африканская жара, его огромные искрящиеся реки!

Каждый из нас верил, что в конце этого фантастического пути нас ждет победа. Красные даже не осмеливались появиться у нас на пути. Они драпали. И вот сотни тысяч солдат устремились в безумную погоню за ними.

К утру 8 июля наш легион прошел Славянск и вышел к парку, расположенному восточнее города. Гигантские деревья накрывали своей тенью развалины некогда роскошных зданий — бывших императорских дворцов. В их залах валялись туши лошадей, убитых большевиками, и груды сухого лошадиного помета.

Река Донец протекала юго-восточнее Славянска, и немецкие саперы уже натягивали тросы через нее и готовили паромную переправу.

На следующий день мы взобрались на холмы на правом берегу реки, с которых русские могли бы помешать нашей переправе. Их блиндажи были врезаны вглубь меловых холмов, сверкание которых просто

слепило глаза. Эти позиции были построены очень умело, они господствовали над всеми подходами к реке и были окружены густой сетью проволочных заграждений.

Красные даже не забрали свое оружие и не взорвали ни одного укрытия. По какой-то загадочной причине они просто бросили позиции.

К наступлению ночи мы спустились на берег Донца, однако нам пришлось пропустить другие части, переправлявшиеся первыми.

* * *

Мы терпеливо ждали два дня и две ночи. Конвои с боеприпасами для танковых колонн были посланы вперед нас.

Паромы составляли, связывая вместе по полдюжины резиновых лодок и укладывая поверх доски. С одного берега на другой были протянуты тросы, и солдаты тащили паромы вдоль них.

Это было по-настоящему удивительное зрелище. Охваченные паникой мулы и лошади часто падали в воду между лодками, после этого приходилось обрезать тросы, так как животные начинали дико биться, выпучив глаза. Получив свободу, они плыли к противоположному берегу и добирались до него раньше паромов, громко фыркая. Их глаза радостно сверкали.

Песчаные откосы на другом берегу Донца делали высадку очень сложной. Вытаскивать машины на вершину откоса приходилось с помощью тракторов.

Мы установили наши небольшие палатки на травке и философически ждали, пока придет наш черед, раз-

влекаясь ловлей рыбы, которая беззаботно плескалась в реке.

По прошествии двух дней, однако, мы начали беспокоиться, так как у нашей дивизии возникла реальная перспектива занять главный маршрут в нескольких километрах выше по Донцу. Время шло. Я отправился на другой берег реки, чтобы подготовить расположение в 7 километрах выше паромной переправы. Но то, что я увидел, меня ужаснуло. Грунтовая дорога просто исчезла! Сотни танков, грузовиков и повозок перепахали песчаную почву на глубину чуть ли не до метра. Танку, на котором я ехал, потребовалось несколько часов, чтобы преодолеть это расстояние, он то и дело вязнул в песке, с огромным трудом освобождался, чтобы продвинуться еще немного вперед. Песок был настолько мелким, что, ступив на него, человек немедленно погружался по колено.

Мы тащили несколько тяжело груженных повозок и маленьких железных тележек, на которых громоздились ящики с боеприпасами и стояли пулеметы.

Я нашел место для расквартирования, а потом стал ждать на краю деревни у перекрестка дорог. Я простоял на часах ровно 51 час и смертельно устал. В конце концов я уверился, что батальон просто сбился с дороги или вообще двинулся в другом направлении. Ему потребовалось два дня и две ночи, чтобы протащить свои машины через песчаную трясику, но боеприпасы пришлось нести на руках, ящик за ящиком.

Наконец мы выбрались на главную дорогу и сумели преодолеть целых 20 километров в колоссальном облаке пыли, которое подняли тысячи грузовиков, бензовозов и разномастных повозок всех видов. Наконец, измученные до предела, покрытые липким потом и

грязные, ближе к вечеру мы остановились, и тут стало ясно, что мы отстаем от графика на три дня.

В шесть часов вечера мы снова двинулись в путь.

* * *

Целые две недели мы гнались за собственной дивизией.

Мы двигались по ночам по холмистой степи, покрытой голубыми цветами высотой по пояс, которые в лунном свете походили на белые камелии. Наконец мы пришли к нескольким мелким речкам, струящимся между сожженными избами. Русские взорвали все мосты, и нам пришлось несколько километров тащиться по прибрежным меловым долинам, сражаясь с липкой грязью, которая заставляла людей и лошадей исполнять какой-то дикий вальс.

Мы не заходили в избы — грязные, противные домишки, полные жужжащих мух. Мы спали на крошечных участках твердой почвы, завернувшись в одеяла.

Вскоре мы окончательно перешли на ночные марши, останавливаясь на отдых только в середине дня, когда температура на солнце доходила до 55 градусов. Мы растягивались в тени деревьев, окружающих фермы, прикрыв лицо противомоскитной сеткой и сунув руки в карманы, а вокруг в пыли дремали крошечные цыплята.

* * *

Мы проезжали мимо длинных рядов цехов, злоюще выглядящих жилых бараков, партийных зданий, засыпанных обрывками документов и обломками бюстов партийных боссов.

Согласно своей обычной тактике большевики уничтожали все промышленное оборудование, и, что особенно нас удивило, все это было сделано заранее и предусмотрительно. Железнодорожные рельсы были перерезаны через каждые десять метров. Судя по всему, красные провели эти колоссальные подрывные работы задолго до того, как немецкие войска подошли к Воронежу.

Самым эффективным признаком этой разрушительной работы стали пожары в угольных шахтах. Огромные груды угля и шлака высотой чуть ли не в сорок метров пылали сутками, бросая вокруг малиновые и синие отблески. Если учесть еще и палящее солнце, эти пожары создавали просто адскую жару.

И в то же самое время мы не могли обойти их, так как вся местность вокруг была густо усеяна минами. Повсюду валялась рваная упряжь, изуродованные туши животных, серо-зеленые, усыпанные копошащимися червями, — все ясно показывало, какая страшная смерть ждет неосторожного. Наши лошади, увязая в песке по самые бабки, беспомощно барахтались, пытаясь найти опору, и фыркали. Некоторые из них, окончательно выбившись из сил, умирали стоя, шкура буквально дымилась, а глаза выкатывались из орбит.

Все было безнадежно — мы могли исходить кровавым потом, спать считанные минуты или не спать вообще, ночью ехать по степи, проноситься вихрем через пылающие заводские районы, форсировать реки и перебираться через овраги! Мы прошли сотни километров, покинули Украину, вошли в большую излучину Дона прямо напротив Сталинграда. Но наша пехотная дивизия все равно мчалась быстрее нас! Теперь мы отставали от нее уже на пять дней!

Мы получили одновременно два сообщения. Первое: наша дивизия повернула на юго-запад, чтобы участвовать в очередном штурме Ростова; второе: если мы не присоединимся к ней в ближайшее время, командование армейского корпуса попросят освободиться от нас, как от ненужного груза. Мы решили, что дивизия просто зазналась и решила, что мы желаем примазаться к ее славе. Мы бросились вперед сломя голову и примчались к Донцу, внушительному Донцу в том самом месте, где он впадает в Дон у Каменца.

Нам еще предстояло проделать 70 километров, чтобы догнать 97-ю дивизию, которой мы были приданы. Мы проделали их за один день.

Но Ростов пал как раз в этот самый день. 97-я дивизия получила приказ немедленно идти назад вдоль Дона, поэтому мы едва выкроили время побриться. Мы двинулись дальше, опять измеряя бескрайнюю выжженную степь.

Форсирование Дона

Триумфальный марш армий Рейха на Сталинград и Кавказ был результатом сверхчеловеческих усилий, но в результате наш оптимизм снова вспыхнул, точно порох.

Земли между Донцом и Доном, между Доном и Кубанью раскрыли перед нами такие красоты, что в глубинах души сама собой рождалась ликующая песня. Мы делали от 30 до 35 километров пешком за ночь. Марши были утомительными, так как нам приходилось идти по сыпучему песку или пыльной дороге двумя или тремя параллельными колоннами, которые каждую минуту рисковали врезаться друг в друга. Мы дви-

гались вперед со скоростью велосипеда. Темнота не мешала тысячам солдат собираться возле узких мостов, поспешно наведенных через реки. Мы проваливались в дыры. Наши повозки переворачивались. Иногда грузовик или танк сбивали лошадь, которая гибла с отчаянным ржанием.

Но на рассвете начинались новые испытания.

Примерно в 01.30 на востоке появлялись бледно-зеленые и бледно-золотые лучи, нежные, словно шелк. Они поднимались из-за горизонта, пересекали небо и постепенно растекались, превращаясь в потрясающие зеленые, оранжевые, розовые полотнища, плавно колышущиеся в небе.

Мы видели, как пробуждаются фантастические поля подсолнухов. Эти гигантские маргаритки высотой два метра имели золотые лепестки длиной с человеческий палец и коричневое ложе, усеянное тысячами семян. Такое поле растягивалось на несколько километров, и миллионы цветов поворачивались одновременно навстречу восходящему солнцу, словно черпали у него свою силу. Мы чувствовали, как в наши тела вливается таинственная природная сила, исходящая от земли, неба и огромного поля цветов. Небо становилось широким золотым полем. Земля также превращалась в золотое поле. Все было полно жизни, силы, радости и великолепия. Мы полной грудью вдыхали эти запахи, охотно пели песни нашей юности, наши мечты устремлялись навстречу солнцу!

Иногда безбрежные поля подсолнухов сменялись столь же безбрежными полями чертополоха. Это было нечто! Высокие стебли норовили выколоть глаза. Не наш смешной маленький чертополох, который только и может что испачкать да ужалить, а огромные колю-

чие груши, растения высотой с лошадь, увенчанные розовыми и фиолетовыми цветами, ароматными и ломкими венчиками.

После того как мы пересекли поля подсолнухов, чертополохов и кукурузы, прямой и твердой, словно копье, в 09.00 мы прибыли в деревню, которая долгое время маячила у нас перед глазами. Там наши пехотинцы сразу разбрелись в разные стороны, прячась от солнца.

Деревни на Дону были зажиточными. Избы гораздо более комфортабельные, чем те, что мы видели на Донце, в них три или четыре обставленные комнаты, можно увидеть буфет с посудой, старые резные блюда.

Каждое хозяйство имело несколько кур, пару коров, большие поля, засеянные пшеницей. Все это было изъято у колхозов. Вокруг их обветшавших контор стояли плуги, стогометатели, молотилки и косилки. Эту картину мы видели в каждом ярмарочном городке. Крестьяне мстили режиму, они опустошали хлева и птичники. Обобществленные поросята обретали свободу, подпрыгивая и визжа, они разбегались в разные стороны, обрадованные совершенно неожиданным праздником. Гуси радостно гоготали, а молодые индюшки курлыкали.

Туземцы принимали нас с неприкрытой радостью. Часто мы были первыми солдатами, вошедшими в деревню. Люди немедленно бежали в разные сараи, доставали иконы, спрятанные в укромных местах, и торжественно вешали их на глиняные стены, и слезы текли по их лицам.

Самым лучшим подарком для них был портрет Гитлера. Очень часто его сразу вешали рядом с иконами.

Они даже помещали его между фотографиями своих детей, одетых в форму Красной Армии с красными звездами на пилотках.

Такое непривычное сочетание им казалось совершенно естественным. Они очень любили своих мальчиков. Они также любили Гитлера за то, что он освободил их деревню. В крестьянах мирно уживались эти две любви.

Войскам был отдан строгий приказ вести себя по-дружески с этим населением. В 1941 году немцы верили, что каждый русский является большевиком. На личном опыте они убедились, что мужики, которых грабили и угнетали большевики, не заражены этой отравой.

Они были, вероятно, самыми миролюбивыми людьми на всей земле, добродушными и гостеприимными. Они хотели одного — работать, жить с семьей и не исполнять никакой казенной службы. Немецкое высшее руководство наконец сумело уловить разницу между крестьянским населением Европейской России, таким простым и наивным, и большевистскими бандитами и полицаями из Москвы. Даже малейшие оскорбления немедленно прекратились, и далее не было более хороших друзей у немецких солдат, чем старый *дед* или *мамка*.

Бессмысленно было спрашивать крестьян о чем-либо. Они сами вели нас в курятник. Они сами предлагали нам своих цыплят, картошку и жирных гусей. У них имелся густой мед, сладкий и приторно пахнущий ароматами гигантских цветов, растущих в степи окрест. Для жадных на деликатесы гурманов имелись вишневые сады, где мы проводили целые часы, объе-

даясь спелыми вишнями и черешней, которая истекала сладким соком.

Мы спали по несколько часов. Солнце быстро восстанавливало потерянную энергию. Старая мамка приносила большой глиняный кувшин, полный свежего холодного молока. Она проводила нас к порогу своего погреба, находящегося в 10 метрах от дома, и приоткрыла крышку люка. Мы спустились по лестнице вниз, в холодное помещение, похожее на колодец, где можно было хранить любые продукты, так как это был естественный холодильник.

Печь находилась рядом с дверью, поэтому изба с ее маленькими закрытыми окошками и низкой крышей могла оставаться холодной. Мы ели во дворе, сидя в тени тополя или акаций. Нам помогали местные женщины, приносившие массу еды, они даже помогали нам ощипывать и жарить птицу.

Наши солдаты после утомительных ночных маршей восстанавливали силы, устраивая пиршества, подобные тем, что рисовал Брейгель. Недаром они были мужчинами из страны ярмарок. Солдаты могли проглотить колоссальное количество пищи. Я знал одного, который на завтрак регулярно съедал килограмм ветчины. Я лично видел двух других, которые за три дня слопали более 20 цыплят, оставив только пучки перьев. Многие могли за один присест на завтрак съесть целого гуся. Один из моих молодых офицеров однажды утром набил брюхо, засунув тридцать вареных яиц.

Они заливали эти утренние трапезы кувшинами молока, затем снова засыпали со вздувшимися животами, расстегнув мундиры. Это сильно напоминало картины старых фламандских живописцев.

В сумерках, перед тем как мы отправлялись в путь, наши хозяева выдавали нам несколько огромных котлов вареной картошки, связки редиски и корзины свежих овощей.

Крестьяне провожали нас до окраины деревни, настолько они были поражены нашим аппетитом и нашей добротой.

За все время нашего наступления мы не имели ни одного серьезного инцидента. Нас всюду встречали, как родных. Не зная, как с нами попрощаться, эти добрые люди часто благословляли нас. Защищенные от зла этими благословениями, произнесенными от чистого сердца, мы двигались дальше по бескрайним полям подсолнуха, совершенно счастливые.

* * *

Маршируя чуть ли не бегом, мы иногда перехватывали отступающие русские соединения. Бои в этом случае были короткими.

Мы двигались с такой скоростью, что часто просто не имели возможности похоронить останки противников после таких стычек. Дороги были усеяны разлагающимися трупами. При температуре 50 градусов солдаты, уничтоженные перед нашим приходом «Штуками», разлагались и воняли уже два или три дня. Затем солнце начинало их высушивать. Мертвые лошади издавали совершенно омерзительный запах. Необходимо было зажать нос еще за сто метров от такой туши. Брюхо лошади вздувалось от газов и часто лопалось. Наружу свисали перепутанные зеленые кишки. Мертвые большевики, высушенные солнцем, становились чернее негров.

Тысячи, десятки тысяч советских солдат сдавались в плен. Больше они ничего не могли. Говоря по правде, мы наступали гораздо больше ногами, чем винтовками. Многие из нас просто падали со стертymi в кровь ногами. Но мы не обращали на это внимания. Они догонят нас позднее. Советские солдаты просто позволяли взять себя в плен. Они садились на землю и сдирали сапоги, чтобы дать отдохнуть окровавленным ногам.

Большинство из них были азиатами. У них были огромные уродливые головы каннибалов, которые радовались тому, что их самих не съели. Они постоянно повторяли: «Сталин капут! Сталин капут!» и прекращали этот монолог только для того, чтобы проколоть вздувшиеся мозоли на ногах.

У нас не было времени охранять и сопровождать эти колонны. Выбрав пару наиболее бодро выглядящих пленных, мы вручали им винтовку. Назначенные охранять собственных товарищей, они сразу выпячивали грудь, как петухи. Мы называли им город, отстоящий на 100 или 200 километров к западу. И эти простофили, обрадованные, отправлялись в путь.

Проблема была решена. Они сами себя гнали в Германию!

Мы уже намеревались пересечь реку Дон. Несколько дней назад мы уже готовились переправиться через нее, но переправа была заблокирована. В радиусе 2 километра от нее валялось такое количество разбитой советской техники и трупов — работа авиации, — что командир дивизии не мог протолкнуть свои машины и технику.

Мы подошли к легендарной реке рано утром и под-

нялись на холм на правом берегу. Как раз в этот момент заря занялась над серо-зеленым потоком.

Пристав на стременах, я во все глаза смотрел на потрясающую картину. Дорога была забита сотнями советских танков американского производства, перевернутых повозок, брошенных вещей. Но я смотрел только на Дон, широкую реку, окаймленную деревьями, растущими вдоль берега, мягко сияющую под зеленым, розовым и серебряным занавесом, развернутым в небесах.

Дон, как и другие великие реки юга России, имеет крутой правый берег, тогда как левый спускается почти к самой воде. Когда красные были отогнаны в долину на противоположном берегу, они уже не могли противостоять немцам, захватившим возвышенный берег. Поэтому левый берег Дона достался нам без боя.

Русские самолеты сбрасывали свои бомбы на ложбину, куда мы спустились, но почти не причинили вреда. Блестящие усики молодой виноградной лозы сверкали среди развалин домов. Сбросив одежду, наш генерал стал первым, кто переправился через Дон вплавь, держа на спине пулемет. Мы пересекли реку по спешно наведенному понтонному мосту. Наши сердца просто пели.

Теперь мы приближались к землям калмыков. Одинокий верблюд вышел к дороге, совершенно чудное животное с огромным мокрым носом, а его ободренные бока были похожи на обшивку старого кресла.

Мы приняли его в свою компанию. Это был первый посланец Азии, к которой мы стремительно приближались.

Кубань

В первую неделю августа 1942 года немецкие армии стремительно двигались от Дона в сторону Кавказа. Солнце палило нещадно. Деревни, расположенные в нескольких километрах одна от другой, казались одним огромным факелом. Вам могло показаться, что пылает все вокруг. Но поднимающиеся в небо темные столбы были всего лишь пылью, вьющейся следом за танковыми колоннами.

Наши лица превратились в серо-черные маски, на которых странно сверкали белки глаз, которые пересекала красная черта губ. Невозможно было избавиться от этого «макияжа», так как пыль поднималась на высоту несколько метров. Наши мотоциклисты выглядели как персонажи комедийных фильмов, их лица совершенно почернели, и они проносились мимо нас в облаках пыли, ревя моторами, доставляя нам новые карты. Действительно, наше продвижение было настолько быстрым, что новые карты требовались постоянно. Нашей колонне были приданы специальные грузовики, в которых печатали новые карты по мере необходимости.

В приказах наши действия были расписаны в мельчайших деталях.

Каждое подразделение имело свой собственный маршрут, деревни, через которые следовало пройти, и места отдыха. Города и деревни переходили к нам в руки почти без всякого сопротивления, войска противника даже не пытались организовать его. Нам следовало лишь пройти через очередной населенный пункт,

и если кто-то пытался нас задержать, его тут же без задержки уничтожали.

Наши потери были незначительными. Тысячи солдат красных, мимо которых мы проходили, были полумертвыми от усталости, так как прошли тысячи километров и проглотили килограммы пыли. За стакан воды они охотно убили бы Сталина, Молотова, Калинина и десяток других высших коммунистических бонз.

Самой серьезной проблемой и для нас также была питьевая вода.

Мы могли пройти и десять, и двадцать километров, не найдя и литра питьевой воды. Иногда встречались зеленые пруды, гниющие на солнце. Чтобы похлебать этой жидкой грязи, наши солдаты бросались туда плашмя. Мы теряли терпение и отгоняли прочь этих нетерпеливых. Длинные языки лошадей вывешивались изо рта и дрожали.

Одна только наша колонна состояла из 20 000 человек. Примерно через каждые 10 километров дорога проходила через деревню. Там имелся колодец или даже несколько колодцев, которые могли обеспечить водой жителей десятка изб и их скот. Но авангард выпивал всю воду досуха. Подошедшие позднее могли достать из колодца только жидкую грязь. В результате шедшим далее тысячам пехотинцев и сотням лошадей доставались только совершенно сухие колодцы.

Здесь и там лениво крутились колеса водяных мельниц. Но каждому из нас приходилось ждать своей очереди пять часов, восемь часов, десять часов, и все это время высохший язык царапал рот как наждаком. Животные поглощали совершенно невероятное количество воды. Мой конь Кавказ проглотил пять огром-

ных ведер, или сорок литров, без малейшей передышки! Люди тоже наливались водой буквально по горло, обливали себе шею, руки и спину, которые были опалены солнцем.

Это было не слишком хорошо. Лучше всего было пить понемногу, сдерживая желания. Поиски воды отнимали у нас даже больше времени, чем сам переход.

* * *

К Манычу мы пришли ночью, эта река расположена недалеко от калмыцких земель. Она образует целую цепь великолепных озер на полпути между Каспийским и Азовским морями.

Наш маршрут проходил по большой дамбе, построенной, чтобы удерживать воду в одном из озер. Красные взорвали ее, и вода хлестала сквозь брешь шириной около 25 метров. Немецкие саперы построили деревянный мостик через этот разрыв, чтобы могли пройти пехота и лошади. Но тяжелую технику приходилось переправлять на пароме.

Мы провели несколько часов перед дамбой, дожидаясь своей очереди. Озеро казалось нам огромным полем чудесных маргариток, посеянных лунным светом на маленьких волнах. Несколько советских самолетов пытались разрушить нашу импровизированную переправу, но их бомбы лишь подожгли пару изб на берегу. Горящие дома полыхали в ночи, словно красные и оранжевые факелы. Это вносило некоторую трагическую ноту в поэтический пейзаж, созданный цветочным озером и звездным небом.

Рассвет начался в 02.00. Зеленое небо казалось отражением земли, затопленной, насколько хватало взгляда, водой, вырывающейся сквозь дамбу. Вода отражала бледные краски рассвета, неяркий аквамарин, пронизанный золотыми искрами, нежный, почти прозрачный.

После утомительных ночных маршей и безжалостного дневного солнца так и хотелось остаться здесь, поддавшись этому дивному волшебству. Однако колонны двигались дальше в идеальном порядке, распевая солдатские песни. Офицеры также шли пешком, подавая пример солдатам. Позади них ординарцы вели в поводу лошадей. Лошади использовались только для поддержания связи между подразделениями, что было весьма нелегким делом. Чтобы добраться до командира дивизии, мне однажды пришлось проехать около сотни километров в одну сторону на головокругительной скорости по раскаленной степи. Но обычные переходы совершались пешком, офицеры и солдаты по-братски делили усталость, как и опасности боя.

* * *

Комары становились все более и более многочисленными. Вечером они клубами кружили вокруг самого слабого источника света.

Другие адские бестии досаждали солдатам — злобные вши, которые особенно любили присасываться в паху. Они закапывались в кожу целыми рядами и торчали, как маленькие столбики. Можно было видеть черный конец брюшка такой твари величиной с булавочную головку.

Несчастные, которые подвергались их атаке, испытывали невероятные мучения. Вдобавок им приходилось терпеть насмешки товарищей каждый раз, когда, потеряв терпение, они выскакивали из колонны на обочину и, раздевшись, пытались стряхнуть полчища паразитов.

Утром 7 августа 1942 года мы подошли к Кубани. До переправы еще оставались 20 километров. Мы неслись, словно ветер. Ближе к вечеру мы увидели откос на правом берегу, который стоял перпендикулярно плоской степи. Речная вода, восхитительно зеленая, медленно текла мимо бурно разросшихся кустов.

Советская артиллерия попыталась было остановить нас, но после короткой перестрелки отошла.

Мы находились в самом сердце Кавказа! Последняя огромная равнина перед его ледниками сверкала в лучах невероятного лета!

В 03.00 мы продолжили марш, двинувшись вверх по течению Кубани, чтобы добраться до переправы у города Армавир. Мы шли вдоль обрыва высотой около 50 метров, который падал прямо к зеленой воде. Тысячи солдат шли вдоль обрыва, а навстречу ползли сотни больших коричневых коров, которых гнали словаки с обожженными солнцем лицами.

* * *

Нам пришлось прождать почти 30 часов, пока саперы наведут понтонный мост через бурную реку. Вода шипела, забрасывая зелеными брызгами и белой пеной мост.

На другой стороне реки стоял небольшой ярмароч-

ный городок. Мы нашли симпатичную 17-летнюю девушку, которая спряталась в погребке. Она должна была охранять избу своей семьи. Разорвавшаяся рядом бомба безжалостно оторвала ей грудь. Она лежала там, дрожа, словно в лихорадке. Ее рана уже начала чернеть. Нам было невероятно жалко ее, и мы сделали возможное и невозможное, чтобы помочь ей. Слезы текли по ее щекам, красным от жара. Бедная маленькая девочка хотела жить. Но, глядя на ее ужасную рану, мы понимали, что она обречена умереть.

Умирать, когда душистая степь распростерлась под высоким кристальным небом, без единого облачка, голубым, перечеркнутым золотыми и серебряными лучами, — это ужасно.

Майкоп

Бассейн реки Кубань можно назвать русским раем. Сельскохозяйственные угодья площадью не менее 100 000 гектар под жарким солнцем давали огромное количество кукурузы. Миллионы стеблей высотой два метра поднимали свои початки в раскаленный воздух, роняя шелуху, и потрескивали, словно по ним пробегал электрический ток.

В тени этих лесов позолоченных стеблей мы видели зреющие арбузы, арбузы длиной с человеческую руку. Мы с наслаждением пили их свежий сок. Кожура арбуза, раскрашенная зелеными, красными и оранжевыми полосами, чем-то походила на многоцветный рассвет в степи. Мы шли, на ходу жуя ломти этих чудесных фруктов.

Высоко в небе сверкало солнце. Мы невольно поддавались его очарованию. Мы старались впитать в се-

бя силу, тепло и свежесть, поднимающиеся от земли и изливающиеся с неба. Все вокруг было непривычным, чистым, простым и грандиозным: кукуруза, похожая на копья с бунчуками, длинные арбузные грядки, словно устроенные богами, яркие металлические облака, золотая земля, яростное небо, россыпь невероятных фруктов!

* * *

Встречные реки приносили нам невыразимое облегчение.

Мы подошли к реке Лаба, которая бурно несется, спускаясь со склонов Эльбруса. Мы еще не могли различить очертания гор, однако они уже посылали нам свой первый привет, словно бы в дар, зеленый поток, холодный, точно лед, который прыгал по миллионам красных и коричневых галек.

Что только не происходило во время ожидания переправы через эти реки по импровизированным мостам! Мы бросились в невероятно сильный бурный поток. Он сбивал с ног и тащил мимо отполированных валунов, на которых струи разбивались мириадами зеленых брызг! Нашим телам нравились жестокие укусы этой кристально чистой воды. Она обнимала нас, вливала жизнь, очищала тело и заставляла кровь бежать быстрее. Мы выскакивали на солнце, словно дикие лошади!

Это жизнь! Великолепно! Мы бросались в ее свет, в ее тепло, в ее сверкание, словно возвращались к первым дням этого мира, когда дух и плоть мироздания еще не получили толчка!

* * *

Бегство советских войск было столь стремительным, что мы почти не имели пленных. Степь была пустой, отданной во власть торжествующему солнцу и победоносным немецким войскам.

На железнодорожную линию из Майкопа мы вышли ближе к вечеру. Сотни брошенных вагонов стояли колоннами на протяжении 20 километров вплотную. Немецкие пикировщики повредили полотно, и поезда не могли следовать дальше, образовав гигантскую пробку. На платформах громоздилось всевозможное имущество, которое русские пытались вывезти. Это были авиационные моторы, запасные части, недостроенные танки, машины, разнообразное сырье. Колонны цистерн тянулись бесконечно, обугленные после того, как вспыхнули сотни литров бензина, находившиеся в них.

Но, по большей части, эта фантастическая добыча была вполне пригодна для использования, исключая то, что уничтожили «Штуки». У красных даже не было времени, чтобы сжечь поезда.

Каждая дивизия, которая выбиралась к железной дороге, немедленно вешала свои таблички, заявляя права собственности на добычу. Особым вниманием пользовались вагоны с алкоголем.

Мы даже нашли запасы банок с икрой. Сидя на железнодорожной насыпи, каждый из нас намазывал по полкило рыбьих яиц на хлеб! Для облегчения пищеварения использовалась водка. Мы захватили 30 000 маленьких аккуратных бутылок водки.

Однако возможности блаженствовать, предаваясь чревоугодию, мы не получили. Пришел приказ высту-

пать в направлении гор как можно быстрее. Нам разрешили только поспать несколько часов прямо на земле. Рано утром нас разбудили петухи, которых сильно заинтересовала вся эта суета.

Мы поднялись на первые холмы, кстати, довольно крутые, и на другой стороне гряды увидели ряды повозок, которые тащили лошади.

Мы двинулись в путь по утренней прохладе. А ближе к вечеру нам подумалось, что мы спим на ходу. Высокая темно-синяя зубчатая стена появилась на юге, резко выделяясь на фоне неба. Это были Кавказские горы!

Они находились на расстоянии примерно 50 километров, но их вершины были видны совершенно отчетливо. Мы страшно обрадовались и помчались вперед. Это были они, горы, которые мы мысленно видели уже несколько недель!

И мы невольно ускорили шаги.

Навстречу нам двигались колонны немецких танков. Они закончили свою работу, загнав противника в лес. Теперь настала очередь пехоты завершить работу. В 09.00 мы вошли в город с длинными прямыми улицами — Майкоп!

Наши танки очистили город от красных, причем те даже не сумели взорвать мост, перекинутый через глубокую долину, на дне которой текла река Белая. Несколько домов прилепились на краю откоса. Мы быстро перебрались на другую сторону, чтобы занять гору, которая господствовала над всеми окрестностями. Оттуда мы могли парировать любые действия разгромленного противника.

Склон был крутым и порос густым лесом. Наконец-то мы снова увидели деревья! Без боя мы втащили пу-

леметы на вершины. На юге перед нами разворачивалась величественная панорама речушек, мелких водопадов и сине-фиолетовых гор. Кавказский хребет закрывал весь горизонт.

Нас окружал густой лес. В нем еще скрывалось множество советских солдат, выискивая возможность сдаться.

Возможность вскоре представилась, причем совершенно анекдотическая. Один из наших унтер-офицеров решил отойти в тенистые кусты, чтобы облегчиться подалее от любопытных глаз. С куском бумаги в руке он уселся и принялся за работу, одновременно восхищаясь кустиками. Он был не слишком опасен, поскольку из орудия имел только газетный лист. Именно такого момента ждали русские. Листья раздвинулись, и наш герой увидел длинную колонну русских, приближающуюся к нему с поднятыми руками, чтобы сдаться на самых выгодных условиях. Унтер-офицеру оставалось лишь поспешно привести свою форму в порядок, чтобы не уронить свой престиж!

Через несколько минут он вернулся к нам, покрывавшая, за ним тащилась колонна мужиков, серьезных, как священники, несмотря на комические обстоятельства капитуляции.

Вот так были захвачены в плен последние русские в дубовой роще возле Майкопа. Честно говоря, это выглядело не слишком красиво, но лес был зачищен как раз в то время, когда унтер-офицер, сначала немного смутившийся, рассказывал о своих приключениях.

Тем временем Майкоп заняли главные силы дивизии. Мы все верили, что война закончилась. Все во-

круг было зачищено, и мы готовились пересечь Кавказ. Прибыл приказ для нашей дивизии. Цели: Адлер, затем Сухуми, расположенный рядом с турецкой границей.

Мы быстренько прикинули: Тифлис к Рождеству, Вавилон весной! На берегах священных рек Тигр и Евфрат мы встретимся с Африканским корпусом маршала Роммеля, который перейдет Суэцкий канал! Война закончится в колыбели человеческой цивилизации!

Чтобы отпраздновать 15 августа (Вознесение господне), была дана команда раздать войскам местное вино из расчета 4 литра на человека. В общем, выпивка лилась рекой. Это был алкоголь, перегнаный из плодов терновника, он имел ужасный запах. Тем не менее празднование прошло успешно. Пьянка закончилась только под утро.

Затем, как ни странно, 97-я дивизия и Валлонский легион двинулись дальше. Огромные Кавказские горы свысока поглядывали на нас, сначала сине-черные, затем белые и розовые, но все равно такие же высокие. Сухуми, его пляжи и пальмы! Тифлис и его дома, прилепившиеся к склонам гор! Глубокие озера Азербайджана! Огромные поля горячего песка Персидского залива! Наши глаза сверкали при мысли о том, что нас ждет!

Мы прибыли к большой зеленой реке, которая текла под обломками взорванного моста. Один солдат двинулся вперед, чтобы перебросить доску. С другого берега хлопнул винтовочный выстрел, и солдат свалился в реку.

Второй попытался сделать то же самое. Затем третий. Все они были убиты.

Горы все еще находились в 20 километрах дальше, но теперь Кавказ предупреждал нас.

Мы промчались на юг 1150 километров. Мы верили, что победили всех. Три тела, подскакивающие в бурном потоке, внезапно доказали, что война с Россией вовсе не закончилась. Она только начинается.

Ловушка

Верховное командование ожидало, что войска, наступающие на Кавказ, не встретят никаких трудностей. Каждой дивизии был выделен совершенно фантастический район операций. 97-я дивизия, которой мы были подчинены, должна была силами двух полков и Валлонского легиона захватить территорию в два раза больше Бельгии! Нам предстояло пересечь горы высотой 3200 метров и дубовые леса, которые тянулись на 200 километров.

Один из полков наступал прямо на запад в направлении Туапсе. Другой, полк Отте, к которому мы были приданы, наступал сквозь лес, чтобы выйти к Адлеру на побережье Черного моря. Командир дивизии отважно разместился между этими двумя колоннами, которые расходились все больше и больше. Его прикрывала только штабная рота, солдаты которой лучше умели обращаться с карандашами и ластиками, чем с пулеметами и гранатами.

Передвигаясь бросками, батальоны сменяли друг друга. В момент падения Майкопа мы находились в передовом охранении, но в первые дни наступления в горах должны были действовать в качестве тылового прикрытия.

Мы захватили врасплох некоторое количество большевиков, которые возвращались в ярмарочный городок. Нас вызвали на помощь крестьяне, и красные были быстро уничтожены.

18 августа мы атаковали деревню, которая находилась в 500 метрах выше нас, где укрепился противник. Две наши роты тихо поднялись на высоту и бросились врукопашную. Красные почти не сопротивлялись. Они вскоре бежали, бросив все свое оружие.

Все шло хорошо.

Проявив незаурядную отвагу, полк Отте за три дня прошел более 150 километров через джунгли, горы и ущелья. Новости поступали превосходные. Авангард находился всего в 3 километрах от дороги, ведущей к Черному морю. Потрясающе!

Страхи первого дня улетучились. Настал наш черед идти на фронт. Еще одна неделя, и мы будем на пороге Грузии!

Все переменялось в один вечер.

Наш полк углубился в горы и приближался к своей цели. Однако в тылу, в десятках километров позади наступавших подразделений, противник неожиданно перерезал дорогу.

Укрывшись в зарослях, красные пропустили наши 2000 человек, а потом затянули сеть. Они прятались буквально в каждом овраге. Пытаясь отойти назад, полк наткнулся на одну засаду за другой. В воздухе запахло катастрофой.

В центре штабная рота, которая сопровождала генерала Руппа и двигалась без охранения в нескольких десятках километров от обоих полков, тоже была отрезана. Несколько часов генерал сидел в осаде в де-

ревне Ширванская. Старые ординарцы, секретари, ветеринары, сержанты интендантской службы сражались, как могли. Но подходы к деревне были в руках красных.

Русские также контролировали дорогу, ведущую от Ширванской в тыл. Там они серьезно укрепились на важнейших перекрестках.

Мы получили по радио срочный приказ идти на выручку. Нам предстояло за одну ночь пройти 20 километров по горам, а потом схватиться с противником, который устроил множество засад, и освободить командира дивизии из Ширванской.

Ночь была темной, как чернила. В небе ни единой звездочки. Уже через час стало понятно, что дальше двигаться не получится. Один из наших солдат получил рану в спину, а несколько лошадей свалились в пропасть глубиной несколько сот метров.

* * *

Рано утром мы возобновили марш. На рассвете стало видно, что над горами висят огромные угрожающие тучи. Мы перебрались через очень красочное ущелье, а затем вошли в лес огромных дубов. Некоторые деревья были недавно спилены и лежали поперек дороги. Мы двигались, держа пальцы на спусковых крючках.

Жара была удушающей. В небе гремел гром. Примерно в 10.00 на голом склоне горы напротив нас мы увидели белую деревеньку Прусская, наше последнее место отдыха перед встречей с противником.

Затем внезапно разразился ливень, с небосвода

хлынул настоящий поток, и мы в мгновение ока промокли до нитки, словно свалились в реку. После того как мы добрались до первых изб, дорога размокла, покрывшись слоем жидкой глины толщиной 15 сантиметров. Наша колонна буквально застряла в ней.

Но мы **должны были** двигаться вперед. И мы кое-как двигались.

Два немецких офицера шли пешком впереди нас. Их автомобиль вместе с другими машинами налетел на засаду русских сразу перед грозой. Они сумели вырваться после яростной схватки.

Дождь прекратился. Долины заполнили влажные испарения, поднимающиеся из глубины. Они медленно поднимались к вершинам, где солнце сверкало на свежеемытой зеленой траве.

Мы проделали еще 2 километра, хотя на ногах висели целые глыбы глины. Затем нам пришлось искать укрытие. Мы подошли к горам, занятым русскими. Мы смотрели, как дорога поднимается, петляет и исчезает в лесу. Весь склон порос деревьями. Дубовая роща уходила на юго-восток, а потом снова поднималась по склону огромной горы.

Наш командир отдал боевой приказ, нам следовало развернуться тремя колоннами и начать атаку. Мы очень мало знали о противнике, исключая то, что он имел два батальона пехоты и эскадрон кавалерии. Он имел артиллеристов и автомобили и несколько трофейных противотанковых орудий. Противник, несомненно, думал, что мы наверняка попадемся в ловушку.

Однако когда красные увидели, что наши роты разворачиваются, они поняли наши намерения.

* * *

Мы смогли спуститься по склону без трудностей. Ни единый винтовочный выстрел не нарушил странную тишину долины. Две машины, горящие на вершине горы, — вот и все, что оживляло пейзаж.

Мы намеревались пробраться кустами к маленькому пригорку. Там можно было найти временное укрытие.

Я пополз к пригорку, продираясь сквозь густой кустарник, подтягиваясь на левом локте, в правой руке у меня был пистолет. В 20 метрах позади меня ждали солдаты.

Я добрался до вершины холмика, буквально рядом со мной русский офицер полз на животе, точно так же, как я. Мы выстрелили одновременно. Его пуля просвистела у меня над ухом. Моя попала несчастному прямо в лоб. Бой за Прусскую начался.

Прусская

Перекрестки, которые нам следовало атаковать между Прусской и Ширванской во второй половине дня 19 августа 1942 года, находились позади нескольких ложбин. Мы бросились на главные силы противника вниз по склону, причем через каждые 15 или 20 метров падали на землю, укрываясь в малейших складках местности и прячась за редкими сливовыми деревьями.

Перед нами голый склон пошел вверх. Когда русские увидели, что мы достигли дна долины, они пришли в страшное возбуждение. Они подожгли несколько немецких повозок с боеприпасами, которые захва-

тили, и столкнули их на нас. Эти монстры затарахтели вниз по склону с адской скоростью, взрывающиеся снаряды разлетались в разные стороны. Мы уткнулись носами в землю, а над головами летали тысячи раскаленных осколков.

Лобовая атака могла завершиться бойней. Поэтому я взял трех добровольцев, которые были опытными солдатами, и повел их в обход правого фланга. Мы добрались до рощи остролиста, затем проползли в лес и просочились между передовыми русскими постами. Мои три парня следовали за мной на расстоянии 10 метров. Я хотел обойти противника с фланга, но оказался прямо за ним. Сквозь ветки я видел советский лагерь.

И в этот самый момент наши люди пошли в атаку. Это случилось! Я выпрыгнул из укрытия позади большевиков, поливая их очередями из автомата и издавая кровавадные вопли. Мои товарищи бросились следом за мной прямо в середину лагеря, тоже что-то крича.

Началась паника. Красные поверили, что они сами окружены, забегали кругами и наконец бежали в полном замешательстве по долине на юго-запад. Они совершенно рехнулись. Мы вчетвером выгнали их из логова. Все их грузовики стали нашими, великолепные фордовские автомобили, выстроенные четырехугольником, даже с ключами зажигания на месте! Пушки, которые обстреливали нас, попали к нам в руки, а также и пулеметы! Продовольствие, оружие, боеприпасы, каски, полные фруктов, там было все! наших воплей и нашей стрельбы, внезапно раздавшихся у них в тылу, хватило, чтобы убедить сотни красных в катастрофе и обратить в бегство.

Мы побежали за ними, вопя все громче и стреляя из всех автоматов. Вскоре после этого одна из наших рот встретила нас на перекрестке.

* * *

Мы не могли позволить советским войскам спуститься через лес и удрать. Нам приказали догнать и уничтожить их.

Сначала они нанесли нам некоторые потери, убив одного из наших самых выдающихся товарищей, доктора филологии, который получил пять пуль в грудь. Но наш порыв нельзя было остановить. Швыряя гранаты, мы захватили противотанковое орудие, которое русские пытались вытащить из роци по грязной тропинке. Мы достигли дна долины и оказались в тропических джунглях. Она была затоплена водой утренней грозы и перерезана оврагами 10 или 15 метров глубиной, прямыми, как деревья.

Нам приходилось скользить вниз, сидя на заднице. Подниматься вверх приходилось, цепляясь за камни и корни. Густая растительность испускала удушающие ароматы. Сотни пчел, которые поднялись в воздух во время боя, жужжали вокруг, сходя с ума от злости. Я израсходовал все патроны. Для рукопашной у меня остался только пистолет и 20 патронов. Мы бежали от дерева к дереву, втапывая красных в грязь и кусты. Мы отогнали их главные силы на противоположный склон горы, который был очень крутым и совершенно голым, его делила надвое грязная тропа. Красные бежали туда в полном беспорядке.

Тем временем германская артиллерия, которая поддерживала нас, добралась до перекрестка. Артил-

леристы установили орудия вдоль дороги. Русская кавалерия, которая не могла сражаться в густом кустарнике и лесу, попыталась спасти своих коней, ведя их по грязной скользкой дороге. Нельзя было и мечтать о лучшей цели. Немецкие снаряды падали среди них, разрывая на куски и людей, и лошадей. Большевики разбегались в разные стороны, безжалостно преследуемые сотнями снарядов.

В бой вступили наши реактивные минометы. Советская колонна была практически уничтожена. Однако многие русские спаслись, укрывшись в кустах и темных отрогах маленьких оврагов.

В горячке погони мы зашли слишком далеко. Теперь, уничтожив беглецов и почти израсходовав боеприпасы, мы хотели вернуться к своим.

Но мы оказались в гуще джунглей. Мы бросились на противника, совершенно не обратив внимания, куда бежим. Едва мы вернулись на сотню метров, как попали под шквальный огонь пулеметов. Большевики засели в кустах! Мы снова бросились на них. Они стреляли, думая, что окружены. Каждый раз, когда мы продирались сквозь густые заросли ежевики, то оказывались в трясине.

Моя одежда оказалась изорвана в клочья. Мои бриджи для верховой езды превратились в оборванные шорты. Однако это лишь комический аспект нашего положения. Приближались сумерки, а мы никак не могли найти своих. Перебираться через овраги, которые преграждали нам дорогу, было настоящим мучением. Становилось понятно, что мы с наступлением ночи никак не выберемся из зарослей остролиста, где на каждом шагу нас подкарауливали русские.

Судя по всему, мы оторвались на два километра от

своего батальона. Я собрал вместе всех, кто был со мной, и, рискуя привлечь внимание врагов, спующих вокруг, начал громко кричать, стзраясь дозваться своих, которые были где-то там в темноте за деревьями. Мы с тревогой прислушались. И услышали слабые ответные голоса, где-то совсем далеко. Мы пошли в том направлении.

Русские, получив серьезную взбучку, находились не в лучшем положении, чем мы. Они тоже были отрезаны. Время от времени мы останавливались, чтобы перевести дыхание, и снова кричали. Теперь ответы слышались более ясно. Направление мы выбрали правильно. От оврага к оврагу, от лужи к луже, но мы приближались к цели. Наконец нас окликнули. Это был один из наших патрулей, мы были спасены.

На ночь батальон собрался вместе.

Противник больше не оказывал никакого сопротивления. Несомненно, группы противника все еще бродили по лесу и прятались во всяких грязных дырах в долине и бежали на юго-запад, тоже пытаясь присоединиться к своим батальонам, поредевшим после нашей атаки. Мы шли прямо на юг, хлюпая по мутной воде. Около 01.00 наша головная колонна вошла в Ширванскую.

На следующий день мы похоронили своих мертвых. Мы украсили их могильные холмики золотыми подсолнухами, цветами славы и доблести.

Грязь была столь ужасающей, что никто больше не мог сделать и шага. В течение двух дней я ездил верхом на своем коне почти голым, пока солдаты пытались отстирать и заштопать мою одежду, изодранную в рукопашной. Они сами стояли на часах без сапог,

босые в воде по щиколотки. Ни один мотоциклист не мог передвигаться по району.

Во второй половине дня 20 августа снова показалось безжалостное солнце. К сумеркам все вокруг окрасилось пурпуром и золотом. Хорошая погода предвещала битву, новые бои близились.

Третьяков

Наш поход по Кавказу возобновился 21 августа рано утром. Мы прошли по маленькому мостику, поспешно построенному нашими саперами над раздувшейся речкой, а затем вошли в лес. После нескольких километров подъема мы увидели маленькую поляну и несколько изб. Несколько советских солдат бежали, сделав пару выстрелов. Деревня называлась Папоротный. Прекрасные виноградник, яблоневый сад и заросли сливы раскинулись под солнцем.

Нам предстояло пройти еще около десяти километров до деревни Третьяков. В Папоротном мы получили радиограмму, в которой нашему командиру сообщали: «Третьяков занят крупными силами противника». Оставив повозки со снабжением и тяжелую технику на поляне, мы начали осторожно пробираться между могучими дубами и кустарником.

С высоты хребта сквозь прогалину справа мы увидели деревню, занятую русскими. Мы пошли по ясно видной тропе, заросшей травой. Согласно нашим картам Третьяков находился гораздо дальше. Мы оставили тропу и пошли напролом сквозь заросли, двигаясь по компасу, и шли так 20 минут.

Затем мы услышали карканье ворон.

Это был Третьяков.

* * *

На разведку был послан патруль. Укрываясь под деревьями и за большими коричневыми валунами, разведка подошла к опушке. Расположенный на широком холме Третьяков возвышался над горным проходом. Деревня была довольно обширной, и ее окружала кукуруза высотой два или три метра, которая подходила вплотную к соломенным крышам. Прямо под деревней на опушке леса стоял колхоз.

Солдаты нашего патруля разглядели всю обстановку в мельчайших деталях. В 20 метрах от них трое русских слонялись взад и вперед вокруг полевой кухни. Они громко смеялись, рассказывая какие-то шутки, совершенно не подозревая, что ждет их. Наши люди незаметно проползли под деревьями и внезапно выскочили прямо под носом у поваров, размахивая пистолетами!

Ни один из троих не осмелился ни крикнуть, ни дернуться. Наш патруль загнал поваров как можно дальше в дубовую рощу и привел их к нам, не сделав ни одного выстрела.

Один из русских имел в кармане раскладку на ужин — самые верные разведданные. Мы узнали, что их 304 человека. Мы узнали, что у противника есть артиллерия и противотанковые орудия.

* * *

Мы закончили допрашивать наших поваров-сталинистов, когда внезапно в 30 метрах от нас загремели орудийные выстрелы. Русские нанесли ответный визит.

Наверняка один из их солдат, проходя мимо жаря-

щегося мяса, заметил отсутствие поваров и поднял тревогу. Часть красных незаметно выдвинулась к опушке, стараясь обнаружить нас. Один из наших унтер-офицеров вовремя успел их заметить. Он открыл огонь из автомата, но сам был прошит советскими пулями. Он получил несколько ран в живот, из которых толчками выплескивалась кровь, но тем не менее он продолжал стрелять. Теперь паника охватила уже нас. Но героизм унтер-офицера позволил его солдатам опомниться. Раненый упал лишь после того, как мы пробежали мимо него, чтобы начать рукопашную.

Две роты, которые должны были атаковать деревню, бросились в бой без задержки. Так как нас обнаружили, действовать следовало без промедления.

В качестве адъютанта именно я должен был ободрять солдат в тех местах, где дела шли плохо, где они начинали колебаться.

Часть наших солдат наступала прямо через колхоз, другим предстояло совершить большой крюк, чтобы обойти Третьяков по высотам. Солдатам сразу пришлось нелегко. Для многих зеленых новобранцев этот бой стал крещением огнем. Мы видели, как они колебались перед тем, как оторваться от скал и деревьев.

Шесть более решительных солдат, вооруженных автоматами, добрались до угла сарая в колхозе. С пулеметом в руках я бежал следом за ними. Через несколько минут, временно прекратив стрелять, мы оказались внутри самого Третьякова. Наше противотанковое орудие, к счастью, стреляло неточно, и снаряды рвались у нас над головами.

Красные занимали избу, из которой держали под обстрелом всю улицу. Пока мои товарищи вели огонь по дому, я продрался сквозь кукурузу и подошел к за-

падному углу избы. Прыгнув внутрь дома через боковое окно, я полностью вынес его, так как тащил с собой пулемет. Моя очередь произвела в комнате сокрушительный эффект. Женщина, которая сражалась вместе с красными, упала на пол и забилась в истерике.

Перебежками, стреляя из пулемета, я со своими солдатами занимал один дом за другим, преследуя советских солдат. Вскоре я собрал вокруг себя целую толпу пленных. Не зная, что с ними делать, я выдал каждому по куску брюссельской газеты, которую я использовал совсем не для развития ума. «Документ! Документ!» — убедительно говорил я каждому пленнику. Эти несчастные недоумки поверили магическому слову «Документ». Подняв руки и размахивая кусками бумаги, они побежали в тыл, где наши солдаты сначала сильно удивились такому количеству монголов, которые читают бельгийскую прессу. Но потом они сообразили, что произошло, и восхитились изобретательностью валлонов.

В ближнем бою лучше всего стрелять короткими быстрыми очередями. Я добрался до конца деревни, стреляя в каждое окно, мимо которого пробегал. Я остановился только за окраиной населенного пункта, в то время как мои шестеро обормотов разыскивали большевиков, которые прятались в избах и сараях. Многие вышли из зарослей кукурузы уже по собственной инициативе.

Мой пулемет поработал отлично. Через 20 минут вся валлонская рота подтянулась ко мне. Наши товарищи, двигавшиеся по высотам, тоже присоединились к нам.

Мы не только взяли множество пленных, но также

захватили русские пушки и противотанковые орудия, находившиеся в отличном состоянии, с большим количеством боеприпасов.

Посмеиваясь, мы вернулись в колхоз. Советские полевые кухни все еще стояли там, причем великолепный суп был готов, а рядом стоял огромный котел овсянки. Немного в стороне стояла повозка с огромными мешками сухарей. Мы вернули поваров к их котлам и поварешкам. Они были рады продолжить работу. Никогда еще они не варили суп при столь необычных обстоятельствах! Сначала большевики, потом пленные, а еще через некоторое время их произвели в почетные валлоны! И все это менее чем за час! Их суп даже не успел выкипеть. Их маленькие зубки радостно сверкали на плоских широких желтых лицах. Жизнь оборачивалась юмористической стороной.

Мы были очень рады. Деревня была захвачена более чем легко и эффектно, но это принесло нам серьезную выгоду. Мы охотно съели суп и овсянку, проголодавшись за время боя. Мы даже были удивлены, как все прошло быстро и гладко.

Слишком быстро! И слишком гладко! Потому что вокруг опять засвистели пули, сначала одиночные, а потом уже и сотнями.

Мы едва успели попадать на землю и укрыться за стволами деревьев, среди перевернутых повозок. Что происходит?

Мы недоумевающе смотрели друг на друга.

Сгущались сумерки. Большие черные орлы кружили, зловеще крича, над маленькой долиной. Тревожащий огонь велся из леса, который с юга подступал к кукурузным полям.

Кровавое ущелье

Для двухсот человек оказаться на ночь на дне ущелья и чувствовать себя зажатыми со всех сторон высокими Кавказскими горами было не самым лучшим чувством. На востоке горы были черными и фиолетовыми, на западе отсвечивали красным золотом, но все они были одинаково предательскими. Тысячи невидимых врагов прятались на их лесистых склонах и обстреливали нас со всех сторон. Это происходило вечером 21 августа.

К счастью, как только мы захватили Третьяков, мы развернули дозоры в кустах по краю кукурузных полей. Именно они героически приняли на себя первый удар.

Мы быстро приготовились к бою, но противник был слишком силен. Неприятель, находившийся на господствующих высотах, вел по нам пулеметный огонь. В мгновение ока мы подтащили наши противотанковые орудия и открыли из них огонь в упор по русским, которые находились всего в 50 метрах от нас на опушке леса. Наши снаряды рвались, попадая в первые ряды деревьев, и выбрасывали клубки пламени. Потом мы пустили в ход оружие, захваченное у противника. Шквал раскаленного железа притормозил советскую атаку. Следующие пять часов шла жестокая схватка, кровавый ближний бой. Лишь один наш пост пал, так как все солдаты там были перебиты. Остальные удержались.

Наконец, где-то около полуночи огонь врага ослабел, а потом и вообще прекратился. Мы отправили в лес несколько патрулей. Они нашли множество трупов, но советские войска, начавшие атаку, исчезли.

* * *

В 01.00 началась новая перестрелка, теперь уже севернее колхоза, в лесу, под прикрытием которого мы вечером добрались к Третьякову. Разгорелся жестокий бой вблизи от неровной лесной дороги, ведущей к Папортному.

Мы сильно нервничали. Остальная часть легиона, в том числе наша техника, имела приказ присоединиться к нам. Наверняка это именно они вели бой.

К нам прибежала пара посыльных с выпученными глазами. Колонна внезапно была атакована с тыла сотнями русских, которые попытались разрезать ее на части. Обе стороны расстреливали друг друга из пулеметов в упор, но пока еще наши парни держались.

Мы собрали всех, кого можно, и бросились на шум. Около 03.00 бой закончился, и появилась процессия наших грузовиков с солдатами.

И теперь вопросом было, кто именно пережил наиболее опасные приключения. Особенно гордились раненые, которые указывали на свои окровавленные повязки и рассказывали тысячи невероятных историй. Никто не понимал, что случилось, откуда взялись русские и почему они с такой яростью атаковали нашу колонну.

Только допрос пленных позволил кое-что прояснить. Они входили в усиленный пехотный полк, который отступал. Им сообщили, что в Третьякове находятся свои. В сумерках, не беспокоясь ни о чем, они подошли к деревне через полчаса после того, как мы захватили ее. В течение 5 часов они пытались силой прорваться через нее, но напрасно. Потери русских были очень высокими. Их полковой командный пункт

получил прямое попадание снаряда нашей противотанковой пушки. Наконец, после неудачи прорыва, они попытались обойти деревню с севера. Но их продолжали преследовать несчастья: они влетели прямо в середину нашей колонны с подкреплениями и снабжением.

Сначала в опасности оказалась именно колонна, но упорство наших солдат сыграло свою роль, и русские снова не сумели прорваться. Не зная, насколько велики наши силы, измученные и сбитые с толка, они второй раз откатились назад в полном беспорядке.

Остаток ночи мы слышали, как противник продолжает отходить на юг. Это остатки советского полка с шумом тащили свои повозки по лесным дорогам.

На рассвете мы принялись ремонтировать свои повозки, хотя часть лошадей была убита. Поле боя представляло собой жуткое зрелище. Два русских офицера, убитые на лошадях и изрешеченные десятками пуль, все еще держали пулеметы в руках.

Мы похоронили наших убитых возле школы. Как обычно, могилы были усыпаны яркими цветами. Больше ни один разрыв не потревожил тишину долины.

Наступило воскресенье. Горы выглядели очень красиво. Мы провели целый день, наслаждаясь солнцем и этими красками. Невероятный закат с длинными полотнищами красного, золотого и фиолетового света прорезал розовые облака, долгое время собиравшиеся на склонах гор. В это время на дне долины мы совершенно утонули в синих и сиреневых тенях вечера.

Ночь оказалась короткой.

Все случилось в 03.30. Никто не слышал даже, чтобы хрустнула сухая ветка. Однако, бесшумно скользая в

сандалиях из свиной кожи, сотни большевиков собрались в кукурузе рядом с селом. И внезапно они бросились на нас и с диким криком: «Ура! Победа!» целых два батальона обрушились на наши посты. Сотни вопящих врагов продирались сквозь кукурузу и накапливались возле домов. Начался безумный бой в темноте, освещаемой очередями трассирующих пуль, наши солдаты схватились с атакующими. Они обменивались пулеметными очередями в стойлах, и несчастные лошади валялись, как подкошенные.

О! Это был ужасный час! Когда все-таки начнется рассвет и мы сумеем перегруппироваться? Или нас раздавят еще до этого?

Отстреливаясь, мы следили за вершинами гор. Наконец они начали светлеть, и бледные отсветы забежали по долине. Противник был повсюду, однако самые важные позиции находились в наших руках. Даже на опушке леса наши посты продолжали сопротивление.

Силы красных, которые пытались выбить немецкие войска из лесов на склонах Кавказских гор, состояли из ударных батальонов. Их формировали из наиболее фанатичных большевиков, которые бежали с Донца на Кавказ. Они были усилены сотнями головорезов, обычных преступников, освобожденных из тюрем. За ними следовали полудикие орды, поспешно набранные советскими властями в Азербайджане и Киргизии. Два батальона, которые атаквали нас этой ночью, должны были нас просто размазать. Они сумели даже захватить несколько изб. Оттуда им предстояло пройти еще 50 метров, чтобы достичь уступа, за который мы зацепились. Но наши пулеметы сметали всех атакующих.

Третий советский батальон спустился в полдень по другому склону, с востока, и вошел в дубовую рощу, которая господствовала над деревней и нашими позициями. Батальон имел весьма специфическое оружие — только легкие минометы, не больше женского зонтика. Но сотня таких минометов означала смерть для бойцов, отданных им на расправу.

* * *

В понедельник русские усилили свои атаки.

Мы удерживали позиции с огромным трудом. Десятки солдат покинули нас, чтобы отправиться на перевязку. Вокруг валялись трупы товарищей, изуродованные чудовищными разрывными пулями русских, которые вырывали чуть ли не полголовы или вообще сносили ее целиком.

Мы были почти полностью окружены. В маленькой долине в наших руках оставался только колхоз и ущелье на севере, через которое в моменты краткого затишья в бою мы отправляли в тыл наших раненых.

Красные захватили нижнюю часть деревни. Они заняли весь лес, подходивший к нашим позициям с юга, востока и запада. Им оставалось лишь захватить колхоз и ущелье на севере. В 17.00 сотни большевиков выскочили из леса и бросились на здания колхоза, расположенные в 40 метрах ниже нашего уступа.

Наши пулеметы вели просто бешеный огонь. Но мы не сумели помешать толпам красных ворваться в здания. Наступила ночь. Если колхоз останется в руках противника, ночью советские уголовники и орды киргизов замкнут кольцо вокруг нас.

Необходимо было выбить их оттуда, прежде чем

сгустится темнота. Мы быстро подтащили два противотанковых орудия к самому краю уступа, несмотря на пули и гранаты русских, и открыли беглый огонь почти точно вниз, прямо по крышам зданий. Десять, двадцать, пятьдесят снарядов — и вверх взлетели столбы пыли и огня.

Красные спаслись только тем, что снова бежали в кукурузу и в лес. Колхоз снова перешел в наши руки. Наши люди устроились там, среди множества трупов большевиков, лошадей и рухнувших балок.

Сто двадцать шесть часов

Наша битва за Третьяков продолжалась 126 часов, 126 часов, в течение которых шла почти непрерывная рукопашная схватка, исключая несколько часов ночью, пока непривычная оранжевая луна висела в небе. Ее красноватый свет делал ночь похожей на сказку. Тучи походили на цветочные поля или мягкие шелковые занавеси.

Отблески сияли в высоте и едва достигали нашего склона, находившегося почти на самом дне узкой долины. Мы использовали небольшое затишье, чтобы поспешно окопаться. Тут же лежали тела десятков наших товарищей со скрещенными руками, напоминая изваяния на гробницах в наших соборах. Мы были подавлены горем, когда поспешно забрасывали их землей: сначала ноги, потом грудь, последней исчезала голова. Мы делали это быстро, так как каждый из погибших был нашим братом и товарищем, делил с нами страдания, нашу славу и нашу веру.

Остаток ночи мы вырубали кукурузу между нашими постами и деревьями, ведь огромные стебли возвы-

шались на полметра над головой, что позволяло красным приближаться незамеченными и внезапно атаковать в любой момент. Мы ползли в темноте, вооруженные большими ножами. За несколько ночей мы расчистили все окрестности, метр за метром.

Это была рискованная работа, потому что вокруг сновали красные. Имели место несколько стычек, после которых начинался небольшой переполох. Однако с 04.00 мы были вынуждены отсиживаться в наших маленьких блиндажах. Первые зеленые ростки появлялись между обломками стеблей, и цветы подсолнечника украшали новые могилы, появившиеся предыдущей ночью. Примерно в это время начинался шум и гам.

* * *

Удержать Третьяков оказалось еще более сложно. Наши позиции были слишком уязвимы, и мы были вынуждены отойти еще дальше. Нам следовало подготовиться к прорыву из кольца. Мы решили нанести мощный удар на юго-западе, ниже деревни, где противник вел себя наиболее агрессивно. Оттуда русские легко могли ворваться в колхоз, и мы каждую ночь рисковали быть выкинутыми со своего холма и просто раздавленными.

Если мы контратакуем красных, бросившись прямо на них, то вполне можем потерять половину батальона. Результат будет самым минимальным: сотня метров и несколько изб, а также угол кукурузного поля, где протекает речка. Нам никогда ее не форсировать, и мы не сумеем очистить высоты лобовой атакой.

Мы вызвали добровольцев, желающих поменять

лисий хвост на львиную гриву. Мы с командиром легиона приняли смелое решение: проскользнуть по маленькому оврагу на север, а потом повернуть на запад уже в лесу, пройти мимо красных и наконец внезапно атаковать их с тыла напротив наших позиций в Третьякове.

Невозможные атаки чаще всего удаются, потому что никто не думает защищаться от них. Несколько парней из роты «Молодых рексистов» спустились в овраг и проникли в тыл красным, прячась за деревьями. Мы прождали целых два часа, пока они начнут атаку.

Но это не случилось. Сразу после полудня появились наши парни, совершенно измученные. Местность была сильно пересеченной, повсюду шатались советские патрули. Их офицер решил, что задача невыполнима. Так как он имел на это право, он приказал возвращаться.

Однако операцию следовало провести в любом случае.

Противник получал все больше пространства для маневра. Если мы не нанесем решающий удар, то сами его получим. Нам приходилось выбирать: рискнуть всем или потерять все. Я вызвал новых добровольцев, следовало повторить вылазку более крупными силами. Офицер, не верящий в успех, снова взял своих солдат. Я очень убедительно постарался объяснить им, что следует делать.

В глазах парней засверкали искры. Некоторые из них уже заслужили Железный Крест сегодня утром и

желали оправдать его. Они снова двинулись в путь. Мы следили за ними в бинокли.

Прошли еще два часа, было уже 17.00. Красные, которые хотели снова захватить колхоз, бросились в атаку со своими обычными воплями.

Им ответил другой крик, который слушался заметно слабее. Вряд ли красные видели наших молодых солдат, которые, укрывшись у них за спиной, ждали подходящего момента. Они бросились в воду и вышли, точно львы!

Большевики поверили, что они сами окружены. Большинство из них, не зная, куда бежать, помчались прямо на наши пулеметы, и кто-то попытался залезть в кусты. Многие из них сдались, это были гиганты с узкими глазами, похожие на горилл, которых наши парни подгоняли ударами прикладов по спине.

Увы! Половина этих молодых гладиаторов погибла, выходя из кустов или пересекая реку. Их стройные тела плавали под водопадами. Мы снова победили, но платой за победу стала молодая и чистая кровь.

Каждый из наших молодых парней стоил больше, чем куча пленных оборванцев, которых мы загнали в школьные классы. Этот потрясающий контраст очень ясно подчеркивал характер дуэли: Европа, очищенная двадцатью веками цивилизации, и дикие орды азиатов, звероподобные и гримасничающие, с нахлобученными пилотками с красной звездой СССР. Наши молодые добровольцы сделали свой выбор. Они погибли, сражаясь за идеалы, которые светились в их глазах.

Красные, снова понеся тяжелые потери, откатились обратно в лес на запад и юго-запад. Они больше не

рисковали вступать в рукопашную в этом секторе, усеянном трупами их товарищей.

Несколько отвратительных свиней шатались перед советскими постами и пожирали вонючие трупы, быстро разлагавшиеся на солнце. Красные мрачно следили за этими трупоедами, чавкавшими буквально в 20 метрах от них. Судя по всему, они сильно хотели уволочь этих животных к себе в тыл. Наконец они сумели схватить одну свинью. Мы услышали крики радости. Вот так в Третьякове русские занялись людоедством при промежуточном звене в виде свиньи.

* * *

Мы сумели получить все сведения, которые нам требовались, от этих гурманов, любителей свиного мяса.

Один из наших врачей попал в плен, когда пытался спасти раненого, лежавшего на берегу речки. Русские таскали его с одного поста на другой.

Как и большое число наших солдат, он немного выучил русский язык. Врач оказался на удивление изобретательным. Он весело трепался с врагами, пока его не решили отправить в тыл. У него было достаточно времени, чтобы осмотреть вражеские позиции и оценить их силы. Когда его повели, было уже темно. Тропа проходила вдоль глубокого оврага. Врач неожиданно прыгнул и кувырком скатился вниз. Предоставив русским бесноваться, сколько хотят, врач пустился наутек!

Раз десять он сбивался с пути. Но на рассвете мы увидели голову, высунувшуюся из болота в 50 метрах от нас. Это был наш отважный товарищ. Он осторожно

пополз и благополучно добрался до наших позиций, весь грязный и зеленый, как нильский бегемот. С этого момента красные на западе потеряли покой, так как наши противотанковые орудия расстреливали их, выбивая из лесных убежищ.

Оставались еще дубовые рощи, которые нависали над нами с юго-востока, и откуда советские минометы вели постоянный огонь. С рассвета и до заката мы были вынуждены прятаться в убежищах, вырытых в меловой почве или под избами. Наш командир, попытавшийся отправиться с обходом, едва не погиб, когда три мины разорвались поблизости.

Нам нужно было зачистить высоты и вышвырнуть дьявольские приспособления подальше. Одна из наших рот обошла красных и обрушилась на них всей своей мощью.

Но мы дорого заплатили за эту контратаку. Национальный лидер «Молодых рексистов» профос Йон Хагеманс, бывший студент-коммунист из университета Брюсселя, который воспринял наши идеи и стал их глашатаем в Нидерландах, был убит разрывом мины.

Но Третьяков был освобожден лишь частично. Каждый день наши вылазки отгоняли противника все дальше, но едва наши солдаты поворачивали обратно к избам, как за спиной у них снова вспыхивала стрельба. Они еле успевали добежать до блиндажей. Противник складывался, а потом обратно разжимался, как упрямая пружина. Элитные советские снайперы карабкались на деревья, словно ягуары. Иногда нам удавалось подстрелить кого-нибудь из них, если мы цели-

лись очень тщательно. Тело падало на землю, ломая по дороге ветки.

Но большинство большевистских древолазов оставались незамеченными. Десятки снайперов мешали нашим передвижениям. Третьяков был окружен снайперами, которые берегли патроны и стреляли очень метко.

Но все это никак не могло скрыть очевидное — мы удержали Третьяков. Красные не сумели захватить проход, который им был крайне нужен для контратак.

Мы остались единственными, кто сумел удержать передовые позиции в кавказских лесах на юго-западе. Повсюду наши войска начали отход. Третьяков остался клином, вбитым в советские позиции. Именно отсюда в октябре мы начали наше последнее наступление на Западном Кавказе.

Наша дивизия проскользнула еще дальше на юг. После того как нас сменили подразделения дивизии СС «Викинг», мы приняли участие в этом маневре. Жарким вечером в конце августа мы оставили могилы наших мертвых и осторожно ушли лесами на запад, так как там все еще патрулировали отряды неприятеля. Наша группа почти пересекла путь длинной колонне советских солдат. Их было в семь или восемь раз больше нас. Они прошли по гребню в нескольких метрах у нас над головой, даже не догадываясь о нашем присутствии. Мы в это время затаились в кустах, держа пальцы на курках.

После двухчасового перехода мы добрались до маленькой деревушки, которая затерялась среди высоких голубых пиков. Она называлась Кубано-Армянская, и ее построили еще в царские времена армянские беженцы.

Армения

Сентябрь 1942 года стал месяцем отдыха для дивизий на Западном Кавказе. Немецкое наступление второй половины августа провалилось, так как не хватило войск для прорыва обороны и контроля над лесными районами. Войска, отправленные вперед, добились бы успеха, если бы, как в июле, наступали по открытой местности. Однако легкие дороги закончились. Противник терпеливо ждал, пока мы пройдем еще 200 километров и увязнем в джунглях. Затем, когда мы застряли в проходах и долинах, он отрезал нас с тыла в лесных районах, где партизаны наносили удары, часто оставаясь незамеченными, удары жестокие и смертоносные.

Во многих местах нам пришлось отойти. Более того, нам пришлось дожидаться прибытия подкреплений. Без новых дивизий дальнейшее наступление было невозможно.

Поэтому мы ждали.

Армянская деревня Кубано-Армянская была захвачена одной из наших рот в тот самый день, когда мы штурмом взяли Третьяков. Противник не ответил, а просто отошел подальше за открытое пространство. Фронт стабилизировался на опушке леса.

Мы никогда не видели подобной деревни. Это не были избы, построенные на земле, как в степи. Нет, они были подняты на прочных столбах из опасения диких зверей, которые зимой могли выйти из леса на поиски пропитания в маленькой долине. Конюшни находились на высоте четыре или даже пять метров. Люди принимали меры предосторожности для сохранения своего скота даже больше, чем для защиты своих жен

и детей. Вероятно, они прикладывали массу усилий, чтобы загнать скот на эти насесты, где ему предстояло провести несколько месяцев, пока не растает снег, а внизу носятся стаи голодных волков.

* * *

Жители тщательно хранили обычаи Малой Азии. Женщины имели миндалевидные угольно-черные глаза, какие можно видеть на древнекритских вазах. Они жили среди миллионов мух, долгими часами качая ногами небольшие бочки с молоком, которые были подвешены к потолку на веревках. Примерно через полдня этого труда из бочки можно было достать полужидкое масло. Молоко было буйволиным, от медленных спутниц огромных черных быков, чей подгрудок свисал до самой земли, как у кабанов.

Вокруг деревни росла неизбежная кукуруза, чьи золотые початки крестьянские женщины сушили на земле, предварительно освободив от шелковистой пленки.

Местность вокруг была даже еще более потрясающей, чем в Третьякове. Когда мы вечером возвращались из патруля, то по двадцать раз останавливались, чтобы полюбоваться величественными пиками и небом. Горы поднимались вдали, каждая отбрасывала свою тень, переходящую от золотого и красного в пурпурный и фиолетовый. Огромные каменные лица, подсвеченные сзади зарей, всегда оставались темными. Кубано-Армянская, которая лежала в узкой долине, тонула в темно-синих сумерках, лишь над печными трубами мелькали тонкие белые шлейфики дыма.

Мы медленно спускались в долину, не прекращая

любоваться ошеломляющими красками, которые обрамляли скалы, и деревней, исчезающей в синей тени, постепенно переходящей в черную.

Чтобы добраться до командного пункта 97-й дивизии, мы должны были пройти около 15 километров по склонам гор. Я ездил на маленькой русской лошадке, которая словно серна шла по узенькому карнизу над бездонными пропастями. Наконец перед нами открывалась невероятная панорама, огромная зеленая впадина, окруженная скалами километровой высоты. На самом дне сиял квадрат желтого света. Там находилась деревня.

Требовался еще час, чтобы добраться до нее. Лошадь своими копытами, словно когтями, цеплялась за каменные осыпи. Затем мы подходили к бледно-зеленому бурному потоку, совершенно ледяному.

Но вскоре связь полностью прервалась. Красные, видя, что наше наступление заглохло, сами перешли от обороны к атаке. Они не бросали на нас целые батальоны, как в Третьякове, а просачивались маленькими группами сквозь непроходимый лес, где старые дубы, иссеченные бурями, переплетали свои почерневшие ветви, где заросли кустов предоставляли прекрасное укрытие для засады.

Наши патрули с трудом пробирались по этим густым джунглям, где не было никаких тропинок и чьи секреты не были отображены ни на одной карте.

К счастью, жители деревень, расположенных на полях, были настроены резко антибольшевистски. Некоторые из наших армянских крестьян уходили на 15 — 30 километров от Кубано-Армянской. Через пару дней они снова появлялись, принося подробные сведения о красных.

Ненависть этих крестьян к советскому режиму удивляла нас. Бедные, даже нищие, они должны были поддаться искусству большевизма. Вместо этого они испытывали такой ужас перед большевиками, что каждый день рисковали жизнью, чтобы помочь нам. Седые старые крестьяне, которых красные много лет заставляли работать, особенно сильно ненавидели их. Обутые в легкие кожаные сандалии, они могли прокрасться всюду и вели за собой наши патрули.

Несколько наших армянских проводников попали в руки большевиков и были убиты. Но это не повлияло на настрой деревни.

* * *

Тем не менее наше положение оставалось сложным. Противника не было нигде, однако он был повсюду. Мы отправляли разведгруппы, которые ходили целыми сутками. Они проникали глубоко на территорию противника, но все равно не видели ничего, кроме ускользающих теней. На следующий день у околицы нашей деревни пулеметная очередь из зарослей клала сразу несколько солдат.

В конце концов, мы оказались полностью окружены этими невидимыми врагами, которые прятались под деревьями, где только могли, подобно диким кабанам, и которые питаются падалицей и падалью.

Мы могли поддерживать связь с дивизией только по радио. Чтобы отправиться в тыл, требовалось организовать настоящую экспедицию, в которой каждый раз участвовала половина батальона. Вот теперь мы на своей шкуре испробовали, что такое партизанская война на азиатский манер.

Ожидание

Количество солдат не играло особой роли в этой смертельной игре в кошки-мышки, которую мы вели в лесах Кавказа. Три человека, сидящие в засаде среди колючих кустов терновника в подходящем месте, могли в считанные секунды перебить патруль. Они могли удрать, как только их атакуют, а на следующий день устроить засаду в другом месте.

Мы должны были доставлять припасы с базы в Ширванской в десятке километров от наших позиций в Кубано-Армянской. Дважды в неделю повозки, запряженные огромными волами, доходили до деревни Папоротный, затем пересекали густой дубовый лес шириной 5 или 6 километров. Эта дорога была узкой и вся заросла зеленью. Подходя к небольшой речке с крутыми берегами, мостик через которую был уничтожен, колонна должна была спуститься на галечное русло реки. Пройдя около сотни метров по реке, колонна выбиралась на берег к могучим дубам.

Однажды русские, которые сидели в засаде, подпустили конвой на расстояние всего двух метров и открыли огонь. Их очереди скосили и людей, и волов. Лишь двое наших солдат сумели укрыться в кустах. Все остальное сопровождение колонны было перебито на месте раньше, чем кто-то успел сообразить, что происходит.

С этого момента мы дважды в неделю отправляли половину своих людей встречать колонну из Папортного. Солдаты методично прочесывали лес по обе стороны тропы.

Мы ждали с опаской. Обычно конвой добирался до

нас в 18.00. Наши глаза не отрывались от поляны, на которую выходила тропа справа на склоне.

Иногда мы слышали треск выстрелов и разрывы гранат. Затем мы видели повозки, с грохотом вылетающие из леса. Задыхающиеся солдаты торопились доставить раненых на перевязочный пункт.

На следующий день нам приходилось провожать колонну обратно к Папоротному. Прекратить использовать тропу значило капитулировать. Люди были достаточно напуганы засадами, поэтому я лично взял на себя командование солдатами, которые осуществляли связь. Чтобы не позволить перебить всех, я сам шел в 20 метрах впереди. Мы невольно испускали вздох облегчения, когда наконец видели яблочные и сливовые сады Папоротного — границы порядка и изобилия.

Большевики должны были прийти и часами лежать и ждать, точно так же, как кошки караулят свою добычу, всего лишь в нескольких десятках метров от наших изб. Мы были вынуждены отдыхать, не раздеваясь и держа автоматы под рукой. Наши курильщики, какие бы страдания они ни испытывали, еще десять раз думали, прежде чем отправиться на армянские табачные плантации. Однажды днем наш повар отправился накопать картошки на поле, которое граничило с деревьями. Красные лежали в кустах ежевики. Они позволили ему подойти вплотную. Затем последовала очередь, и повар упал, раненный в ногу. Большевики бросились на него и утащили в кусты.

Вместе с двумя солдатами я бросился в погоню. Мы могли слышать крики несчастного раненого, когда похитители тащили его по камням и корням. Красные бросили его в тот момент, когда я уже чуть было не догнал их. Когда я нагнулся над товарищем, он смотрел на меня глазами, полными слез. Из рта у него текла кровь. Прежде чем бросить его, русские нанесли ему десять ударов ножом в грудь. Он задышался, раны его пульсировали, словно были живыми.

Он боролся со смертью еще полчаса. Нам пришлось накрыть его лицо накомарником, так как мухи жужжали вокруг его окровавленного рта. Сетка колыхнулась в последний раз. Бедняга повторял: «Мама! Мама!» детским голосом, который появляется у человека, когда он умирает.

Мы похоронили его рядом с остальными в верхней части склона. Мы окружили маленькое кладбище прочным деревянным забором, чтобы уберечь от диких зверей в зимнее время. Но гораздо более жестокими, чем лесные твари, были большевики, которые, отрицая правила честной схватки, ползли по земле, словно ассасины, чтобы подстеречь свою жертву и вонзить в нее нож.

Подготовка нового немецкого наступления близилась к завершению. Каждый день, незадолго до наступления темноты, прилетали советские самолеты, обычно по три машины, чтобы осмотреть сектор. Они никогда не задерживались более чем на несколько минут. Одна или две машины загорались и падали, подбитые зенитками, а парашютисты на своих зонтиках танцевали над лесом.

Однажды утром в начале октября у нас над головами пролетели несколько десятков немецких пикиров-

щиков и направились к участку фронта возле Третьякова. Они возвращались раз за разом. Горы загрохотали. Началось осеннее наступление.

8 октября 1942 года ближе к вечеру мы тоже двинулись в путь. В последний раз мы взглянули на долину, где в первых вечерних тенях осталась Кубано-Армянская. Там упокоились наши мертвые за высоким черным забором, вокруг которого зимой в снегу будут шастать по снегу голодные и злые волки. Здесь и там на зеленых горах уже мелькали красные и коричневые флаги — знаки приближения осени, которые в сумерках превратятся в золотые факелы.

Затем настала ночь. Мы молча двигались до утра под покровом могучих дубов, сквозь листву которых светили серебристые дрожащие огоньки миллионов звезд.

Джунгли и горы

В октябре 1942 года началось долгожданное наступление на Кавказе. Однако началось оно в атмосфере всеобщего недоумения.

В августе немецкое Верховное командование вело наступление на этот огромный горный массив по двум направлениям: на юго-восток вдоль реки Терек в направлении нефтяных месторождений Баку; на юго-запад в нашем секторе в направлении Батуми и турецкой границы.

На Тереке разыгралась очень упорная битва, которая не привела к решающим результатам. Немецкие танковые дивизии были остановлены недалеко от Грозного. В октябре они также не сумели продвинуть-

ся дальше. Наше наступление на Адлер тоже провалилось.

В октябре перед нами больше не ставилась задача достигнуть Грузии и Транскавказской магистрали. Теперь мы должны были захватить Туапсе, город на Черном море, и взять под контроль нефтепровод, который заканчивался в этом порту. Нефтепровод был не толще детского торса, но за эту черную трубу мы вели бои недели и месяцы.

Единственными нефтяными приисками, которые нам удалось захватить до того, как красные сожгли их, были Майкопские. Эти нефтеносные пласты на самом деле были расположены в Нефтегорске между Майкопом и Туапсе. Скважины были подорваны красными. Но нефть продолжала подниматься на поверхность, покрывая все реки толстым слоем, окрашивая в коричневый цвет растительность. Организационный гений немцев позволил им вернуть скважины в эксплуатацию. Нефть была исключительно хорошей и отлично подходила для переработки в авиабензин. Когда утром 9 октября мы прибыли в Нефтегорск, мы с огромным удивлением увидели, что сумели сделать немецкие инженеры всего за полтора месяца. Были построены новые огромные кирпичные здания.

Нам предстояло завершить работу, захватив нефтепровод, идущий в Туапсе, чтобы можно было перекачивать драгоценное топливо в танкеры, ходящие по Черному морю. Это была наша задача, как солдат. Осеннее наступление должно было стать не только военной, но и экономической операцией. Это происходило не в первый раз и уж точно не в последний, когда тысячи солдат погибли в боях за нефть.

* * *

Шоссе и железнодорожный путь на Туапсе красные обороняли особенно упорно. Они, как и мы, прекрасно понимали всю важность этого нефтепровода. В августе немецкие танки пытались прорвать советские позиции, но не сумели даже поцарапать их. В начале октября 1942 года немецкое Верховное командование бросило штурмовые дивизии, которым мы были приданы, в хорошо спланированное наступление. По лесистой местности, поднимающейся до уровня 1000 метров и более, где не было даже мелких тропинок, тысячи пехотинцев должны были наступать, прорубая себе путь топорами. Постепенно продвигаясь, шаг за шагом, они должны были обойти вражеские позиции и соединиться в тылу у них на дороге в Туапсе в 20, затем в 40 и, наконец, в 50 километрах от Нефтегорска.

Возглавляли наступление наши егерские дивизии, специалисты по операциям в горах. Мы покинули нефтеносный район под проливным дождем. После двух дней марша по болотам мы увидели высокие горы, сверкавшие на солнце.

* * *

Деревья, изогнутые самым причудливым образом, перемешались с гигантскими дубами, которые никогда не чувствовали прикосновения топора, и тысячами диких яблонь, которые источали чудесный кислый аромат.

Мы взбирались по склону, где красные устроили огромный лагерь, все еще забитый брошенным имуществом. Сквозь разрывы в тучах мы видели потря-

сающую панораму — дубовые леса, все еще зеленые, но уже испещренные золотой листвой яблонь, которые не устояли под натиском осени.

Мы мчались вниз по склонам. Лошади проскальзывали на ногах по 10—15 метров. Мы старались удержаться, хватаясь за корни деревьев. На ночь мы расположились в крошечном населенном пункте с шутовским названием Траваллера. Более ста солдат погибли во время атаки этой кучки хижин с соломенными крышами.

Это была последняя деревня. После нее на десятки километров шел лес, дикий, как африканские джунгли.

* * *

Главным оружием армии стали топор, пила и лопата. Авангард должен был преследовать противника и гнать его, километр за километром. Сзади сотни саперов строили нечто вроде дороги, прорубаясь сквозь ужасные препятствия по горам. Надежды понемногу улетучивались. Дорога была устлана десятками тысяч бревен, прикрепленных к скальным выступам над заросшими кустами оврагами и укрепленными на сваях. Самые тяжелые тягачи свободно могли пользоваться этой дорогой, что позволяло им добраться к подножию гор.

По мере дальнейшего продвижения использовать машины становилось все сложнее, и мы были вынуждены отказаться от них. Мы заменили тягачи тысячами военнопленных, превратив их в носильщиков. Мы вполне могли поверить, что находимся в тропических

джунглях. Каждый человек нес на плечах умело сконструированную деревянную раму, к которой можно было привязать ящик с боеприпасами или мешок с продуктами. Все, включая питьевую воду, приходилось тащить на спине. Колонны носильщиков шли за нами днем и ночью.

Наша дивизия вела за собой множество тяжело нагруженных мулов. Мы, валлоны, сохранили несколько лошадей, но на этих высотах не имелось ни одного горного пастбища. При этом у нас не осталось запасов фуража или ячменя. Так как животным негде было пастись, погонщики кормили их березовыми ветками. Топоры непрерывно стучали по стволам, полностью лишая сотни прекрасных деревьев их ветвей. Животные жадно поедали охапки зеленых веток, но с каждым днем их бока все больше западали.

Пока саперы прорубали нам выход к дороге на Туапсе, тысячи горных егерей и мулов ждали, расположившись в домиках, построенных самими солдатами.

Появлялись настоящие лесные города. Каждый немец мечтает о горном шале. Некоторые из этих маленьких домиков были настоящими образцами вкуса и удобства. Каждый имел свое собственное имя. Самый жалкий не без юмора назвали «Домом германского искусства».

Осень была прекрасной. Обедать мы должны были перед нашими лесными хижинами среди поросших зеленью скал. Мы сколотили столы из ели и поставили скамейки. Солнце с трудом пробивалось сквозь листву. Вражеские самолеты напрасно искали наши лагерь. Вечером, далеко в долине, мы могли видеть горящие станции на железнодорожной линии Майкоп —

Туапсе. Плающие поезда стояли в 15 километрах от нас. В бинокль мы могли ясно видеть обгоревшие скелеты и яркие красные угли на месте бывших домов. Наши пикировщики сделали жизнь советских солдат невыносимой.

* * *

Пройдя сквозь лес, передовые подразделения и саперы наконец добрались до лесной тропы, которая через 3 километра выходила на знаменитое Черноморское шоссе. Красные яростно отбивались. Мы захватили самые высокие скалы только после жестокой рукопашной схватки. Множество тел, наполовину обгоревших, лежало на обгоревшей земле.

Вся наша дивизия приготовилась нанести последний удар. Мы маршировали по импровизированной дороге. На каждом повороте были установлены маленькие таблички, нарисованные не полными бездарями, предупреждающие об опасности, которая может здесь поджидать! Мулы, груженные ящиками и боеприпасами или кухонными котлами, вполне могли оступиться и с адским грохотом лететь вниз, пока не разобьются о скалы в сотне метров под нами.

Мы достигли долины и бревенчатого настила, протянувшегося между двумя холмами. Красные безжалостно уничтожили его неделю назад. Каждый немецкий патруль, который приближался к советским позициям, безжалостно расстреливался.

«Штуки» непрерывно бомбили русские блиндажи. И вот однажды они нанесли такой сильный удар, что мы сумели захватить вражеские траншеи, которые превратились в ужасающий склеп.

В этот вечер я вместе с другим офицером перебрался через огромную гору трупов, накопившихся за последнюю неделю. Они уже начали разлагаться. Я специально пошел, чтобы посмотреть на тела красных, скошенных пулеметным огнем. Они валялись друг на друге неопрятной кучей. Каждый все еще сжимал в полусгнивших пальцах автомат.

В 06.00 я начал фотографировать эту жуткую картину.

Когда я смотрел в видоискатель, то увидел, что один из трупов шевельнулся. Хотя все трупы кишели тысячами отвратительных желтых червей, я все-таки решил выяснить точно, показалось ли мне это. У тела, которое вроде бы дернулось, капюшон был натянут на голову. Я подошел с пистолетом в руке и резко отдернул капюшон. Два глаза, пылающие яростью, уставились на меня. Это был большевистский командир. Он тихо лежал среди трупов со вчерашнего вечера, позволяя червям ползать по себе. Он имел свое персональное желание, которое долго лелеял: еврей, он был полон решимости отомстить за других евреев.

Человеческий фанатизм не имеет пределов.

Пикировщики совершенно разгромили соединение лесной тропы с дорогой, ведущей к морю. Сотни трупов русских лежали в их лисьих норах. Некоторые почерневшими пальцами сжимали повязки, наложенные слишком поздно. Офицер, раненный в ноги, едва успел снять брюки, как упал мертвым в пулеметное гнездо головой вниз. Его бледные ноги, по которым ползали сотни мелких личинок, торчали из земли.

Три молодых немца, отправленных в патруль в начале операции — это было 10 дней назад, сумели пробраться вниз к речке, несущейся по камням между укреплениями русских. Их тела лежали на камнях, глаза были широко открыты, на лицах пробилась рыжая щетина. Оголившиеся ребра уже пробили их зеленые куртки.

Мы добрались до знаменитого Туапсинского шоссе. Деревни на этом перекрестке больше не существовало, от нее остались лишь несколько огромных кратеров. Под железнодорожной насыпью виднелись маленькие тоннели, предназначенные для стока воды. Красные превратили их в импровизированные госпитали. Раненые, о которых все забыли, уже два дня лежали в этих ледяных коридорах. Они все умерли от недостатка ухода.

Прекрасная река разлилась за дамбой. Я решил было выкупаться в ней, но тут же пробкой вылетел обратно: повсюду плавали высохшие трупы. Вам не удалось бы вымыть руки, не натолкнувшись на один из них.

Мы провели ночь на голой земле среди домов, превращенных в вонючие склепы. Это лучше любой проповеди убеждало в бренности бытия.

Бури и ущелья

В октябре 1942 года нами был захвачен большой кусок дороги между Майкопом и Туапсе, что было важной победой. Нам оставалось пройти всего 20 километров, чтобы добраться до крупного нефтяного порта. Мы приближались к своей цели.

Ночью нам удалось кое-как отдохнуть, но на следующее утро мы покинули шоссе, чтобы начать второй обходной маневр через леса. Мы прошли несколько километров по дну долины, а затем снова вошли в дикий дубовый лес. Шел проливной дождь. Земля, усеянная гниющими трупами, стала особенно вязкой. У нас не было отличного снаряжения альпийских дивизий, ни коротких курток, ни железных кошек. Наши длиннопольные шинели уныло волочились по грязи. Мы сами поскальзывались на склизкой земле. Для нас продвижение по этим диким и мокрым джунглям превратилось в сплошные мучения. Люди проваливались в овраги.

Добравшись до вершины горы, мы увидели знаменитый нефтепровод. Он проходил на полдороге вниз по склону от одного холма к другому, отважно перепрыгивая через долину. На противоположном хребте русские построили укрепления. Их окопы спускались с гор в долину. Пока одна наша группа шла вдоль долины, я поднялся к толстой черной трубе, держа в руках автомат. Сев верхом на трубу, я перебрался через ущелье, а в 50 метрах подо мной мелькали всяческие ловушки. Я благополучно добрался до противоположной стены ущелья, и следом за мной потянулась целая цепочка таких же развеселившихся «всадников».

* * *

Ближе к вечеру мы сумели взобраться на склон вражеской горы, мимо которой уже прошел передовой патруль немецких горных егерей. Красные были перебиты прямо на позициях, они так и стояли в своих узких окопах.

Мы едва успели поставить свои жалкие палатки на вершине, как на нас обрушился первый из осенних ливней.

Наши палатки были собраны из треугольных кусков брезента с прорезью посередине, которые служили солдатам накидками. Чтобы поставить палатку, требовалось собрать четыре таких полотнища, растянув их на площади примерно два на два метра. Но четыре полотнища означали четыре человека, поэтому нам предстояло вчетвером спать на крошечном пространстве, а также затащить туда все свое снаряжение.

Еще больше осложняло положение то, что палатку днем следовало разобрать, чтобы каждый получил свою накидку.

У нас не было ни соломы, ни сухих листьев, чтобы постелить на землю, вообще ничего, кроме этой самой мокрой земли. Буря бушевала всю ночь. Мы находились на самой вершине горы. Страшный ливень, вдобавок перемешанный со снегом, в любую минуту мог снести наши жалкие укрытия. Хлещущая вода проникала в десятки отверстий, появившихся в брезенте за полтора года службы, и текла по лицам. Вдруг раздалась громкие крики. Часть палаток была смята, брезент лип к телу, люди боролись с ним и ругались.

* * *

Несколько советских солдат вечером были захвачены на горе. Ночью они были посланы к нам.

Они скорбной толпой собрались вокруг нашего бивуака. Почти все они были зелеными пацанами из Краснодара в возрасте около 16 лет. Их насильно отправили в Туапсе, где они провели четыре дня, чего

едва хватило, чтобы научиться стрелять из автомата. Их слишком большие ботинки были настоящим орудием пытки. Большинство из них предпочло сбросить башмаки, и сейчас они босиком топтались по грязи. Так как у нас просто не было никаких помещений, им пришлось мокнуть под дождем. Они прижимались друг к другу, наполовину захлебнувшиеся и измученные.

Когда наступил день, они с неизбывным славянским фатализмом принялись обшаривать трупы своих товарищей, погибших ранее. Примерно через час все трупы оказались раздеты догола. Пленники не только взяли себе гимнастерки и шинели мертвых, но даже их носки и белье. Когда колонна пленных направилась в тыл, они оставили нам длинные ряды голых трупов, блестящих под сильным дождем.

* * *

Ливень длился три дня. Снег с дождем валил густыми хлопьями. Мы пытались разводять маленькие костры в наших палатках, но дерево также промокло. В результате мы получали клубы едкого дыма, который драл глаза и горло. Весь день и всю ночь ливень хлестал без единой передышки, снося палатки и поливая нашу одежду. Причем у нескольких солдат не было даже таких палаток, и кое-кому приходилось забиваться в какие-то норы.

В первый вечер мы сумели-таки затащить наших лошадей на вершину горы. Нещадно поливаемые холодным дождем, они жалобно смотрели на нас. Вспоминая, что именно происходило в то утро, я вижу, как они падают, мертвые от утомления и страданий.

Трупы русских продолжали гнить. Их животы постепенно становились зелеными, цвета молодой травы. Постоянное присутствие множества голых трупов в конце концов взбесило нас. Пинками мы подкатали их к обрыву и сбросили вниз. Один за другим они летели в ущелье глубиной 500 метров и шлепались на дне в грязную воду.

Наше изнурительное восхождение, дни и ночи, проведенные на исхлестанной ливнями вершине, оказались совершенно бессмысленными. Мы получили приказ отступить к дороге на Туапсе и вернуться в южные леса, но другим путем. Теряя сознание от усталости, мы снова пересекли трубопровод и устроили лагерь в долине.

Шоссе, ведущее к морю, было усеяно сожженными русскими повозками. Повсюду валялись дохлые лошади, раздавленные немецкими танками. От них не осталось ничего, кроме плоских шкур. Артиллерия грохотала непрерывно. Советские самолеты пикировали на нас, сбрасывали бомбы, но чаще всего мазали. Слева от нас текла по огромным серым и красным камням большая река Пшиш. Мы пересекли ее на лодках, привязанных к тросу, протянутому через поток, причем нам пришлось проявить акробатическую ловкость. В результате мы оказались перед большим железнодорожным туннелем.

Туннель имел длину около километра. Красные не только взорвали большой мост, перекинутый через реку перед входом в туннель, но также они устроили внутри большие завалы. Целые поезда громоздились друг на друга. По крайней мере, сотня вагонов забила этот темный коридор.

Пехота могла пробраться через завалы лишь с

большим трудом. В течение четверти часа люди шли в полной темноте, стараясь руками нащупывать камни. Затем им пришлось проползти под двумя перевернутыми вагонами, чтобы добраться до другой стены туннеля. А потом все начиналось сначала, причем в непроглядной темноте. Солдатам приходилось перекидываться, чтобы определить, кто где находится. Лишь через полчаса мы увидели впереди тусклое свечение. Красные взорвали вход в туннель, пробив дыру в потолке, через которую мы и выбрались, пройдя по этому спуску в ад.

Колонна поднялась на вершину горы, потом снова пустилась по тропе, поспешно проложенной саперами по опушке грязного леса. Животным потребовался целый день, чтобы проделать этот путь, однако они хотя бы не валились в пропасть и не утонули в грязи.

У входа в туннель мы нашли обломки второго моста через Пшиш, и нам пришлось перебираться по ним. Только после этого мы вышли на железнодорожную линию. На ночь пришлось устраиваться снова в огромной луже вонючей грязи.

Однако вскоре мы сочли грязь благословением, так как противник открыл огонь. Снаряды сыпались непрерывно, однако они всего лишь с хлопаньем уходили в жидкую глину.

На следующий день нам пришлось пересекать долину. Огромный железнодорожный мост висел над пропастью. Артиллерия красных методично обстреливала деревню, через которую нам пришлось пройти, чтобы добраться до очередного дубового леса. Избы вокруг нас взлетали в воздух на 10 метров. Любая попытка пройти дальше была безумием.

Мы прождали до наступления ночи, а потом прошли

по заболоченной низине, усеянной трупами, потом поднялись на огромную гору, так как повсюду вокруг была липкая грязь. Мы начали подъем незадолго до полуночи, навьючив на себя все свои пожитки и оружие, как легкое, так и тяжелое.

Склон горы, на который нам пришлось подниматься, был крутым, словно лестница. Земля была скользкой, как наощенный паркет. Мы постоянно падали в своих изношенных башмаках, не подбитых гвоздями. В качестве направляющей пришлось использовать телефонный провод, который не давал сбиться с пути в темноте. В любой момент мы рисковали скатиться на головы русским. Если бы наша нить Ариадны хоть немного ушла в сторону, вся колонна разбилась бы. Наши молодые солдаты были уже наполовину мертвы от усталости. Самым сильным из нас пришлось забрать оружие у самых слабых, чтобы хоть немного помочь им. На шее я нес свой автомат, а еще один повесил на плечо. Нервным шепотом многие произносили такие клятвы, которые могли обречь нас на вечные муки.

Последние несколько сот метров оказались невыносимо трудными. Многие просто падали, не в силах подниматься дальше. Они цеплялись за стволы деревьев, чтобы не скатиться в пропасть. Влажный мрак был настолько густым, что мы не могли видеть ни ног, ни камней, ни упавших людей.

Только в 04.00 мы сумели добраться до вершины. Там мы поспешно устроили пулеметные гнезда, а на самые высокие утесы отправили автоматчиков. Первые серовато-голубые отблески рассвета наконец разогнали темноту. Мы с ужасом смотрели на деревья, мотающиеся на ветру в серых ущельях.

Гора Индюк

Дни шли. Вернулось солнце. Хотя вершины Кавказа были плохим насестом для солдат. Природа не раз демонстрировала свое величие с высоты этих гор, что невольно утешала нас в наших трудах и страданиях. Коричневые и красно-коричневые цвета спускались на километры к белым водам, прыгающим в ущельях по зеленым камням. В 05.00 рассвет касался вершин наших перевалов. Туман на долгое время опускался в извилистые долины. Плотный и молочно-белый, он перетекал с места на место, словно вода в цепочке озер. Над этой белой пеленой горы возвышались, подобно золотым и ржаво-красным островкам. Примерно час мы жили, словно в сказке. Из глубин туманных озер поднимались новые островки, это проявлялись более низкие вершины, подобно легендарным землям, поднявшимся из глубоких вод в незапамятные времена.

* * *

С рассветом началась артиллерийская дуэль. Немцы и русские принялись яростно обстреливать друг друга. Наша гора торчала как раз между орудиями, а наши позиции — словно гнездо аиста на крыше.

Ночью мы и советские пехотинцы совершали вылазки. Днем мы сидели тихонько. А затем энергичные артиллеристы возобновляли свою дуэль. Сплошная струя снарядов неслась у нас над головами, а от адской канонады, длившейся часами, можно было оглохнуть. Мы слышали свист снарядов буквально над самими вершинами деревьев. Очень часто на нас сыпались срезанные ветки.

Мы были отданы на милость любого шального сна-

ряда. В результате наши бедствия начались прямо сразу: один из постов взлетел на воздух. Еще один 120-мм снаряд, совершенно свихнувшийся, шлепнулся в 80 сантиметрах от меня, и я полетел кувырком, сбитый воздушной волной. Когда я опомнился, то обнаружил, что лежу в куче мусора. Вокруг меня все в радиусе 20 метров было разнесено в щепки. Правая сторона моего шлема была вдавлена и расколота напротив уха. Мой пулемет, лежавший под рукой, разлетелся на мелкие кусочки.

Все думали, что я испарился. Но выяснилось, что я получил осколок в правую руку, у меня лопнула барабанная перепонка и появилась длинная царапина на боку. Последняя оказалась довольно серьезной и надолго отправила меня лечиться.

* * *

Через несколько дней немецкие войска подготовили финальное наступление. Мы продвинулись еще дальше на юг вдоль все того же хребта горной цепи. Напротив нас поднималась эффектная гора Индюк высотой 1300 метров, она вздымалась над могучим дубовым лесом, густым, словно кустарник, сквозь который можно было увидеть здесь и там отдельные россыпи серых камней. Пленные уверяли нас, что отсюда можно видеть море.

Когда гора будет захвачена, нам останется только спуститься к пальмам и голубому морю, плещущему о берег возле Туапсе.

Примерно в 1000 метрах ниже наших пулеметов, между нашей горой и горой Индюк, текла река Пшиш. Наш сектор был разрезан надвое ущельем глубиной

несколько сот метров, куда спуститься можно было только с огромным трудом. В глубине ущелья по гигантским камням прыгал бешеный поток. Наши позиции находились на другой стороне, хребет горной цепи шел еще несколько километров, а потом резко нырял вниз к реке. Свой передовой пост мы устроили прямо на дне долины в нескольких метрах от ревущей воды.

Согласно плану операции немецкие альпийские стрелки должны были штурмом взять гору Индюк, начав его с южной оконечности нашего сектора. Для начала они собирались захватить советские позиции с тыла под скалой на другой стороне реки Пшиш. Нам, обосновавшимся в орлиных гнездах, оставалось только следить за противником и ожидать новостей.

Мы в мельчайших деталях видели последнюю великую битву за Кавказ.

Прямо на рассвете танец начали «Штуки». Они отважно ныряли в ущелье прямо к золотому морю. Мастерство пилотов было невероятным. Они никогда не брали ручку на себя даже в самой глубине ущелья, прежде чем не оказывались прямо над вершинами деревьев.

Мы могли видеть, как советские солдаты разбегались в разные стороны по горным тропинкам. Но пилоты не могли видеть больше нас. Дубовый лес напоминал крышу. Невозможно было сказать, где именно красные построили свои блиндажи. Поэтому пикировщики больше пугали, чем уничтожали.

Затем егеря нырнули в кустарник.

Мы могли слышать перестрелку и следить за продвижением наших союзников по белым ракетам, которые регулярно взлетали над деревьями. Это напо-

минало кино. Продвижение немцев было быстрым. Ракеты взлетали до вершин, а затем постепенно приближались к стенам прохода. Через два часа ракеты, вылетающие из листов, рвались почти над самой горой Индюк. Мы думали, что вскоре первые солдаты поднимутся по склону. Мы вспомнили крик «Таласса! Таласса!» из «Анабасиса» Ксенофонта. Подобно десяти тысячам древних героев, которых Ксенофонт вывел из глубин Азии, наши солдаты были готовы закричать «Море! Море!»

Увы, закричать это нам так и не пришлось. Движение ракет остановилось. Пулеметы и автоматы постепенно умолкали. Пикировщики перестали работать между двумя горами. Даже артиллерия стала делать долгие перерывы в стрельбе.

Неопределенность затянулась надолго. Несколько зеленых ракет взлетели в небо и рассыпались звездочками, но заметно ниже. Мы услышали еще несколько отдельных очередей, а потом все закончилось. Роты горных егерей не сумели взять этот проклятый лес. Их атака постепенно захлебнулась в чаще.

Наступление провалилось. Вечером гора Индюк показалась нам еще более дикой и гордой, чем ранее, на ней мелькали какие-то фиолетовые огоньки. И она прочно закрывала нам дорогу.

Осень обрушилась на горы, ободрала с них зеленый покров, усыпала землю миллионами опавших листьев, легких и сухих.

Мы смотрели, как умирает лес.

Наши маленькие посты находились на скальных выступах над долиной, склон горы обрывался прямо под ними вертикальной стеной в несколько сот метров. Ночью внизу начали появляться русские патрули. Мы

вывесили сотни стальных тросов, к которым прикрепили пустые консервные банки. Они начинали брэнчать, как только кто-то неосторожно касался их. Наши орудия открывали огонь. На следующий день мы могли видеть несколько коричневых кучек у подножья консервной стены.

Немецкие егеря, которых мы сменили, вырыли себе маленькие убежища на глубине около метра, чтобы отдыхать там по очереди. Мы заняли их место. Заползать в эти норы приходилось, вытянув руки по швам, так как они по диаметру равнялись развороту плеч. На дне тебе приходилось сворачиваться в клубок, чтобы залезть в укрытие размером не более гроба.

Но даже таких убежищ было мало. Нам приходилось протискиваться в них по двое и устраиваться там нос к носу. Это было ужасное ощущение, тебе казалось, что тебя похоронили заживо, и требовалась воля, чтобы оставаться там. Поэтому некоторые предпочитали заворачиваться в одеяла и спать под деревьями, несмотря на разрывы снарядов в тумане, настолько силен в них был страх перед этими черными ледяными могилами.

* * *

Однажды ночью погода изменилась. Ветер сменился на северный. Шквал тряс вершины могучих дубов и постепенно превратился в ураган. Он затопил наши гробницы-убежища, в которые просочилась вода, поднявшись до уровня земли.

Мы отчаянно пытались осушить эти норы консервными банками, но были вынуждены признать свое поражение.

Склоны гор, по которым хлестали ветер и дождь, лишились листвы буквально за несколько дней. Река Пшиш вздулась и вырвалась в долину несколькими бурными потоками. Она снесла деревянные мосты, лишив нас всякой возможности наладить снабжение, доставку боеприпасов и продовольствия.

Конец

Сильные осенние дожди, господствующие в это время года на Кавказе, положили конец даже мыслям о наступлении.

Нам пришлось закопаться в грязь там, где мы были к концу битвы. У подножья нашей горы вода точно так же выдавила и русских из их убежищ. Мы по ночам могли слышать, как они ругаются.

Солдаты на ощупь выходили в темноту с ведрами в руках, напрасно пытаясь осушить свои норы. По обе стороны линии фронта слышались почти одинаковые ругательства. Немцы кричали: «Проклятье!», русские откликались: «Сатана!», мы чаще всего использовали: «Ради бога!»

Большевикам повезло больше нас, так как зима спасла их. Благодаря ей немецкие войска остановились, когда лишь несколько километров гор и лесов отделяло их от Черного моря и Туапсе.

Эта остановка всего в 10 километрах от победы стала роковой.

Нам не оставалось ничего иного, как постараться укрепиться на голых вершинах, где мы напрасно сражались целых три месяца.

* * *

Самой острой проблемой стали убежища. Наши старые лисьи норы были заполнены грязной водой. У нас не было ни топоров, ни пил, вообще никакого саперного снаряжения. Патрули были посланы, чтобы обшарить развалины соседней деревни, надрать там гвоздей и постараться найти топоры.

Наши пехотинцы с помощью штыков вырыли себе норы в нескольких метрах ниже вершины горы, прокопав канавки для стока воды. Потом мы сумели накрыть эти ямы бревнами в три наката, а сверху насыпали метр земли. Эта импровизированная крыша могла выдержать разрыв снаряда, но сквозь нее все равно просачивалась вода.

Внутри этих отшельнических хижин мы сколотили помосты полметра высотой и навалили сверху голых веток в качестве матрасов. Всю ночь вода поднималась в этих норах. К утру она достигала глубины 20 или 30 сантиметров. Мы использовали ее, чтобы топить наших вшей. В любое время мы могли выгрести целую горсть из-под куртки или из брюк. Мы с облегчением швыряли их в воду, плескавшуюся на полу.

В последние два месяца мы не имели возможности помыться и сменить белье. Паразиты ели нас заживо. Однажды утром я выскочил наружу, разделся и за один заход убил более семисот вшей.

Наши волосистые участки тела буквально кишели ими. Они слипались вместе, словно початки кукурузы. Мы избавлялись от них, вытряхивая свою одежду над кострами. В этом случае мы могли видеть сотни странных белесых вшей, ползающих по рубашкам.

Мы стряхивали их на раскаленный железный лист. Они лопались и разлетались в разные стороны, как фейерверк. Но потом одежда блестела от их высохших выделений.

* * *

Разлившаяся речка Пшиш выглядела самой настоящей большой рекой. Однажды ночью она подошла к подножью нашей горы и превратила луг в грязевой залив, совершенно непроходимый. В нем плавали разложившиеся трупы большевиков, которые постепенно уносило течение.

Наши кухни были отрезаны от нас, и так как они стояли внизу, вода затопила их. На следующий день мы могли видеть только верхушки металлических труб и головы лошадей, которые отчаянно боролись за спасение. Мы их вытащили, однако они все равно умерли от голода.

Их вонючие трупы вскоре стали нашей единственной пищей.

С наших баз снабжения ничего не поступало, потому что вода, поднимаясь на два или три метра, снесла мосты, построенные нашими саперами, словно соломинки. В течение недели мы жевали куски грязного мяса, которое мы ножами отрезали от туш дохлых кобыл. Мы отчищали это мясо, как могли, и ели его сырым с солью.

Нам удалось спасти немного муки, что позволило выпечь несколько лепешек с дождевой водой.

Самый крошечный огонек ставил под угрозу весь сектор. На вершине не осталось никакой листвы. Русские бдительно следили за нами. Поэтому даже самая

тонкая струйка дыма, поднимающаяся над горой, немедленно притягивала к себе 30 или 40 мин. Кроме того, дым делал невыносимыми условия в наших хижинах. Из глаз сыпались огромные слезы, и мы спешили побыстрее затоптать огонек.

Мокрые, страдающие от голода, лежащие в затопленных землянках, мы становились жертвами самых различных болезней. Каждое утро солдаты, покидающие свои норы, тряслись, как в лихорадке, их лица стали совершенно желтыми. Как только будет наведен новый мост, их придется немедленно эвакуировать, причем количество заболевших просто пугало. В считанные недели с Кавказа были вывезены 12 000 больных.

Желтуха, пневмония и десять других болезней подстерегали каждого из нас, наша численность неотвратимо сокращалась. Мы быстро потеряли половину личного состава.

* * *

Тем не менее мы должны были держаться и нести свою ношу страданий до самого конца. Мы проводили томительные часы, следя за противником, обстреливая из пулеметов и автоматов любого русского, который появлялся недалеко от наших постов, расположенных на расстоянии от 50 до 100 метров один от другого.

Каждую ночь наши патрули спускались к норам русских, что было довольно сложно. Тем не менее наши солдаты старались выполнить эти невозможные задания как можно лучше.

Во время одной такой вылазки на рассвете патруль

неожиданно натолкнулся на русских. Его встретили огнем, и патруль вернулся без своего командира по фамилии Дюбуа. Он упал недалеко от реки Пшиш. Солдаты решили, что он погиб.

Ночью из россыпи камней, отделявшей нас от противника, мы услышали призыв о помощи на французском языке. Два добровольца спустились в ущелье и притащили назад «мертвеца» Дюбуа.

Честно говоря, он действительно был почти мертвым. Его плечо было пробито пулей во время боя. Поэтому он не сумел подняться обратно по склону после рассвета. Кроме того, он не хотел терять возможность выполнить приказ и выявить позиции русских, пусть делать это приходилось несколько необычным образом. Он пересек реку, просочился между двумя блиндажами и несколько часов провел, изучая лагерь противника.

Сделал это Дюбуа превосходно. Обнаружив телефонную линию, ведущую на командный пункт русских, он сумел перерезать провод ножом, хотя сделать это было очень трудно, потому что у него не действовала одна рука.

Озадаченные русские отправили телефонистов проверить линию. Они выследили Дюбуа, и тому пришлось снова нырять в реку под интенсивным огнем. Он получил еще несколько ран. Разрывная пуля вырвала из ноги кусок мяса размером с грейпфрут. Он кое-как заполз в кусты и наложил себе жгут. Затем, когда наступила ночь, он пополз к нашим скалам, которые находились над ним на высоте 900 метров. Дюбуа сумел проделать половину пути, поддерживаемый только неукротимой волей к жизни.

Его притащили почти совершенно обескровлен-

ным. Медикам пришлось тащить его по противоположному склону горы, снова через грязь и мрак.

Перед тем как лечь на операционный стол, он попросил карандаш и бумагу. В течение 20 минут он набросал карту советских позиций, время от времени делая глоток коньяка для подкрепления сил, и отдал карту немецкому полковнику, командовавшему сектором. Только после этого он с чистой совестью отдал себя в руки хирурга.

Он был всего лишь младшим офицером, одним из многих. Но наши парни держали свою клятву. Они знали, что за это можно отдать и жизнь.

Только вера в идеалы могла поддерживать наших товарищей, превратившихся в настоящие ходячие скелеты.

На своем ледяном пике мы жили в атмосфере сумасшествия. Несколько сотен русских трупов гнили и гримасничали совсем недалеко от нас.

Однажды ночью в октябре русские все-таки попытались отбить вершину. В 23.00 они поднялись почти к самой вершине горы. Они думали, что их никто не слышит, но все наши пулеметчики уже стояли на своих местах. Когда большевики оказались в нескольких метрах от стволов, пулеметы затрещали. Советский батальон был выкошен начисто.

Красные были захвачены врасплох, их солдаты судорожно цеплялись за корни растений в самом конце подъема. Так они и умирали — впившись пальцами в землю. Некоторые покатались обратно по камням. Другие все-таки сумели пробежать еще несколько

метров и умерли уже на плато. Но самыми ужасными были трупы, повисшие на ветвях дубов.

Добраться до них было невозможно, не попав под пулеметы и минометы красных, которые в свою очередь следили за малейшим шевелением на нашем голлом склоне.

В течение нескольких недель мы были вынуждены следить за медленным разложением трупов, происходившим прямо у нас на глазах. Наконец у них начали отваливаться головы, они падали вниз одна за другой и оставались на камнях. Над плечами не оставалось ничего, кроме нескольких отбеленных шейных позвонков.

* * *

В 15.30 тени уже вытянулись до нашей горы. К 16.00 окончательно стемнело. Нам пришлось прятаться в свои убежища, полные воды, растянуться на нарах, застланных ветками, и отдаться на волю сотен паразитов. К 23.00 мы больше не могли выносить это. Дрожа, мы начинали ждать, когда первые лучи солнца пробьют предрассветный сумрак.

Противник становился все более настойчивым. Американцы только что высадились в Алжире и Марокко. Большевики не верили янки до этой неожиданности. Падение Северной Африки изменило все.

Раньше к нам приходили многочисленные пленные и сдавались. Часто, для того чтобы добраться до нас, эти несчастные бросили наугад по ночам и подрывались на наших минах. Охваченные паникой, уцелевшие мчались назад к своим позициям, где их немедленно расстреливали. Через день после высадки аме-

риканцев в Рабате и Алжире русские перестали приходить. Они восстановили утерянную уверенность.

Нам приходилось вести наблюдение постоянно. Наши наблюдатели сменялись каждые два часа. Но облегчение было мнимым. Мы падали в свои норы, переполненные водой. Люди могли полностью погрузиться в нее. Нам приходилось вытаскивать их оттуда, промокших до нитки. Некоторые начинали плакать, словно дети.

Но больше всего нас ужасали трупы русских, лежавшие между нашими постами. Внутри у них все сгнило, и они стали жидкими. Нащупывая путь в темноте, мы могли натолкнуться на эти бурдюки с жидкостью, иногда вся нога уходила ему в брюхо. После этого нас охватывало отчаяние, так как нам приходилось чиститься от остатков разложения человеческого тела, которые липли к коже и вызывали рвоту.

Мы дошли до предела. До предела!

Предела физической выносливости.

Предела духовных сил.

Мы боролись только потому, что нас удерживала солдатская честь. Добровольцы, мы хотели остаться до конца, пусть он будет горьким, до последнего удара наших измученных сердец.

Мы больше ни на что не надеялись.

Однажды утром, прочитав приказы, мы уставились пустыми глазами на параграф, в котором было указано время и условия нашей замены.

Нам потребовалось много времени, чтобы осознать это. Тем не менее это была правда. Валлонский легион должен был вернуться в Бельгию. Это означало трехнедельный отпуск дома и новое пополнение из нескольких тысяч бельгийских добровольцев.

Мы двинулись назад по длинному и грязному горному склону, по которому мы однажды в октябре поднялись с таким трудом. Что стало с нашими несчастными товарищами, которые той самой ночью приложили столько сил, чтобы попасть на самую вершину? От нашего легиона, уже поредевшего в первую зиму на Донце и полностью восстановившегося к июню 1942 года перед большим наступлением на юге, остались ровным счетом 187 человек. Именно столько перешли по хрупкому деревянному мосту реку Пшиш.

Мы медленно двигались обратно к вершине, где перенесли так много. Высоко над нами реяло золотое знамя на ветвях нескольких деревьев, которые еще не сдались зиме. Подобно им, наши идеалы, выстрадавшие и гордые, все еще упрямо реяли во враждебном небе.

ГЛАВА 5

Окопы на Днепре

Декабрьским вечером 1942 года наш поезд, набитый солдатами-отпускниками, пересек реку Кубань. Мы могли видеть, как немецкие саперы сооружали огромный стальной мост над зелеными водами, колоссальный мост с двумя полосами движения.

И это в то время, когда фронт уже откровенно трепал к северу и северо-западу от Сталинграда!

Немцы, методичные как всегда, не позволяли себе ни малейших сомнений и продолжали укладывать массивные стальные балки на опоры, чтобы заменить временные деревянные мосты, торопливо построенные в период августовских побед.

С такой же безмятежностью они продолжали собирать в Майкопе и Краснодаре огромные запасы валяных сапог, теплой одежды, лыжи, сигареты и шоколад. И ведь буквально через месяц все это разлетится в стороны, когда склады будут подорваны зарядами динамита.

Немцы слушали только немецкое радио. Мы оказались более благоразумными и потому узнали, что русские наступают с востока и намерены отрезать войска на Кавказе, выйдя к Ростову. Мы понимали, что они уже близко.

Район пока оставался достаточно спокойным, лишь редкие часовые торчали на дорогах вдоль заливчиков, покрытых бледно-зеленым льдом. Мы ничего не слышали. Мы ничего не видели. Только случайные вороны вопили в затаянном тучами небе.

* * *

Утром мы прибыли к мостам возле Ростова. От подвижек льда их прикрывали огромные волнорезы.

После объединения Украины с Европой вся эта земля превратилась в огромную строительную площадку. Где год назад мы могли видеть лишь железнодорожные линии, изъеденные ржавчиной, ведь Советы абсолютно все бросают на произвол судьбы, и остовы зданий, сожженных русскими, теперь стояли современные станции с пятнадцатью или двадцатью путями, многочисленные новые дома из кирпича и бетона.

Удивленные, мы таращились в окно автомобиля. Повсюду стояли сотни щитов с названиями крупнейших немецких фирм, указывая, что эти заводы и склады принадлежат гордым победителям в этой промышленной войне.

Мы, солдаты, захватили пустынные земли, где Советы уничтожили и сожгли буквально все перед тем, как отойти на восток. Немецкой промышленности потребовались всего четырнадцать месяцев, чтобы отстроить все заново, установить порядок и построить все это буквально с нуля.

На Днепре происходило то же самое, что и в Донецком бассейне. Двухэтажный мост, один уровень

для поездов, второй — для автомобилей, был построен всего за несколько месяцев через эту величественную реку, имевшую ширину более километра. Насколько видел глаз, город искрился огнями: по ночам всюду светились огнями заводы и фабрики. Бесконечная черная река струилась к морю, поблескивая сотнями отраженных огоньков, которые мерцали подобно колдовским блуждающим огням.

Снег покрывал бескрайние украинские поля, где иногда видны были желтые рощицы, и только синие и зеленые узорчатые занавески на окнах белых изб оживляли картину. Но теперь повсюду строились новые станции, склады, огромные сахарные фабрики. Мы привезли сюда сотни сельскохозяйственных машин, красных и зеленых, красивых, как елочные игрушки. За один год Германия превратила Россию в самую богатую колонию в мире.

Потрясающая работа!

Но и потрясающий самообман. Рейх слишком рано начал устанавливать мирный европейский порядок там, где все еще царил закон джунглей, ненависть и эгоизм, и потому следовало действовать исключительно по законам военного времени, законам убийства и уничтожения.

* * *

В 1943 году война, можно сказать, тащилась. Были призваны новые отважные души. В 1941 году мы отправились в Крестовый поход на восток, потому что этого требовала наша совесть. В 1943 году причины остались теми же самыми, поэтому мы готовы были и дальше нести жертвы. Каковы бы ни были риск и муче-

ния в ходе этой борьбы, боль разлуки, нехватка взаимопонимания, которые нас часто окружали, мы твердо намеревались и дальше исполнять свой долг.

Жизнь только можно считать оправданной, если ее украшают благородные деяния.

Всем хотелось участвовать в эпической борьбе. В конце января 1943 года наш легион второй раз собрался в брюссельском Спорт-паласе для вторичной отправки на Восточный фронт. Десятки тысяч бельгийцев пришли приветствовать наших солдат. А затем поезд понес нас в Россию.

Тем не менее нас не отправили немедленно на фронт. Нам все еще не хватало некоторых наших подразделений, которые в последние месяцы помогали немецким частям, отступающим с Кавказа. От Майкопа они отошли до устья Кубани, на полуостров Перекоп и, в конце концов, в Крым. Потом направились через Симферополь и Херсон на Днепр и лишь потом присоединились к нам на польской границе, завершив длинное круговое путешествие продолжительностью четыре месяца.

Наши тяжелые битвы в 1941 и 1942 годах ничуть не испугали нашу молодежь, наоборот, они привлекли массу новых добровольцев. Почти 2000 молодых бельгийцев проходили подготовку. Нашей первой задачей было создать спаянное соединение. Большинство новобранцев были шахтерами. Некоторые были разочарованы своей тяжелой работой в шахтах. Многих привлекала наша идея социальной справедливости и мечты о честности и достоинстве. Несколько бывших офицеров и солдат бельгийской армии, находившиеся в лагерях военнопленных, также попросили зачислить

их. К нам прибыло несколько сотен бывших военных, все еще одетых в старые мундиры, в которых они пытались остановить немецкое наступление в мае 1940 года.

Вот так две армии заключили братское соглашение, причем одна пыталась героически отстоять целостность нашей страны в 1940 году, но позднее, забыв старые дурные воспоминания, с августа 1941 года старалась помочь спасти самое важное: Европу, которая стала единой родиной для всех нас.

* * *

Бывшие рабочие составляли три четверти личного состава нашего легиона. Впрочем, в него вступили и молодые люди из аристократических семей и выходцы из бельгийской буржуазии, золотые медалисты иезуитских колледжей, сыновья известных дипломатов, юристы, гражданские служащие, бизнесмены.

Нас объединяла общая цель: достойно представить свою нацию среди тех двадцати народов, которые присоединились к общей борьбе. Мы должны были добровольно исполнить свой долг европейцев, сражаясь против смертельного врага Европы. Мы должны были завоевать для нашей Родины голос в европейском сообществе, которое родится в результате войны. Наконец, мы должны были подготовить отборные войска, которые смогут гарантировать социальную справедливость, когда мы вернемся домой после окончания военных действий.

Вот за эти идеи мы были готовы отдать свои жизни.

Такие заявления не были пустой риторикой. Из

6000 бельгийских добровольцев, которые вступили в Валлонский легион с осени 1941-го по весну 1945 года, 2500 погибли как герои. 83 процента наших солдат получили одну и более ран в ходе этой грандиозной борьбы. Из первых 800 добровольцев только трое дожили до конца войны: простой солдат, молодой офицер, ставший капитаном, раненный три раза, и автор этих строк, который получил пять ранений.

Возвращение на Днепр

К ноябрю 1943 года наш легион, который теперь стал штурмовой бригадой «Валлония», сильным соединением в составе Ваффен СС, имел 2000 солдат и 354 единицы машин и бронетехники.

Наши колонны шли вдоль рек, окруженных ивами и желтеющими тополями, затем пересекли уже лишившиеся листвы леса Силезии. В 1943 году этот промышленный район еще был совершенно цел. Угольные шахты и заводы синтетического бензина работали полным ходом. Деревни в маленьких долинах выглядели чистенькими и мирными.

Но в Южной Европе уже раздавались раскаты отдаленного грома, предвестники великих бурь. В августе 1943 года англо-американские войска пересекли Средиземное море, в чем им, несомненно, помогли двуличная политика и предательство итальянцев. Сицилия была захвачена этим штормом. Затем союзники вторглись на континент: в Калабрию и Неаполь одновременно. Союзников уже нигде не удавалось остановить: ни в Мессинском проливе, ни в Сиракузах, ни под пальмами Туниса.

Крупномасштабные высадки, которые поддерживали тысячи самолетов, проводились стремительно и успешно. Это было очевидно. Разве может такая операция, когда ее повторяют на берегах Атлантики, завершиться неудачей, если на Средиземном море она везде приносила успех?

* * *

Второе испытание наших сил имело место на Украинском фронте, к которому сейчас катили наши триста грузовиков.

До лета 1943 года мы верили в то, что Германия еще воспрянет на Восточном фронте. Сталинград, конечно же, был болезненным ударом. Но немцы перейдут в контрнаступление, как это произошло в 1942 году.

Контрнаступление началось. Германия бросила все наличные силы в направлении Воронежа на Дону. Штурм провалился после жестокой битвы, в которой были уничтожены несколько тысяч танков. Русские, используя свое преимущество, сначала отбросили немцев к Харькову, а потом захватили город.

Это был более серьезный удар, чем Сталинград, хотя менее эффектный. Мы больше не могли списывать происходящее на случайности. Кто на войне не сталкивался с неприятными случайностями? Но теперь это повторялось раз за разом. Мы больше не могли даже остановить советский паровой каток, не говоря уже о том, чтобы отодвинуть его назад. От Харькова наши войска в России были отброшены к Днепру, пересекли его, откатились до Киева и Днепропетровска.

Но в любом случае наше соединение, укомплектованное добровольцами, вступило в бой. Мы были полны решимости сражаться против большевиков до последнего мгновения. Мы знали, что каждый наш удар принесет результат.

Более того, на войне, пока не потеряно все, не потеряно ничего. У Германии еще имелся большой резерв безопасности, от Минска до Бордо, от Афин до Нарвика. Она еще располагала огромными материальными ресурсами, ее изобретательные инженеры создавали блестящие и ужасные образцы вооружения, которые удивляли противника и придавали уверенность войскам. Многочисленные колонны отборных войск присоединились к нам, особенно знаменитые дивизии «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Эти элитные солдаты, проезжая мимо нас, кричали: «За один месяц мы вернем Киев!»

* * *

Наши поезда катили по югу Польши под бледно-голубым чистым небом. Женщины в темной одежде и зеленых шляпах покинули свои маленькие глинобитные хижинки и шли по грязным тропинкам в раскрашенные деревянные церкви.

Мы вдыхали ледяной аромат почвы.

На следующий день на рассвете мы ненадолго остановились в Лемберге, где получили огромное количество зимнего обмундирования: теплое белье, валяные сапоги, белые маскхалаты, шерстяные башлыки.

Под грузом этих одеяний мы чувствовали себя неуклюжими, плохо соображая, как упаковать все это

имущество. Однако мы помнили ужасную зиму 1941 года на Донце, когда наши жиденькие мундиры насквозь пронизывал ледяной северный ветер. На этот раз командование приняло необходимые меры предосторожности. И все-таки мы получили многовато всяческого добра, поэтому умные головы уже спрашивали себя: как именно они будут хранить такое огромное количество багажа, когда настанет пора пеших маршей и грузовики не смогут сопровождать нас.

Но в общем наши солдаты испытывали детскую радость при виде теплой одежды. Вскоре каждая багажная повозка была набита дарами Санта-Клауса.

* * *

Мы пересекли Галицию, которую уже поливали осенние дожди. Затем длинные поезда повернули на юг. Далеко на западе синели горы. Огромная мутная река, на берегах которой росли камышовые дебри, проскользнула под мостом. Мы пересекли Днестр и попали в Бессарабию.

С этого момента мы двигались по дорогам, забитым настолько, что нам требовалось от 15 до 20 дней, чтобы попасть из Лемберга на фронт. Массы солдат, возвращавшихся из отпусков, совсем не рвались поскорее попасть на фронт и искали возможность оттянуть неизбежное. В направлении Одессы во множестве неслись спальные вагоны и вагоны-рестораны. Со станционных платформ, куда мы выбирались, чтобы размять кости во время остановок на 40 и даже 50 часов, мы могли видеть ярко освещенные роскошные вагоны.

Но в целом движение было почти парализовано.

Бармены проскакивали без задержки, а вот армия либо не двигалась вообще, либо шла совсем крошечными шажками. Наши поезда застряли в Румынии на однокольной линии.

Постепенно мы уверились, что направляемся в Крым.

Крымский полуостров уже был отрезан от материка советским наступлением, но немецкие подкрепления отправлялись из Одессы морем. Поэтому мы совершенно не удивились, когда однажды утром увидели красные стены старой крепости в Тирасполе, расположенные на высоком правом берегу Днестра.

С другого берега реки мы видели однообразные избы, колодцы с длинными черными журавлями, миллионы стеблей подсолнухов, серых и обезглавленных, что было верным признаком приближения зимы.

Но поезд останавливался на мрачных станциях, совершенно очевидно повернув на восток. Поход в Крым завершился. В течение двух дней мы непрерывно катили вверх. Северо-восток, северо-восток, северо-восток. Огромные украинские станции, занесенные снегом, пролетали мимо. Счастливые женщины, выглядевшие сильными и полными в стеганых одеждах, жевали подсолнечные семечки и плевали шелухой, как если бы они работали грузчиками в грузовых доках.

Мы подъезжали все ближе и ближе к Днепру, но далеко к северу от Днепропетровска. Мы уже могли слышать отдаленную артиллерийскую канонаду.

Наконец вечером мы заметили яркие отблески пламени справа от себя и такие же яркие отблески слева.

Поезд двигался вперед еще несколько часов, втискиваясь между этими фейерверками. Мы все глубже и глубже лезли в какое-то бутылочное горлышко. Советские самолеты обстреливали дорогу. Перед нами появились горящие здания. Это была Корсунь.

Мы высадились там посреди ночи.

Ольшанка

Нам предстояло занять позиции примерно в 30 километрах восточнее Корсуни.

Нашим 354 машинам потребовались три дня, чтобы проделать последний отрезок путешествия, на который обычно уходили два часа.

Чудовищная река грязи, этой ужасной русской грязи, густой, как смола, залила все дороги. Ее глубина доходила местами до полуметра.

Наши новые водители были вынуждены вести машины по этой липкой массе, они нещадно вырубали вишневые сады, чтобы проложить новый путь. Буквально перед самым лесом мы влетели в огромное болото. Там пришлось двигаться по гати, сколоченной из тысяч бревен. Мы тряслись, как в лихорадке.

Тропа, которая пересекала сосновый лес, тоже была устлана бревнами, но не из-за грязи, а из-за мелкого песка, в котором любая машина немедленно утонула бы до самого мотора.

Большевики прекрасно знали сложности этого маршрута. Поэтому лес буквально кишел партизанами, которые по ночам весьма умело ставили мины. Утром на них взрывались две или три машины. Это была стандартная ежедневная плата.

Через каждые 500 метров были построены огром-

ные бревенчатые бастионы, похожие на африканские форты. Там жили ремонтные команды, укрываясь за внушительными стенами.

* * *

Восточнее сосновый лес выходил на Днепровскую равнину.

В Белозерье, большой деревне, растянувшейся на несколько километров, располагался штаб переформированной дивизии СС «Викинг». Нам предстояло сражаться вместе с ней до лета 1944 года.

Прекрасно вооруженная, полностью моторизованная, укомплектованная тысячами молодых мужчин, крепких, как лесорубы, дивизия «Викинг» получила задачу оборонять Днепр, уже обойденный с северо-востока и с юга дивизиями Сталина.

Советские войска выбросили парашютные десанты на правый берег в районе Белозерья, как раз когда отступающие немецкие дивизии отходили на левый берег и толпились у моста, ожидая своей очереди переправляться.

Вражеских парашютистов сразу обнаружили. Многие были уничтожены в последовавших схватках, уцелевшие были отогнаны в большой лес возле Черкасс. Там они связались с многочисленными партизанами.

* * *

Зона, которую нам выделили, располагалась южнее сектора дивизии «Викинг» и граничила с западной опушкой леса. Парашютисты и украинские партизаны несколько недель действовали в этом лесистом районе на правом берегу Днепра. Они установили связь с

главными силами Красной Армии, которая форсировала реку ниже по течению.

Лес с запада выходил на реку Ольшанка, которая имела ширину от 15 до 20 метров. Река текла с юга и проходила рядом с деревней Староселье, потом ненадолго поворачивала на северо-запад, затем снова поворачивала к деревне и текла на восток. Она проходила через деревню Байбузы, стоящую на холме на левом берегу. На другом берегу реки на самой опушке леса находилась занятая противником деревенька Закревка.

Ольшанка вертелась и крутилась между утесами. Через 5 или 6 километров она подходила к четвертой деревне — Мошны. Затем Ольшанка окончательно скрывалась в лесу. Она становилась шире, и здесь через нее был перекинут бревенчатый мост. Каждая изба имела рыбные ловушки, сети и другие рыбацкие снасти. Деревню украшала великолепная церковь с внушительным куполом.

От Мошны Ольшанка снова поворачивала на восток. И уже в самом конце ковыльной степи под хмурым ноябрьским небом раскинулся город Лозовок. Высокие белые дюны возвышались над рекой, впадающей в Днепр, между островами золотого песка и черными елями.

Такова была местность, на которой впоследствии разыгрались жестокие бои.

* * *

Прежде всего нам нужно было занять населенные пункты Мошны и Байбузы.

Значительная часть сил нашей бригады отправи-

лась в Мошны, к тамошним рыбакам и обгорелому мосту.

В качестве командира 3-й роты я должен был оборонять Байбузы. Рота почти целиком состояла из горячих голов из организации «Молодые рексисты», которые прошли тщательную подготовку, чтобы впоследствии занять руководящие должности. Эти парни 16 и 17 лет были людьми кристальной чистоты и идеализма.

Я прибыл вместе с ними в Байбузы. Две длинные линии изб стояли на вершине холма. Ниже этих крытых соломой домишек местность начинала плавно понижаться в сторону Ольшанки. Загадочный лес внимательно следил за нами.

Русские хорошо укрепились на опушке, или, по крайней мере, так казалось, потому что они ничем не выдавали своего присутствия. Мы расставили свои минометы, пушки, зенитки и противотанковые орудия. Пехота заняла позиции.

Деревня была спокойной. Лес был спокойным. Среди серых подсолнухов не было видно ни одной спины ползущего человека. Я устроил командный пункт в первой избе с юго-запада.

В 20.00 в темноте грохнул одиночный пушечный выстрел.

А через пять минут мой командный пункт, изрешеченный зажигательными пулями, вспыхнул словно факел, его золотое пламя разбрасывало мириады искр.

Он осветил весь холм.

Тем не менее после взрыва мы не услышали ничего, хотя несколько коричневых фигур проползли мимо,

когда пробирались обратно к берегу реки. Внизу, в густом кустарнике, горящие глаза следили за пожаром.

Бой между нами и лесом начался.

Молчаливый лес

Мы обосновались на новом участке Украинского фронта 21 ноября 1943 года. Через несколько дней, чтобы испытать своих новобранцев и получше узнать местность, я с первыми проблесками дня переправился на советскую сторону.

Деревянный мост Байбузы — Закревка еще стоял, эту хрупкую деревянную конструкцию должны были взорвать и русские, и мы, но и русские, и мы на всякий случай сохранили ее.

Мы повернули на юг. Группой около десяти человек мы пересекли поле стеблей подсолнуха и вышли к реке Ольшанка. Вода была ледяной и доходила нам до пояса. Я разместил на другом берегу реки пулемет, чтобы прикрыть отход. Затем мы долго ползли через болото, прежде чем добрались до леса.

Высокие ели молчали, на золотом песке не было видно ни единого следа. На полянке мы нашли стадо и двух пастухов. Это было все.

Чтобы вернуть большевикам поздравления, которыми нас встретили в первый же день, мы на обратном пути подожгли три стога, стоявшие недалеко от вражеских позиций.

Вернулись мы с пустыми руками. Лес хранил свои секреты.

Когда мы закончили сооружение траншей и бруст-

веров на восточной и юго-восточной окраинах деревни Байбузы, командир корпуса, как и следовало ожидать, отдал приказ сменить позиции и передвинуться вперед, на правый берег Ольшанки.

Теперь нашим войскам предстояло построить лагерь в чистом поле. Но хуже того, приближалась зима. Наверху, в Байбузы, мы были вынуждены искать укрытие в жалких хижинах, построенных на совершенно голой местности, на глиняных стенах которых выступала вонючая вода. Но, по крайней мере, у нас была крыша над головой и два крошечных окна. Внизу была пустынная грязная равнина или мокрый песок на открытом речном берегу.

Мы расположили свои огневые точки на обрывах или возле маленького мостика у Закревки. В 200 метрах от Ольшанки стоял большой холм, увенчанный березовой рощей. Мы сделали его осью нашей обороны. Под покровом ночи мы перетащили туда зенитки. Холм теперь окружала сеть траншей, прикрытых колючей проволокой.

Через две недели нашей бригаде приказали расширить свой участок еще дальше на юг до деревни Староселье. Новый сектор уходил в степь до деревни Ирдынь, находившейся в руках красных. Между этим населенным пунктом и нашими бункерами находилось широкое раскисшее поле. В этой трясине торчали кусты орешника и ежевики, камыши.

Шел снег. Кое-где в заснеженной степи виднелись заячьи следы. Закаты были зловеще красными.

Для наших парней наступило трудное время. Часто, когда патрули отправлялись в дорогу, тонкий лед об-

ламывался под ногами. У нас участились случаи обморожения ног.

Но все эти помехи ничуть не повлияли на наш моральный дух, который оставался по-прежнему высоким. Когда требовалось отобрать 6 человек для патруля, каждый из моих 80 парней приводил себя в порядок, надеясь, что теперь-то настанет его черед.

На другом фланге нашего участка в Мошны парни старательно окапывались.

По крутому берегу реки бежала тропинка. В расположении противника среди лиловых и пурпурных деревьев можно было различить развалины монастыря. Наши люди копали и улучшали траншеи, пока патрули осматривали правый берег, все еще утыканный кукурузными стеблями.

Русские появлялись по вечерам, осторожно нащупывая дорогу.

Наши солдаты в темноте тоже переправлялись на другой берег реки.

Поля, покрытые липкой черной грязью и присыпанные первым снежком, были усеяны минами. По ночам мы могли ждать взрывов. Вспышка, грохот, крики, и те, кто выжил, возвращались назад, истекая кровью.

Один из таких, маленький шахтер из Шарлеруа, которому исполнилось всего 17 лет, стройный, как девушка, потерял обе ноги и руку, оторванные в ходе такой вылазки.

Около месяца он провалялся в полевом госпитале в Корсуни. Он худел буквально на глазах, но все-таки улыбался при каждом нашем посещении. Его немного утешило награждение Железным Крестом. Он так и умер, держа в руках орденскую ленточку, словно гладил райскую птицу.

* * *

Лес оставался таким же загадочным, как и прежде.

Тем не менее каждую ночь люди проскальзывали мимо наших постов, ловкие, как леопарды. Мы могли слышать в темноте приглушенные голоса, которым издалека отвечали их товарищи. Мы понимали, что это сигналы, мы чувствовали их присутствие. Иногда наши часовые стреляли. Но утром мы не находили ни следов крови, ни отпечатков ног.

Нам очень хотелось увеличить численность патрулей. Я сам ходил с ними и проводил ночные часы, скорчившись в траншее вместе с одним из часовых. Но мы ничего не видели. Это просто повергало нас в отчаяние, так как каждое утро у нас в тылу на минах подрывались все новые грузовики.

С наступлением темноты деревня оживала. Подавались какие-то сигналы. Они прятали партизан. Красные бесшумно скользили в темноте в своих кожаных сандалиях. Они знали каждый сантиметр территории. Они были неуловимы.

За целый месяц ни мы, ни дивизия «Викинг» не захватили ни единого пленного.

Кровь в кустах

Любой ценой нам требовалось узнать, что же происходит в этом бело-фиолетовом лесу.

Кое-что нашептали крестьяне. От них мы узнали, что около десяти тысяч человек скрываются в лесном массиве около Черкасс.

Но где?

Они получают оружие. Мы видели со своих передо-

вых постов, что красные строят многочисленные блиндажи и подтягивают противотанковые орудия, часто переставляя их с места на место.

Но мы видели только первые сотни метров. Что происходит дальше, под покровом сосен и мощных дубов, тянущихся до Днепра на восток и Черкасс на юго-западе?

Каждая изба представляла собой загадку.

Наши соседи были дружелюбны, как и все крестьяне на Украине. Они проклинали коммунизм, который поработил их, разрушил их жизнь, уничтожил церкви. Но иногда они бестактно ругали немецкую администрацию. У некоторых семей либо отец, либо сын скрывались в лесных логовищах неподалеку.

Я тщательно проверил все и понял, что моя деревня Байбузы счастлива, несмотря на войну. Валлоны дружелюбны по натуре. Они быстро сходились со своими хозяевами, становились друзьями и дарили им маленькие подарки.

Я начал снова проводить церковные службы. Чудесный священник вернулся из леса, где он скрывался 23 года, и служил по воскресеньям с рассвета до полудня, одетый в пурпур и золото. Вся деревня собиралась на церемонию, отбивая сотни поклонов, сотни раз целуя землю, целыми часами вторя монотонным и чувствительным молитвам, которые надрывали вам сердце. Десятки икон сияли при свечах своими медными и серебряными окладами. Желтобородый священник крестил детей, родившихся на этой неделе. Он непрерывно давал детям целовать иконы, одну за другой. Затем он торжественно проносил каждого малыша по церкви, поддерживая их головки. Он держал их на вытянутых руках, так чтобы вся деревня могла

видеть ребенка и порадоваться появлению нового прихожанина. Наконец он возвращал измученного малыша худым матерям, которые были одеты бедно, как и все жители Байбузы, но все-таки не скрывали своей гордости.

Вне зависимости от того, был ночью бой или нет, я регулярно посещал православную службу утром в воскресенье вместе со старыми крестьянами, носившими окладистые бороды, дородными мамашами и вшивыми ребятишками. После нескольких часов православной молитвы наш капеллан начинал католическую мессу. Ни один из украинцев не покидал церковь. Эти люди соскучились по религиозным службам, они искренне преклоняли колени и продолжали молиться.

Помогая старому хозяину моей избы, который потерял ногу во время прошлой войны, я возвращался на свой командный пункт, весь покрытый насекомыми. Однако меня потрясла восхитительная простота манер и вера этих крестьян.

Тем не менее из этих же маленьких домиков каждую ночь крик совы сообщал что-то важное партизанам.

Мы не могли злиться на наших крестьян за их отеческие чувства, но бдительно следили за ними.

Их наивная простота в конце концов преодолевала наши западные комплексы. Они любили своих соотечественников, которые стреляли в нас с опушки леса. Но точно так же они питали привязанность к нам, так как мы жили в их деревне под их крышами, привязанность такую же простую и сильную.

По вечерам я накидывал свой белый халат, надевал патронташ на казацкий манер, когда наша мамаша стояла на коленях перед иконами. На рассвете, когда

я возвращался из патруля, старики уже ждали меня. Я опускал свое оружие, заиндевшее на холоде. Я не погиб! Бедные люди, ласковые и добрые, которые каждый раз молились за нас, приняв нас в своих домах, как сыновей, в то время как их собственные дети подкарауливали нас в лесу.

* * *

Мы получили приказ прочесать лес. От нас требовалось найти врага и захватить пленных.

Дважды взвод моей роты пересекал реку Ольшанка. Я отправлял по 50 человек. К рассвету они доходили до лесистых холмов за Закревкой.

Лес был просто серией возвышенностей, на которых нельзя было устроить боевые позиции. Теперь наши солдаты могли заявить, что действительно контролируют район. Новые вершины, покрытые кустами, возвышались над нами, с них противник мог уничтожить нашу роту в считанные минуты. Люди углубились на два километра в лес. Они обнаружили тропы, следы повозок и отпечатки сапог. Но не прозвучал ни один пистолетный выстрел. Противник спрятался, притворившись мертвым, или ушел под землю. Наша экспедиция обнаружила только двух трусов, которые сразу бросились наутек, скинув полушубки, чтобы бежать быстрее.

Это была единственная добыча, которую мои парни притащили назад.

1-я рота также получила приказ прочесать местность. В 04.00 пятнадцать добровольцев под командой молодого офицера с пылким темпераментом мол-

ча вошли в ледяную воду Ольшанки и исчезли в темноте.

Они добрались до старого монастыря. В этот момент они прошли первые советские посты, но ни одно предупреждение не прозвучало в ночи.

Первые отблески света тронули ветки. Сизый рассвет поднимался над Днепром. Лейтенант и его 15 подчиненных продолжали идти вперед.

Они услышали рев скота, увидели следы. Осторожно пробираясь от куста к кусту, они добрались до вершины холма. Всего в нескольких метрах от них стояли двое советских часовых! Долгожданные пленники были в их распоряжении!

В мгновение ока они бросились на часовых, сбили их на землю и связали. Никто не успел крикнуть. Наши люди отошли на 30 метров в сторону, чтобы спуститься на дно небольшой долины, а потом вернуться.

Но там оказались несколько ледяных луж. Один из двух пленных внезапно опрокинул конвоира и бросился бежать. Его застрелили, но этот выстрел вызвал тревогу. В считанные секунды на наших солдат бросилась целая армия, армия таких людей, каких нельзя было даже представить.

Наши товарищи, захватившие двух часовых, сами того не зная, дошли до входа в большой партизанский лагерь, спрятанный за холмом. Сотни вооруженных гражданских кинулись на них и окружили.

И кто были эти бойцы? Не только одни мужчины, но также шайка растрепанных женщин и куча грязных мальчишек 13 или 14 лет, вооруженных автоматами.

Наши патрульные немедленно образовали кружок. Но их атаковали более 400 советских партизан.

Молодой лейтенант погиб одним из первых, полу-

чив пулю в голову. Остальным требовалось немедленно вырваться из ловушки. Попытка вернуться назад была нереальной, так как путь отступления был отрезан. Из-за каждого дерева по ним били автоматные очереди.

Единственной возможностью спастись была отважная попытка прорваться прямо через советский лагерь, а уже потом постараться выскочить из окружения. И они бросились вперед мимо коров, овец, костров, землянок. Наши солдаты сражались отчаянно и посеяли панику среди старых оборванных женщин.

Но только двое наших товарищей избежали гибели. Они долго бродили по лесу, пока однажды ночью наш дозор не подобрал их, полумертвых от холода и усталости.

* * *

Самые сильные немецкие дивизии в начале декабря 1943 года начали контрнаступление с целью отбить Киев. Сначала наступление развивалось успешно, немцы прорвали фронт у Житомира и продвинулись дальше на 80 километров.

Однако снова они были остановлены грязью и откатились назад с огромными потерями.

Вместо того чтобы кардинально изменить положение, эта попытка резко его ухудшила. Теперь уже мы оказались под угрозой удара с севера и северо-запада. Одновременно на юге дивизии советского генерала Конева нанесли мощный удар, развивая успех, они продвинулись далеко за Днепр в направлении Кировограда и Умани. Мы могли видеть на опаловом гори-

зонте огромные красные пожарища, отмечавшие продвижение врага.

Штаб армейского корпуса очень хотел знать, что намерены делать русские в центре нашего сектора.

Фронт на севере трещал, фронт на юге разваливался. Но что готовится прямо напротив нас на востоке, в проклятом лесу возле Черкасс?

Пришел приказ провести более крупную операцию, которую следовало начать на рассвете 3 декабря. План был очень смелым. 300 наших солдат должны были тайно, под покровом ночи, пройти 3 километра по глубокому болоту, которое отделяло лес с юго-запада от Староселья.

Колонна должна была просочиться между советскими постами охранения, а затем войти в лес позади вражеских позиций. Ей требовалось пройти несколько километров в направлении на север и дойти до высот у деревни Ирдынь.

В назначенный час 300 человек должны пойти на штурм. Они нанесут красным удар с тыла и уничтожат их.

Я должен был командовать операцией. Вечером 22 декабря я оставил свое завещание на маленьком деревянном столе в избе и отправился навстречу новым приключениям.

Ирдынь

Предполагалось, что мы будем в Староселье в полночь. Снова шел снег.

Нашим грузовикам потребовались 4 часа, чтобы по бревенчатой дороге пройти 15 километров, после чего мы пересекли сосновую рощу к юго-западу от ис-

ходного рубежа. Нам пришлось сделать этот крюк, чтобы противник не сумел раскрыть наши планы.

Из Староселья мы спустились к болотам. Нам следовало подойти к ним с юга от позиций, которые следовало уничтожить, поэтому красные в Ирдыни совершенно ничего не подозревали.

2-я и 3-я роты Валлонского легиона действовали совместно. Отделение немецких саперов, имевшее большой запас мин и огнеметов, сопровождало нас. Их задачей было уничтожить все укрепления в Ирдыни после нашего штурма. Наши пехотные роты должны были развернуться в лесу восточнее Ирдыни по всей ширине населенного пункта. Затем предполагалось ударить по русским, захватить весь район и удерживать его столько, сколько потребуется саперам для уничтожения укреплений. После этого вероятный исходный район для советского удара в центре наших позиций будет полностью уничтожен минами и огнем, а нам следовало как можно быстрее пересечь трясины и вернуться на свои позиции.

Мы взбирались по крутой тропе в полном молчании. Затем колонна пошла по снегу вниз. Время от времени кто-то из солдат поскользнулся и падал, теряя пулемет и шлем, и катился на дно оврага.

Колонна остановилась на границе болот. Было уже почти 04.00. Полная луна очень кстати скрылась среди набежавших облаков.

Таинственные черные болота расстилались перед нами, полные опасных ловушек и капканов.

Разведчики пошли вперед. Еще накануне ночью они пытались пересечь болота и потому более или менее представляли путь. Я следовал за ними, а за мной од-

ной колонной шли все 300 человек, которые больше всего опасались как-то нашуметь.

Почти всюду лежал снег, перемешанный с водой и грязью.

Мои солдаты в толстых зимних одеждах просто взмокли. Их лица покрылись крупными каплями пота под толстыми шерстяными башлыками. Иногда нам приходилось пересекать ручей по низкому деревянному мостику. Тогда их сапоги ужасно грохотали. В непроглядной тьме солдаты поскользывались и часто оказывались по пояс в ледяной воде.

Но вдруг совершенно неожиданно на юго-востоке завывла сирена. Мы подумали, что все пропало. Все дружно бросились ничком прямо в грязь, но сирена продолжала вопить.

Ничего не случилось. Мы так никогда ничего и не узнали об этом случае. Вероятно, где-то на другом участке объявили тревогу. Эти истошные вопли продолжались еще минут двадцать.

Мы двинулись дальше.

Мы уже могли различить в темноте неясные очертания особенно больших кустов. Они росли на берегу. Но там же должны были находиться и вражеские посты.

Мы двигались исключительно осторожно, что никак не выдать своего присутствия. Это стало бы настоящей трагедией, если бы русские внезапно обстреляли солдат, измученных долгим переходом, которые могли отступить только через затопленные болота.

Я добрался до маленького кустика. Потом ко мне присоединился солдат, еще один... Все наши 300 бойцов пересекли болото скрытно, как летучие мыши. Мы

нырнули в лес. В призрачной тишине солдаты несколько минут отдыхали, упав на снег.

Теперь нам следовало выбрать правильное направление. Русские посты справа и слева были достаточно далеко, либо их часовые спали слишком крепко, уверенные, что никакой противник не сумеет ночью пересечь 3 километра трясины.

Но в результате несколько сотен человек оказались в тылу русских войск. Нам оставалось пройти осторожно еще 4 километра, чтобы оказаться прямо на восток от советской базы в Ирдыни.

В полном молчании мы продолжили ночной марш глубоко в тылу врага вдоль вымощенной бревнами дороги через густой лес. Разведчики и саперы, которые имели миноискатели, шли в 50 метрах впереди нашей колонны.

Держа пальцы на спусковых крючках, мы следовали за ними по обочине дороги, готовые в случае атаки немедленно нырнуть в лес.

Но было лучше не думать о вражеской атаке в подобной ситуации, далеко в тылу противника, без всякой возможности получить помощь или бежать. Если бы противник хотя бы заподозрил, что 300 человек крадутся рано утром позади его позиций, он наверняка постарался бы поймать нас. Раньше или позже, но мы были бы уничтожены, несмотря на любое сопротивление.

* * *

Небо постепенно светлело.

Мы уже почти добрались до цели. Я послал пехоту на опушку леса к Ирдыни. 2-я рота имела приказ занять исходную позицию для атаки с юго-востока. Хотя

людям приходилось идти по компасу, они двигались достаточно быстро. 3-я рота должна была атаковать с востока. Под прикрытием деревьев они почти окружили окраины деревни, довольно обширные, кстати сказать, как у всех русских населенных пунктов.

Снег пошел еще гуще. Я распределил своих солдат среди молодых елочек, так как понятия не имел о расположении вражеских дозоров. В любую секунду могла начаться суматоха. Я хотел ждать до последнего момента. Если что-то сорвется, когда еще мы сумеем забраться на восток от Ирдыни? Нам требовалось любой ценой сразу добиться успеха, но при этом не тревожить противника.

Мы долго ползли по снегу, чуть ли не полкилометра от опушки. Под собой мы видели крыши Ирдыни, несколько завитков дыма, хилые изгороди.

Мы двигались уже 20 минут, когда я заметил двух советских солдат. Вероятно, они все-таки что-то услышали. Они носили свои странные меховые шапки с ушами. Русские встревоженно смотрели в нашу сторону.

Мои солдаты замерли в снегу. Чуть приподняв голову, я осмотрел местность. Рядом проходили другие русские, человек тридцать, все с автоматами в руках.

Мы поползли дальше. Русские двигались параллельно нам. Совершенно очевидно не догадываясь о том, что происходит под деревьями. Линия фронта находилась в совершенно противоположном направлении, на западе, а не на востоке. Если их что и беспокоило, то явно не с той стороны, где мы находились. В конце концов, почему потрескивает мертвое дерево? Почему шуршат ветки?

Сопровождаемые этим странным эскортом, мы

продвинулись еще на 50 метров или около того. Цель была просто соблазнительной: пара очередей, и эти 30 красных будут мертвы. Я делал отчаянные знаки своим людям, чтобы они ни в коем случае не поддались искушению. Нашей задачей было не убийство этих 30 солдат, а захват Ирдыни. Единственное, что сейчас было важным, — как можно дальше забраться на восток.

Слева мы уже могли различить центр населенного пункта.

Внезапно загремели выстрелы. Прямо перед нами находились два советских бункера, расположенные в лесу. Они и открыли огонь. Согнувшись, мы бросились туда. Русские, волосатые гиганты, отчаянно отбивались. Мой автомат разломился пополам прямо у меня в руках. Я схватил автомат одного из раненых и прыгнул прямо между укреплениями красных. Наши солдаты прижали красных к земле. Те, кто остался жив, в панике бежали в деревню. Мы погнались за ними.

* * *

После захвата блиндажей нам предстояло схватиться уже со всем советским гарнизоном, немного сбитым с толка, но все равно сильным. На юге я мог слышать шум боя, который вела 2-я рота. Блиндажи открывали огонь один за другим. Десятки домов уже горели, доказывая, что саперы свое дело знают. Дожидаясь, пока 2-я рота присоединится к нам, мы должны были прочно держать свои позиции.

Красные открыли ответный огонь из множества пулеметов, минометов и пушек. Снаряды и мины сыпались вокруг нас, оставляя на белом снегу серые проплешины.

Я был ранен в правую руку, вокруг падали люди. Местность была абсолютно голой до самых домов. Несколько человек попытались было добежать до первой избы, но нам пришлось откатиться назад к деревьям вниз по заснеженному склону, когда пулеметы открыли бешеный огонь. Снег вокруг был усеян крошечными красными точками, похожими на вишни, но это были не ягоды, а человеческая кровь.

Танки с противоположной стороны Ирдыни увидели наши ракеты. Они двинулись вперед, чтобы поддержать атаку. Их снаряды пробили во вражеской обороне бреши, через которые мы могли войти. В результате мы заняли центр деревни, где установили пулеметы, которые тут же начали избиение противника. Еще несколько мгновений ожесточенной борьбы, и красные обратились в бегство по всему сектору, их отбросили к лесу на северо-востоке.

2-я рота продемонстрировала свою отвагу, а самые смелые бойцы даже присоединились к нам в боевом порыве. Ирдынь была захвачена. Более 80 русских погибли в рукопашной схватке, их тела валялись повсюду, залитые кровью. Многочисленные раненые ползли по снегу. В плен попал всего лишь один человек, не имевший ран, один-единственный.

Немецкие саперы действовали, как всегда, медленно и методично. К счастью, в деревне не было гражданского населения. Укрепленные блиндажи, взорванные минами, взлетали на воздух, а затем падали назад неряшливой кучей досок. Весь колхоз был охвачен красными и золотыми языками пламени, эффектно смотревшимися на фоне хмурого рассвета. Еще час — и все укрепления красных будут полностью уничтожены.

Но мы быстро поняли, что этот час будет для нас очень тяжелым.

Шум боя быстро охватил весь лес. Со всех сторон к русским подходили подкрепления. Противник, отброшенный в густые заросли, начал обстреливать деревню. Отборные русские снайперы полезли на деревья. Мы развернули цепь солдат на опушке, но на нее обрушился прицельный огонь.

Немецкие саперы заторопились, они обязаны были довести дело до конца. Противник кружил вокруг нас, взяв в плотное кольцо. Что нам делать, когда придется начать отступление? Пытаться пройти 3 километра по открытому месту или снова отходить через вязкое болото?

Я приказал трем четвертям солдат начать отход. Тем временем мы предпринимали одну контратаку за другой.

Примерно через час почти вся колонна уже вышла из-под обстрела советских пулеметов. Мы видели людей в болоте, которые походили на мух, попавших на клейкую бумагу. Но в любом случае они уже были спасены.

Саперы наконец завершили свою титаническую работу. В свою очередь они тоже отошли. Теперь нас здесь ничто не задерживало.

Но уйти будет нелегко.

* * *

Нам потребовались три часа, чтобы пройти три километра по грязной заболоченной низине.

Я установил несколько пулеметов за окраиной деревни вдоль рельсового пути, который до войны использовался для доставки торфа из болот. С этой на-

сыпи мы могли свободно расстреливать противника, прижатого к земле рядом с лесом.

Большая часть моего арьергардного взвода вошла в болота, неся с собой раненых. Некоторые из них понимали, что обречены. У молодого парижского металлурга (в составе нашей бригады воевали около 100 французских добровольцев) была оторвана рука и распорот живот. С лицом, искаженным от страданий, он требовал, чтобы его положили у стога. «Я хочу умереть, видя, как сражаются мои товарищи», — сказал он просто.

Большинство раненых уже не могли идти. У одного из моих юношей были прострелены оба легких. Он лежал на снегу, раздетый до пояса, с двумя маленькими розовыми дырочками на желтой коже, лицо его было совершенно зеленым. Мы чувствовали, что должны спасти этих парней любой ценой. Самые сильные из нас тащили их на спине, но грязь проваливалась под ногами. Когда мы пересекали ручей, часть раненых упала в воду, и мы лишь с огромным трудом сумели вытащить их оттуда.

Наш отход поочередно прикрывали две маленькие группы. Пока одна стреляла, вторая занимала позицию примерно в сотне метров позади ее. Когда вторая была готова открыть огонь, первая бросалась бегом, обходя ее с флагов, чтобы в свою очередь занять позицию позади второй.

Один из моих последних товарищей получил тяжелую рану в живот. Каждый из нас по очереди тащил его, пока мог. Наши спины были совершенно залиты его кровью. Мы смогли волоочь его с собой до самого конца боя, однако он умер в госпитале два дня спустя, но умер свободным.

В полдень мы наконец пересекли болота и добрались до холма, на котором стояло Староселье, не бросив ни единого раненого и не потеряв советского пленного, который был так важен для нашего командования.

Мы присоединились к нашим танкам, которые поднимались по крутому склону, неся раненых, которых уложили на охапки веток.

Наш успех был полным. Ирдынь была совершенно уничтожена. Но мы не слишком радовались этому. Когда мы забрались в свои грузовики, то неприятно удивились тому, как много в них свободных мест.

Праздники

На Рождество 1943 года в каждом доме была поставлена рождественская елка, вместо снега украшенная ватой, позаимствованной у медиков.

Любое Рождество, которое я встречал на фронте, было обязательно печальным. Люди пели, пили, шутили. Но затем каждый вспоминал Рождество дома: покрасневшие щеки, веселых детей, счастливую жену, веселые песни. Глаза затуманивались, когда перед мысленным взором проплывали эти далекие видения, а в действительности человек видел убогую хижину. И тогда солдат выскакивал наружу, и мы находили его плачущим в ночном одиночестве.

В этот вечер в нашей дивизии 15 человек покончили с собой, их сердца не выдержали долгих месяцев разлуки и страданий.

Я хотел посетить все блиндажи наших добровольцев. Среди снега и темноты мне пришлось проделать около 10 километров, заглядывая в каждое такое про-

куренное убежище. Некоторые отделения, особенно укомплектованные молодежью, пытались делать хорошее лицо при плохой игре и встречали меня радостными криками, но я нашел гораздо больше мрачных лиц, чем улыбающихся. Один солдат, который больше не мог сдерживаться, бросился на землю и бил по ней кулаками, призывая своих родителей.

Ровно в полночь, когда все, кто еще держался, хором затянули «Святая ночь», небо расцветилось огнем, но это не был ангел-вестник или трубы Вифлеема. Это была атака! Красные, полагая, что в это время люди окажутся под столом, открыли огонь из всех орудий и перешли в наступление.

Но в действительности это стало облегчением. Мы вскочили на ноги. И снег, освещенный разрывами, трассирующими пулями и вспышками выстрелов, красными, зелеными и белыми сигнальными ракетами, превратил ночь в действительно праздничную. Вот так мы и провели сочельник, отражая попытки противника переправиться через реку Ольшанка.

На рассвете стрельба прекратилась. Наш священник причастил солдат, которые отделение за отделением приходили с позиций в православную часовню. Там наш валлонский священник, одетый в полевую форму фельдграу, служил вместе со старым деревенским попом в малиновой скуфейке.

Опечаленные и огорченные были утешены. Их родители, жены и любимые дети в это время слушали дома ту же самую рождественскую мессу и получали такое же причастие. Солдаты возвращались с просветленной душой, чистые, как бескрайняя степь, которая засверкала перед ними днем.

Вокруг избы, которую я использовал как наблюда-

тельный пункт и командный пост, гранаты и снаряды разнесли практически все здания. Мой маленький домик, его три вишневых дерева и замерзший колодец каким-то чудом уцелели во время огневого налета. Старая крестьянка, которая с ужасом смотрела на зазубренные пробоины в стенах, все-таки вернулась в свою хибарку.

Но две ее соседки были разорваны на куски в рождественскую ночь, как раз когда они ели борщ. Снаряд влетел точно в маленькое окошко.

На фронте смерть встречается повсюду. Она только и ждет, чтобы кто-то потерял голову или отступил.

В бою испуганный солдат это мертвый солдат. Отвага делает человека сильным, даже почти неуязвимым. Со смертью нельзя примириться, но следует смело смотреть ей в лицо.

* * *

Наступил новый, 1944 год.

Мы предпочли бы, чтобы сразу наступило третье или четвертое января, чтобы дни сразу стали обычными, когда ты уже не думаешь вообще или думаешь как можно меньше.

Но нам пришлось ожидать новой атаки со стороны убудков. Неужели в эту полночь они повторят свой рождественский спектакль?

Мы получили приказ ожидать атаки. Предполагалось, что они атакуют накануне Нового года.

Два взвода моей роты в темноте выдвинулись на заснеженную равнину, пересекли реку и заняли позиции в кустарнике.

Третий взвод пересек Ольшанку в километре пра-

вее. Его задачей была провокация. Он должен был забраться в заросли ежевики в нескольких сотнях метров южнее Закревки и открыть сильный огонь, чтобы противник бросился крупными силами именно туда. В этом случае два остальных взвода сумели бы штурмом взять укрепления, находящиеся напротив деревни Байбузы.

Наши солдаты пошли в атаку. Противник в панике бежал.

Мы вернулись на рассвете. Я принес на спине молодого добровольца, который первым ворвался в советский блиндаж, но налетел на автоматную очередь.

Хотя оба его колена были раздроблены, он не издал ни стога. Его волосы, мягкие, как у ребенка, прилипли мелкими завитками к вспотевшему лбу. Бедный парень испытывал страшные мучения как раз в то время, когда во всем мире миллионы людей завершали праздничную ночь.

1 января, 05.00. Тусклое красное солнце поднималось над заснеженным лесом. Степь больше не казалась синей. В долине еще трещали выстрелы. А во всем мире в это время люди танцевали, люди пили, женщины смеялись, лица пьяных мужчин несли на себе отпечаток всех грехов, которые их отягощали. День медленно поднимался над белой степью, искалеченный юноша умирал, потому что он верил в нечто возвышенное, потому что его идеалы были настолько сильны и чисты, позволили принять мученическую смерть.

Утром я положил на сверкающий, как бриллианты, снег рядом со своей избой этого юношу с замерзшими кудрями. Его глаза больше не видели мир, ради спасения которого он умер.

Закревка

1944 год начался плохо.

Советские войска нанесли мощный удар на северо-востоке и юго-востоке нашего сектора. Их наступление получилось очень впечатляющим, и остановить его не удавалось.

Тем не менее наше командование отдавало приказы без признаков волнения, и мы так же исполняли их. Мы были намерены удерживать слияние Ольшанки и Днепра до скончания веков.

Из Берлина прибыли несколько актрис, которые оказались в тылу у нас. Приезжавшие мотоциклисты расписывали прелести с необыкновенным темпераментом, чужь не забывая о приказах, которые они доставляли.

Тем не менее с каждым днем острия советских клещей сближались все больше позади нас.

Но мы не беспокоились о подобных вещах. Для солдата на войне существует только его участок фронта. Остальное — это дело генералов и журналистов.

* * *

На рассвете 4 января штурмовая бригада «Валлония» получила приказ поддержать атаку наших танков. Нашей целью была деревня Закревка, куда мы уже наведались 1 января. Теперь требовалось уничтожить укрепления, построенные в лесу позади деревни.

Кроме того, нам приказали достать пленных.

В 1941 и 1942 годах мы просто не знали, куда их деть. Однако теперь советские солдаты сражались на смерть и ускользали у нас между пальцев, увертливые, как ужи. Генерал Гилле, командир дивизии

СС «Викинг», требовал по крайней мере пятерых пленных, чтобы проверить сведения нашей разведки.

1-я рота должна была пересечь Ольшанку в 03.00 и укрыться в лесу северо-восточнее Закревки, чтобы помешать советским подкреплениям вмешаться во время боя. Моя рота пересекала реку на надувных лодках в 02.00. Мы должны были подобраться к западной окраине Закревки и ждать начала штурма. 2-я рота наносила удар с юга, выйдя из Староселья по лесной дороге.

За ночь саперы должны были очистить эту дорогу от мин. В 05.00 в дело вступали танки, которые несли на броне наши основные силы. Они должны были идти прямо на Закревку. После этого пехота присоединилась к атаке, развернувшись между танками.

Это была рискованная операция.

Наши танки могли попасть на мины и подорваться еще во время выдвигания на исходный рубеж, хотя успех во многом зависел именно от них.

* * *

Моя рота укрылась недалеко от Ольшанки примерно в 300 метрах севернее вражеских наблюдателей. Наши длинные белые маскхалаты прекрасно работали на снегу. Я подполз к самой воде и оставался там более часа, прижав ухо к земле. Ни один шаг не прозвучал в промерзшей почве. Ни один всплеск не побеспокоил поверхность реки.

Саперы закончили надувать наши лодки и тихо спустили их на черную воду.

Нам предстояло двигаться вдоль троса, так как те-

чение было сильным. Сто человек с помощью лодок переправились на противоположный берег.

Нам все еще предстояло пройти около километра, прежде чем достичь леса. Со своего маленького командного пункта чуть южнее Закревки я слушал посвист ветра, и нервы мои были напряжены до предела. Ветер дул над степью, но он не приносил никаких других шумов, ни шума моторов, ни щелканья курка.

Мои люди добрались до поросших лесом холмов.

Время шло. Вскоре мы услышали отдаленный грохот танков, вошедших в лес с юга. Наши саперы уже пробрались на вражеские позиции, разыскивая мины и обезвреживая их. Лес по-прежнему оставался немым. У меня все сжалось внутри, когда я подумал об этих отважных парнях, которые без всякой рисовки двигались вперед в холодной ночи, работали, ждали или ползли по снегу, чтобы передать приказ.

Было уже почти 05.00. Теперь рев танковых моторов и лязг гусениц стали совершенно отчетливыми. Красные, занимавшие опушку леса на юге, не успели даже толком проснуться. Наши солдаты, спрыгнув с танков, бросились в блиндажи с гранатами в руках.

Сонные красные похватили свои автоматы, но внезапность была полной. Все быстро кончилось, они были либо убиты, либо ранены, либо захвачены в плен. Наши танки без остановки двинулись дальше сквозь лес.

Я выпустил сигнальные ракеты, как только ракеты 2-й роты прочертили в небе искрящиеся дуги. Часть моих солдат бросилась в Закревку с северо-востока и востока с тыла, чтобы встретить наши танки, идущие с юга. Остальные отогнали русских, стоявших у противотанковых орудий на лесистых холмах.

В рукопашной схватке валлонам не было равных, и она решила исход боя. Советский офицер, командовавший артиллерийской батареей, подорвал себя гранатой, когда увидел, что орудия потеряны.

Десятки отдельных схваток происходили в лесу. Люди метались между избами, в оврагах и вокруг стогов. Наше отделение связи было загнано на восточную оконечность поля боя. В несколько секунд пять специалистов, нагруженных телефонами и катушками с проводами, были схвачены. Русские утащили их в чащу леса. И больше мы их не видели.

Один из наших танков был подбит, но мы довольно быстро сумели отремонтировать его. Мы захватили внушительную добычу, буквально все, что можно было найти в Закревке.

Мы привели более 30 пленных, одетых, как обычно, в тряпье, однако сильных, как звери, подобно которым они жили в вонючих и грязных норах, выкопанных в земле.

Эти дикари питались тем, что находили в избах и на зимних полях, или тем, что могли отрезать от трупов: гнилые головки подсолнухов, початки кукурузы, заплесневевший хлеб.

Они обладали выносливостью троглодитов, но имели, помимо звериной силы, сверхсовременные автоматы с магазинами на 70 патронов. В грязных вещевых мешках, привязанных веревками на спине, они держали все, что им требовалось для ведения боев на протяжении двух недель.

Эти ободренные гиганты, косоглазые монголы с вытянутыми головами, жесткими черными волосами, щеками, толстыми, как свиной окорок, эти хищные азиаты, с блестящими глазами-щелочками, невытые,

вонючие, несгибаемые, больше всего походили на доисторических чудовищ, если поставить их рядом с нашими молодыми солдатами, стройными и подтянутыми, с чистой кожей.

Мы погнали эту толпу к себе в тыл, как если бы мы гнали стадо диких свиней. Их грубые, жестокие лица смеялись, потому что мы не убили их немедленно и даже дали им сигареты.

Но хоть мы и захватили 30 дикарей, еще десятки тысяч стояли против нас. Не говоря уже о тех сотнях тысяч таких же дикарей, которые находились восточнее, севернее и южнее.

Ободранные толпы наступали.

И мы уже ощущали давление этой орды.

Первые трещины

Советские армии хлынули с севера и советские армии рванулись с юга, они сближались все больше и больше. На западе, в 80 километрах позади нас, не более 150 километров разделяли наступающие с двух сторон советские войска.

К 7 и 8 января мы уже могли поверить, что на Днепре все потеряно для нас. Надвигаясь с северо-востока, советские танки прошли по тылам немецкой армии, преодолев сто километров двумя бросками.

Методы русских были простыми. Они грузили на танки охапки автоматов. Когда они входили в города, группы из пяти, шести или десяти танков сразу собирали гражданское население. Каждый оборванец, каждый сопливый пацан немедленно получал автомат. Через час, не имея никакой военной подготовки, три-

ста таких башибузуков в отрепье уже сопровождали наступающие танки.

Советская армия пополняла свои ряды без всякого труда по мере развития наступления. Эти резервы человеческого «сырья» были поистине неисчерпаемы.

К счастью, удары красных 7 и 8 января имели только локальный успех, хотя и были исключительно отважными. Без всякой поддержки десятки советских танков прорвали фронт и вышли на оперативную глубину.

Немецкие танки, спешно переброшенные в район прорыва, сумели их окружить. У русских танков закончилось топливо. Экипажи попытались укрыть машины в кустах и замаскировать, но все они были обнаружены в течение трех дней и постепенно уничтожены.

* * *

Но тревога не ослабевала. Если русские отправят более крупные силы, атака наверняка увенчается успехом.

Честно говоря, наши позиции на берегу Днепра были плохими. Мы занимали кончик длинного языка. Дивизия «Викинг» и штурмовая бригада «Валлония» были единственными соединениями, прикрывавшими юго-восточный фас выступа. Рано или поздно их обязательно должны были отрезать.

Сразу после нашего прибытия сюда в ноябре 1943 года уже было очевидно, что мы обречены. В начале января 1944 года эта истина открылась буквально всем. Только ликвидация нашего выступа и выпрямление линии фронта могли спасти нас от неизбежного окружения.

Мы полагали, что наверху понимают ситуацию, так как мы получили приказ выйти из боя и отойти, чтобы занять позиции в 20 километрах дальше на юго-запад.

Это было здорово, но это был только первый шаг.

Предполагалось, что отход начнется в полночь. Мы уже провели рекогносцировку новых позиций. Все было готово.

Но в 23.00 из штаба дивизии пришел приказ, отменяющий все приготовления. Гитлер лично категорически потребовал удержаться на Днепре. Оставить Днепр для него было равносильно моральному поражению. Это также означало потерю позиций, с которых можно было начать наступление на Харьков и Донец. В любом случае, отход был отменен официально.

Солдаты консервативны по своей природе. Те, кто хоть немного был в курсе дела и уже отправился назад на грузовиках, с философским терпением вернулись на позиции в районе слияния Ольшанки и Днепра. Но те, кто слушал по радио советских коммюнике, и те, кто отмечал на карте движение советских клиньев на севере и юго-востоке, нервничали. Они понимали, что мы оказались в смертельной опасности.

* * *

Мощные удары сотрясали весь сектор. Дивизия «Викинг» была вынуждена отвести половину своих сил с Днепра и отправить их на запад в город Черкассы.

В другом секторе лес возле Теклино образовал большой треугольник, врезавшийся в наши позиции. Он целиком перешел в руки большевиков, и все контратаки были напрасны.

Генерал Гилле решил приказать валлонам атаковать этот лесной массив.

Вечером 13 января мы покинули берег Ольшанки в обстановке строгой секретности. Наше ночное путешествие на тяжелых грузовиках по снегу и льду на несколько километров привело нас в лес к Теклино.

Теклино

Штурм Теклино должен был начаться на следующий день 15 января.

Вечером на разведку исходного рубежа были отправлены офицеры. Сначала несколько километров мы ехали по шоссе на Черкассы. Потом мы свернули налево на кочковатую дорогу, которая вела к осиновой роще. Оттуда мы могли видеть весь нужный район.

Обширные заснеженные поля тянулись до самого леса у Теклино. Ближайшее, узкое рядом с нами, заметно расширялось к востоку.

Каждый командир роты получил свое задание и проверил совпадение карты с местностью. Сгустились сумерки. Деревья превратились в красочный пурпурный занавес. Глубоко встревоженные, мы рассматривали эти гладкие поля, эти голубые овраги, через которые нашим людям придется пробираться ночью к лесу, где затаился противник. Немцы, которые провели несколько бесплодных контратак, уверяли, что русские хорошо укрепились.

Артиллерийский полк дивизии должен был поддерживать нас. Он развернулся в полном составе за грядой холмов на западе.

Несколькими днями ранее я стал адъютантом командира нашей бригады. Поэтому мы с ним в 03.00 встретились с генералом Гилле. Мы устроили импро-

визированный командный пункт, связанный телефоном со всеми нашими ротами.

В 01.00 наши солдаты начали с кошачьей осторожностью выдвигаться на исходный рубеж. Легкие маленькие санки, похожие на финские, позволяли доставлять боеприпасы. Каждые 15 минут на другом конце провода почти неслышные голоса командиров рот сообщали об их продвижении.

* * *

В 04.00 огонь нашей артиллерии обрушился на опушку леса.

Орудия дивизии «Викинг» были старыми. Они непрерывно прослужили полтора года во время кампании без всякого ремонта. Нам приходилось вести невероятно сложные вычисления, чтобы управлять огнем, однако стрельба оставалась потрясающе меткой. 4000 снарядов легли на голову врага, уничтожая одну траншею за другой, разнося в щепки деревья.

Наши солдаты, невольно пригнувшиеся во время огневого налета, от которого звенело в ушах, с криком бросились в атаку как раз в тот момент, когда артиллерия перенесла огонь на следующий рубеж.

Моя бывшая 3-я рота бросилась в рукопашную с такой стремительностью, что вскоре потеряла контакт с остальной бригадой. После трудного подъема она захватила два особенно крутых холма, на которых русские все-таки удержались в разрушенных траншеях, несмотря на обстрел.

Несколько молодых женщин в форме сражались особенно упорно, просто обезумев от ярости.

Наши солдаты не хотели убивать женщин. Тем более что эти были довольно симпатичными. Самая кра-

сивая из них дралась, как тигрица. В горячке боя ее нежная белая грудь даже выскочила из гимнастерки цвета хаки. Так она и умерла. Веснушки на ее лице сияли, словно зимний вереск, а ее маленькие замерзшие груди светились розовым. После боя мы забросали ее снегом, чтобы никто не мог побеспокоить останки.

После захвата этих упорно обороняемых позиций 3-я рота перешла к штурму блиндажей в лесу. Они были рассеяны на протяжении 4 километров. Но уже через километр сильно поредевшая рота с трудом удерживала захваченное. Она напрасно ждала, чтобы подтянулась оставшаяся бригада, действовавшая левее.

Но остальным ротам в это время пришлось ничуть не легче.

Они сумели пройти 5 километров по лесистым холмам лишь с огромным трудом. Бой был исключительно упорным. Артиллеристы дивизии «Викинг» поддерживали действия пехоты, сумев согнать красных с вершин холмов.

Однако в этот момент артиллерия русских начала контрбатареиную стрельбу. Оказалось, что восточнее леса находятся несколько «Сталинских органов», которые могли выпустить по 36 ракет каждый, накрыв целый участок. Буквально за час мы потеряли 125 человек убитыми и ранеными.

С командного пункта мы видели, как наши маленькие санки скатываются с заснеженных холмов, унося раненых. Полевой лазарет был переполнен. Десятки людей в окровавленных повязках лежали на носилках и просто на снегу, кровь замерзала на морозе. Невыразимо страдая, они ждали своей очереди, ждали, когда врачи займутся ими, а окровавленные санки продолжали сновать взад и вперед к проклятому лесу.

* * *

Затем русские контратаковали и отбросили бригаду. Только 3-я рота удержалась, зацепившись за холмы, но в результате она была отрезана от остальных.

Мы вместе с командиром бросились вперед, чтобы остановить отступление. Но русский удар был фантастически силен. Мы уже понимали, что вскоре вся бригада будет выкинута из леса, если не считать 3-ю роту, потерявшуюся где-то там в чаще. После этого нас отбросят в открытое поле, где отступление превратится в избиение.

К 17.00 положение удалось стабилизировать, однако оно оставалось катастрофическим. Лес захватить не удалось. Бригаду от опушки отделяли только 200 метров. 3-я рота пропала. Ее могли уничтожить в любой момент.

Мы устроили импровизированный военный совет в избе на дне долины. Все скорбно кивнули. Генерал Гилле по своей привычке выждал 10 минут, ничего не говоря. Потом он крепко сжал челюсти, сверкнул запавшими глазами и встал.

«Продолжать атаку», — сказал он коротко. Он посмотрел прямо на нас, хмуро и серьезно.

«Вы должны захватить лес», — добавил он.

* * *

Наступила морозная ночь.

Температура опустилась до 20 градусов ниже нуля.

Солдаты на опушке дубового леса нигде не могли прилечь, они также не могли развести даже самого маленького костерка. Они замерзали насмерть, не-

смотря на зимнюю одежду. Им оставалось только закопаться в снег, пока часовые караулят наверху.

Саперы раскатали колючую проволоку и протянули ее между деревьями. Они заминировали подходы, кроме узких коридоров, которые были тайно отмечены, чтобы могли вернуться наши разведывательные патрули.

Мы попытались установить связь с 3-й ротой. Взвод, сформированный только из добровольцев, ушел в лес на северо-восток.

Но наша информация оказалась неточной. На самом деле 3-я рота не зашла так далеко, как мы думали. Зато взвод проскочил слишком далеко на восток и натолкнулся на сильно укрепленную позицию. Последовала безумная ночная схватка. Командир взвода, настоящий гигант с плечами шириной с дверь, ворвался в один из русских блиндажей. Солдаты вытащили его оттуда, потому что он получил автоматную очередь в живот. На перевязочном пункте он сопел, как паровоз. Все думали, что он обречен, однако, как ни странно, он выжил. Через восемь месяцев он вернулся в наш гарнизон Бреслау, такой же массивный, как и раньше, только теперь на груди он носил Железный Крест 1-го класса.

И все-таки многочисленные раны в живот подорвали его здоровье. Буквально через пару недель он понял, что не может больше жить, как все. Он взял на складе противопехотную мину, ушел на берег Одера и там взорвал сам себя.

На речном берегу мы наши только куски мяса и несколько костей — все, что осталось. На столе в казарме он оставил короткую записку: «Я не хочу жить инвалидом. Прощайте, друзья! Vive la Legion!»

* * *

Ночная атака отважного взвода не дала никаких результатов. Найти 3-ю роту так и не удалось. На следующее утро я лично предпринял попытку отыскать исчезнувших товарищей.

Танки нашей бригады стояли на северной опушке леса. Я улегся на броню одного из наших штурмовых орудий, и мы проехали по степи 2 километра на восток от исходного рубежа вечерней атаки. Именно там, как полагал штаб, должна была находиться пропавшая рота.

Но мы ошибались. На полпути к намеченной точке мы въехали в дубовую рощу, до которой было не более километра. Измученные и неспособные что-либо сделать, наши солдаты увидели внезапно появившееся перед ними самоходное орудие. Обрадованные, они стащили меня на землю.

После жаркой встречи, которую мне устроили, быстро выяснилось, что здесь находятся всего лишь несколько солдат. Водитель танка с огромным трудом привез меня назад, так как нас обстреляли и рядом взлетело более двадцати столбов снега и земли.

Но во второй половине дня наши саперы, которые старались растянуть изгородь из колючей проволоки как можно дальше на северо-восток, совершенно неожиданно нашли еще нескольких парней из 3-й роты, которые закрепились в юго-восточном конце своего сектора. Бедные парни посинели от холода. Они расположились среди 20 трупов русских. Мы быстро связались с ними, протянув линию над сотнями мин. К наступлению ночи нам удалось создать сплошной фронт.

Но эта была та еще ночь!

3-я рота удерживала захваченные ею холмы. В земле прямо под собой они обнаружили какие-то могилы, вырытые до наступления морозов, в которых могли спать два или три человека. Эти советские стрелковые ячейки были глубиной с гроб. Русские застилали их сухими листьями и, оказавшись внутри норы, закрывали вход куском брезента. В такие могильники никто не мог залезть, кроме ловких татар, монголов и сибиряков, которые прижимались друг к другу. В этом случае они чувствовали себя немного удобнее, согреваясь теплом тел, как дикие животные, сбивающиеся в клубок.

Наша молодежь заняла место мужиков, чьи окоченевшие тела, твердые, как камень, валялись повсюду. На этих двух холмах наши добровольцы захватили семь советских пушек. Немецкая артиллерия здорово им помогла. Местность вокруг была буквально перепахана снарядами, каждое дерево либо рухнуло, либо было расщеплено, получив сотни осколков. Кучи трупов лежали повсюду, мертвецы еще сжимали свои повязки, круглые бородатые лица киргизов украшали красные от замерзшей крови бороды. Волосы девушек в хаки, лежащих навзничь, уже засыпал снег.

Нашим молодым солдатам такое жуткое соседство сделало ночь просто ужасной, да вдобавок этот сильнейший холод. Эти юнцы, как и знаменитые валлонские драгуны императрицы Марии-Терезии, едва ли набрали бы десяток усов на всю роту. Хотя в глазах у них мутилось от усталости, они всю ночь отважно несли караул среди ледяных трупов, которые постоянно приходилось отталкивать прочь.

* * *

Остальные роты на ночь расположились на земле, твердой, как бетон. Мы сумели построить импровизированные укрытия, натаскав обломки деревьев и сложив кое-как. Мы прижимались друг к другу, чувствуя, как холод заползает внутрь.

17 января прибыл генерал Гилле, чтобы проверить, как идут дела на нашем участке.

За его разведывательным броневиком шел танк. Он был набит шоколадом, сигаретами и коньяком. Солдаты прекрасно поняли, что означают эти подарки: нам предстояла новая атака.

В это трудно было поверить.

Лица людей были желто-зелеными, как лук-порей, впрочем, точно такими же были лица многочисленных советских трупов, валявшихся поблизости.

Ночь, когда мы завершали свои приготовления, была холодной и ясной.

Семьсот бункеров

Послать всю нашу бригаду на штурм леса у Теклино, как в первый день, значило обречь ее на верную гибель.

Мы больше не могли полагаться на эффект внезапности. Русские удерживали все высоты в глубине леса. Только какая-нибудь остроумная и отважная атака, специалистами по которым были наши солдаты, могла принести определенный успех.

Мы решили, что в полночь пять групп валлонов, вооруженные пулеметами, проскользнут по узким проходам в наших минных полях. Они потихоньку про-

сочатся вглубь вражеских позиций. Им было приказано пройти как минимум 800 метров. Одно из этих отделений должно было отвлечь внимание красных, один человек должен был пойти на смертельный риск и изобразить бегство, чтобы противник поверил, что имеет дело с одиночкой-разведчиком.

Но нашей целью была не разведка. Мы собирались спрятаться и остаться там. Под покровом темноты наши группы должны были пересечь оборонительный пояс противника в тех местах, которые господствовали над окрестностями. Затем на рассвете, в тот момент, когда бригада пойдет на штурм, они должны открыть бешеный огонь из своих пулеметов в спину большевикам, которых наверняка собьет с толка стрельба в тылу.

Эти пять групп состояли только из добровольцев. У каждого пулемета в тылу врага должны были находиться по два валлона. Третий должен был вернуться к нам, чтобы сообщить о результате столь необычного задания и совершенно точно указать места расположения пулеметов.

Высоко над головой тут и там мигали яркие звезды. Красный диск луны, который мерцал между могучими кронами высоких дубов, окружал ореол гало. Но внизу, под ветвями мрак был непроглядным, лишь отдельные голубые отблески небесных светил прорывались там, где упавшее дерево образовало разрыв в сплошной завесе, закрывающей небо.

Несколько часов нам предстояло следить за тенями.

Русские тоже осторожно прощупывали нас. Трижды солдаты красных подрывались на наших минах, при этом мигала яркая красная вспышка. Наши наблюдатели каждый раз получали небольшую контузию, так как взрыв происходил совсем рядом с ними. «Еще один», — должно быть, бормотали они, оттирая замерзшие носы снегом. Затем в зловещем лесу снова воцарялась тишина.

Наконец наступила полночь. Наши парни, таща с собой пулеметы, поползли по секретным коридорам, которые наши саперы оставили свободными от мин.

Два часа, три часа ожидания, и наша тревога слегка ослабла.

Но холод был чудовищным. Мы мерзли, если ходили, и мерзли, если стояли на месте. Время от времени деревья вздрагивали от удара, когда очередной мужик касался растяжки мины.

Каждый из наших наблюдателей до рези в глазах вглядывался в темную лесную чащу. Если вылазка удастся, наши посыльные скоро придут к колючей проволоке, прикрытой минами. Их караулили и русские, и сама Смерть.

Взорвалась мина. «Помогите! Помогите!» — закричал кто-то. Это был первый из наших товарищей, который налетел на вражескую мину.

Он с трудом полз в темноте. Мы слышали, как он движется, слышали его тяжелое дыхание. Второй взрыв, еще более сильный, чем первый, потряс нас. Теперь бедняга налетел уже на одну из наших мин.

Нам пришлось ползти к нему, чтобы забрать. Он превратился буквально в грудку рваного мяса, однако у бедняги еще хватило сил сообщить, что остальные добрались до места и все идет нормально.

Чтобы спасти остальных посыльных, которым также предстояло пробраться через советские минные поля, мы начали время от времени окликать их. Четыре раза мы слышали шепот. «Не двигайся, за тобой идут!» — шептали мы, когда наш отважный товарищ скользил по узкому коридору между минами и колючей проволокой, чтобы встретить посыльного и проводить на наш командный пункт.

К 04.00 стало ясно, что наша затея полностью удалась. Все пять групп расположились примерно в километре от нас на фронте предстоящей атаки. Одна из них устроилась даже в 1300 метрах, позади второй линии обороны русских.

Это было великолепно.

В 05.00, когда верхушки деревьев только начали окрашиваться в пурпур восходящего солнца, все наши роты прошли по очищенным от мин проходам, отмеченным белыми лентами.

Теперь оставалось только броситься на врага.

Это была хорошо подготовленная операция. Командиры рот несли с собой полевые телефоны, чтобы каждый из них был в курсе продвижения всех остальных. На правом фланге нам удалось быстро захватить холмы. Группа пулеметчиков, умело выбрав места, не только создала требуемое впечатление, но и хорошо поработала. Группы трупов русских лежали на склонах холмов.

В центре рота двигалась по более простой местности. Левое крыло, поддержанное танками, наступало вдоль опушки и также продвигалось довольно быстро.

По специальному приказу я снова на несколько часов принял командование 3-й ротой. Я прошел вместе со своими кадетами около 30 метров, чтобы избежать ненужных жертв. Земля была покрыта слоем снега толщиной полметра. Противник наверняка расставил свои ловушки.

Последовал страшный взрыв. Первые трое парней, которые шли в 25 метрах позади меня точно след в след, подорвались на вражеской мине. Я сумел пройти, не коснувшись ни одной из полутора сотен проволок, тянувшихся во всех направлениях. Но, увы, другим повезло меньше. Их ноги было страшно изуродованы. Через пять минут окровавленные култышки замерзли, превратившись в бледные палки цвета слоновой кости, твердые как камень.

Русские зима была безжалостной. Серьезная рана в конечность означала потерю конечности. Сани увозили пострадавших в тыл, пока мы продолжали двигаться вперед.

Противник соорудил прочные укрепления. Бой начал затягиваться. Мы дрались до вечера. На следующий день рано утром мы полностью заняли лес.

Перед нашим наступлением немецкая артиллерия в последний раз обстреляла вражеские позиции. Нам приходилось перешагивать через застывшие тела буквально на каждом метре территории. Но перед последней рукопашной схваткой красные зверски убили всех пленных. Одного молодого эсэсовца они просто распяли. Другие лежали еще живые, но их живот и ноги были залиты кровью. Чудовища отрезали им половые органы и затолкали в рот.

Несмотря на победу, вид этих зверств ужаснул нас.

* * *

За четыре дня боев мы захватили семьсот блиндажей.

Нам на смену пришли латыши в длинных белых куртках.

В 200 метрах от наших окопов сияла долина. Огромный лес у нас за спиной снова был свободен. Он снова окрасился в мирные цвета: белый, синий, лиловый. Покойники стали твердыми, как деревяшки. Они больше не пугали нас, как в первый день.

Наши роты одна за другой выходили из боя. Большие грузовики бригады ожидали солдат внизу в долине. Мы прошли по снежной тропе, извивавшейся вдоль высот, часто оглядываясь, чтобы увидеть вдали треугольник леса у Теклино.

Совсем маленький треугольник. Но запомнили мы его навсегда.

Ловушка захлопнулась

Десять дней прошли, прежде чем разыгралась грандиозная драма.

Нас снова отправили на позиции на Ольшанке.

Двигавшиеся с севера советские армии безостановочно шли по всей ширине Украины. Они уже находились недалеко от Винницы, расположенной в 200 километрах в тылу у нас, и приближались к последней крупной реке, которую немцы пока удерживали до румынской границы — Бугу.

Эта северная армия больше не пыталась добиться локального окружения, как в начале января. Теперь русские начали гигантскую операцию.

Советские армии на юго-востоке уже захватили Кировоград. Если бы они сумели соединиться с армиями, наступающими с северо-запада, образовался бы гигантский котел.

Чтобы предотвратить эту угрозу, почти вся дивизия «Викинг» переместилась на юго-восток, на наш правый фланг, тогда как ранее она находилась слева на северо-востоке вдоль Днепра, занимая участок длиной 80 километров и загибая фланг на реку Ольшанка до наших позиций в деревне Мошны.

Нам пришлось растянуть позиции от Мошны до Лозовка, который стоял на самом Днепре. Теперь мы обороняли участок фронта протяженностью около 100 километров.

И если наши артиллерийские, противотанковые, зенитные и саперные подразделения были относительно целыми, пехотные роты значительно ослабли за последние два месяца боев. Теперь в них осталось не более 1000 солдат. В результате мы столкнулись со страшной опасностью, так как могли держать в среднем по 20 человек на километр фронта.

Мы разносили опорные пункты все шире, поэтому они вполне могли быть захвачены поодиночке либо просто обойдены.

К северо-востоку от большого моста в Мошны местность была совсем дикой — ржавого цвета кусты, тростники, песок, болото. Пройдя несколько километров по унылым топям, мы попали в Лозовок.

Там у нас находилась буквально горстка солдат, всего одна рота, точнее — 2-я рота капитана Дерикса, которая была переведена из Староселья. Она должна была прикрывать весь восток нашего сектора, другими словами, степь, город Лозовок, несколько кило-

метров песчаных дюн и, на сладкое, так сказать, правый берег Днепра.

Мы были счастливы находиться здесь и видеть, как гордо реет флаг нашей Отчизны. Но, если отбросить в сторону подобные сантименты, нашим людям приходилось нелегко на берегу огромной грязной реки, перед этими великолепными островами, посреди равнины, где повсюду находились многочисленные враги.

Штаб дивизии переместился на 30 километров южнее. Командный пункт нашей бригады расположился в Белозерье, которое с этого момента стало центром наших позиций. Здесь, куда вчера сходились многочисленные телефонные линии командира дивизии «Викинг», где стояли его передвижные радиостанции, а на каждом углу торчали фельджандармы, наш скромный взвод связи смотрелся как-то жалко.

В пятницу 28 февраля 1944 года я получил приказ прибыть в штаб дивизии в Городище. Равнина, на которой росли тысячи фруктовых деревьев, выглядела просто очаровательно. На заснеженных холмах романтически виднелись черные или красноватые крылья ветряных мельниц.

Генерал Гилле и его штаб разместились рядом с православной церковью в современном белом здании, которое советские самолеты обстреливали из пулеметов буквально каждые четверть часа.

Старшие офицеры продолжали шутить, но это было какое-то фальшивое веселье. Мне по секрету показали радиограмму, которую командир дивизии отправил Гиммлеру: «Через три часа дивизия «Викинг» будет окружена».

Тем не менее никто не хотел верить в реальность происходящего. Наверняка кто-то что-то делает ради

нашего спасения. Советские самолеты прилетали снова и снова, ожесточенно бомбя штаб дивизии. Но среди всего этого хаоса фельджандармы обшаривали избы и вытаскивали наружу кучки симулянтов. В общем, законченный сумасшедший дом. Несмотря на свои заверения, офицеры были откровенно обеспокоены, а солдаты смертельно устали.

Я вернулся в Белозерье, вдыхая сухой воздух, восхищаясь прозрачной голубизной чистого неба, несмотря на все наши проблемы.

Но уже через два часа на командном пункте зазвонил телефон, штаб дивизии передал одну, но страшную фразу: «Русские войска соединились на юго-востоке».

Одиннадцать немецких дивизий, более или менее укомплектованных, были окружены. Ровно через год после трагедии на Волге начинался второй Сталинград.